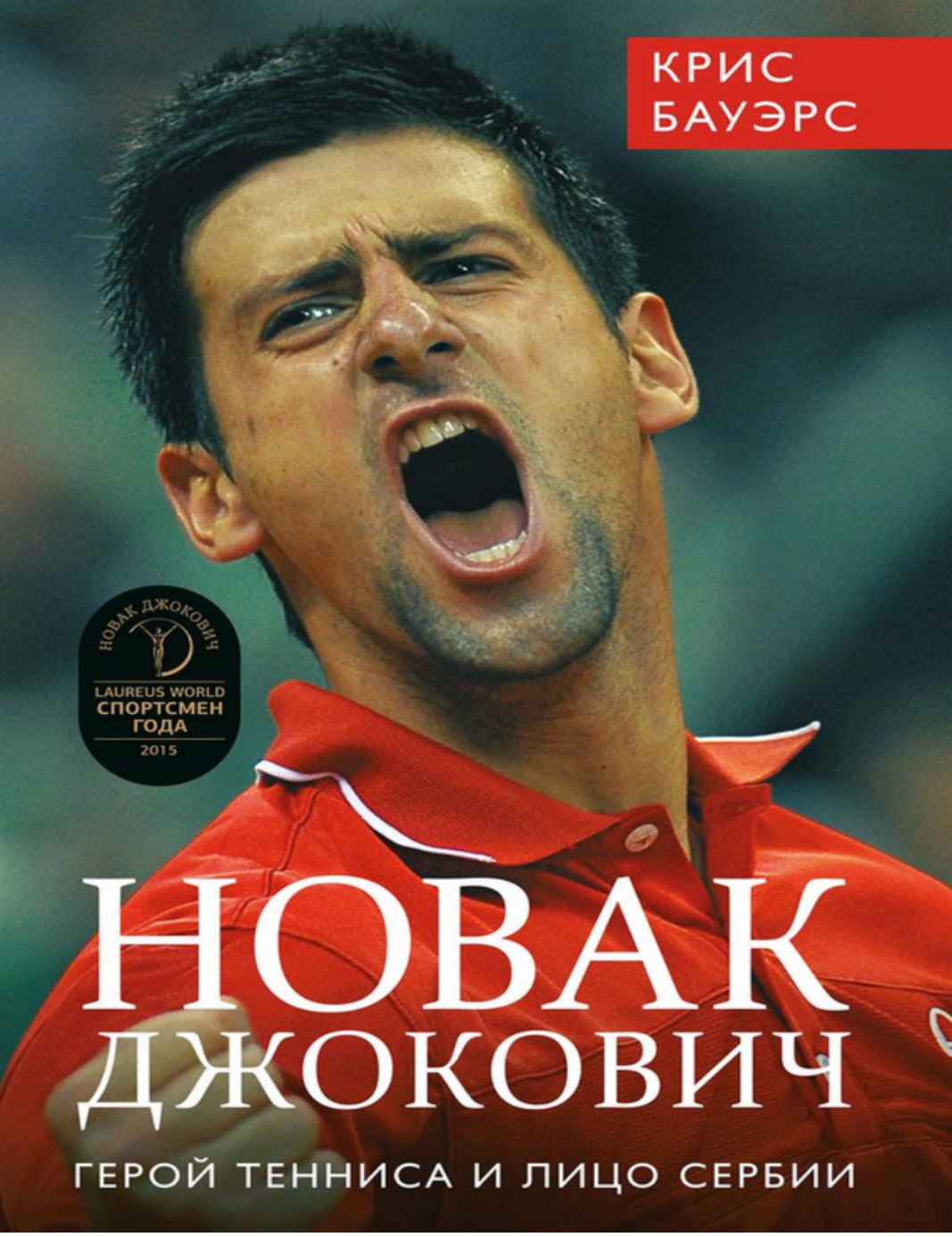
КРИС
БАУЭРС
НОВАК ДЖОКОВИЧ
LAUREUS WORLD
СПОРТСМЕН
ГОДА
2015
НОВАК
ДЖОКОВИЧ
ГЕРОЙ ТЕННИСА И ЛИЦО СЕРБИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новак Джокович не просто один из величайших в мире теннисистов – в сущности, он полномочный представитель своей родины, Сербии. А это – задача непростая, если вспомнить о той реакции, которую вызвали в мировых СМИ действия Сербии в югославских войнах 90-х гг. XX в. По сей день у многих людей слово «Сербия» ассоциируется со словами «кровавые преступления». В исследовании Криса Бауэрса, посвященном Джоковичу и его родине, по сути, два главных действующих лица. Одно – это сам Новак, сначала мальчик из небогатой семьи, которому посчастливилось встретить женщину, не только научившую его играть в теннис, но и открывшую путь к славе первой ракетки мира; затем подросток и юноша, поставивший перед собой великую цель; и наконец – нынешний Новак Джокович: суперзвезда мировых турниров, любимец Сербии и основатель известного благотворительного фонда своего имени. Подробно, с увлечением (и не обходя острых углов) рассказывает автор об этой незаурядной личности, о его победах и поражениях, о силе воли и необычайной целеустремленности, о достижениях на корте, прославивших его родину. Вторым действующим лицом является сама эта родина, Сербия. Бауэрс откровенно высказывается о ее роли в войнах 1990-х гг. и предлагает свое объяснение истории и жизни народа с его непростым прошлым. Кроме того, в книге изложены взгляды самого Джоковича, которыми он поделился с автором, рассказывая о своей деятельности в качестве представителя Сербии в мире.

- Крис Бауэрс
  -
  - Вступление и благодарности
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава Третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава Восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая

- Глава тринадцатая
- Библиография

- notes
  - 1

Крис Бауэрс
Новак Джокович – герой тенниса и лицо Сербии

Посвящается моей дочери Тамаре, которой на протяжении целых 15 месяцев ее жизни наверняка казалось, что папой она вынуждена делиться с каким-то сербским спортсменом.

Вступление и благодарности

Вуковар, Сребреница, Мостар, Баня-Лука. В 1990-е годы названия этих югославских городков каждый вечер звучали в выпусках телевизионных новостей. С той же частотой повторялись имена Слободана Милошевича, Франьо Туджмана, Алии Изетбеговича, Радована Караджича, Ратко Младича – главных действующих лиц четырех войн, которые привели к распаду Югославии. Преобразование Европы после Второй мировой войны на основе экономической взаимозависимости входящих в нее государств должно было предотвратить будущие войны в Европе. Но через 46 лет после окончания войны и через 34 года после основания сообщества, которое сейчас именуется Европейским Союзом, соседи ополчились друг против друга в одной из самых ужасающих схваток, которая, по заявлению трибунала ООН, сопровождалась настоящим геноцидом. И все это происходило на европейской земле.

Велик соблазн видеть в войнах некие отрезки времени, которые потом можно вычеркнуть: с 1914 по 1918 г., с 1939 по 1945 г. Но так не бывает. Жизнь не останавливается, несмотря на все ужасы и лишения. Люди учатся выживать, продолжают давать образование детям. Водят их в танцевальные классы, к музыкальным преподавателям, на спортивные занятия точно так же, как делали бы это в мирное время. Тот факт, что из растерзанной Второй мировой войной Югославии вышло несколько одаренных спортсменов, не должен вызывать особого удивления. Но то, что целых шесть теннисистов мирового класса являются выходцами из Сербии, страны с населением всего 7,1 млн человек, площадью 88 тыс. квадратных километров и фактически без традиций этой игры, производит впечатление. Новак Джокович, Ана Иванович, Елена Янкович и Ненад Зимонич за несколько лет вышли на первое место в мировом рейтинге: первые трое – в одиночном разряде, а Зимонич – в парном. Если добавить к ним Янко Типсаревича, который поднялся до восьмого места в рейтинге и продержался два года в первой десятке, и Виктора Троицки, однажды достигшего 12-го места в мире, то перед нами предстанет удивительное поколение, почти не уступающее шведам, которых больше всего-то на миллион-полтора, но которые породили феноменальную плеяду теннисистов, господствовавших в командном теннисе с середины 1970-х до конца 1990-х гг. И завоевавших много громких титулов.

Самый титулованный из шести упомянутых выше сербских теннисистов – несомненно Джокович. Хотя не следует

недооценивать и достижения Иванович, выигравшей в 2008 г. открытый чемпионат Франции и добравшейся до вершины мирового рейтинга в одиночном женском разряде. Однако на этой позиции она продержалась всего несколько недель и ни разу даже не приблизилась ко второй победе на турнире Большого шлема. Ана Иванович – обаятельная и на редкость симпатичная посланница своей страны, но, увы, ее результаты все снижаются и снижаются. Янкович – одна из трех теннисисток, которые поднялись на первую строчку рейтинга, не выиграв ни одного турнира Большого шлема в одиночном разряде. Это, конечно, тоже достижение, говорящее о феноменальной спортивной форме Аны в 2008–2009 гг., но дальше она начала отставать от ведущих теннисисток.

Джокович же, напротив, выиграл восемь чемпионских титулов Большого шлема, и теперь ему недостает только выигрыша в Открытом чемпионате Франции, чтобы числиться победителем всех четырех турниров Большого шлема. Мало того, он доказал, что по харизматичности и авторитету он стоит на той же ступеньке, что Роджер Федерер и Рафаэль Надаль, и так же, как и они, способен представлять свой вид спорта и подавать пример доброжелательности и достойного поведения. А это имеет огромное значение для его родины.

Спортивные результаты, которые говорят сами за себя, естественная харизма, которую лишь подчеркивают его шуточные подражания своим товарищам-профессионалам, привычка громко обращаться к тренеру во время матчей, ныне практически исчезнувшая… Ну, и на редкость словоохотливый отец. Всего этого у Джоковича не отнять. Однако никому еще не приходило в голову связать успехи и личность выдающегося спортсмена с тем, что происходило на его родине в кровопролитных 1990-х годах. Эта книга – как раз и есть такая попытка.

Заманчиво, хоть и не совсем верно, было бы сказать, что идея этой книги начала воплощаться в жизнь в сентябре 2010 г.

В то время я впервые побывал в Белграде, освещая в прессе полуфинал Кубка Дэвиса между Сербией и Чешской Республикой. Я прибыл туда в среду вечером, связался с коллегами и узнал, что они договорились перекусить в ресторане «У Новака» – одном из двух белградских ресторанов, принадлежащих Новаку Джоковичу. Подумать: моя первая белградская трапеза состоится в ресторане, хозяин которого прославил Сербию! Вдобавок это всего в квартале от Белградской Арены – крытого стадиона на 17 тыс. мест, центра сербского тенниса.

На следующее утро мне предстояло взять у Джоковича интервью для телевидения, и, пока мы ждали, когда операторы

закончат со своими делами, я сообщил собеседнику, что накануне вечером побывал у него в ресторане. Естественно, он поинтересовался, что я думаю об этом заведении. Я замялся, прикидывая, как бы повежливее объяснить, что еда была отличной (это правда), но ждать ее пришлось довольно долго (с тех пор я узнал, что приносить заказы в сербских ресторанах вообще не торопятся, а «У Новака» наше ожидание было не самым долгим). Но я так ничего и не сказал, потому что Джокович перебил меня: «Сам знаю: там было слишком накурено, да?» Пришлось согласиться, и он ответил: «Да, мы стараемся, но такие вещи не сделаешь с кондачка».

Поразительно – эта короткая фраза мгновенно высветила то обстоятельство, что Джоковичу приходится одновременно играть как бы две роли. Он совершенно свободно чувствует себя за пределами Сербии, в западноевропейской и североамериканской культурах, где курение в общественных местах сейчас неприемлемо (и чаще всего запрещено), где во всех хороших ресторанах предлагают блюда, полезные для здоровья, и где патриотизм приветствуется, а национализм, особенно ярко выраженный, вызывает подозрения. Но столь же свободно чувствует он себя и на родине, правда, несколько изменив стиль: здесь он чуть больше походит на ура-патриота, охотно подхватывает сербские песни и даже демонстрирует некоторую склонность к неприкрытому национализму. По крайней мере, так показалось мне. Сам Джокович отрицает это, утверждая, что всегда и везде ведет себя одинаково: «Я всегда стараюсь относиться уважительно и доброжелательно к каждому человеку, из какой бы страны он ни прибыл и где бы я в этот момент ни находился. В том числе и к своим соотечественникам». Возможно, намерения Джоковича и вправду таковы, но меня не покидает ощущение, что на родине он неуловимо меняется.

Этот краткий разговор хоть и не сподвиг меня на замысел книги, но сыграл важную роль, когда в 2012 г. ко мне обратилось издательство John Blake Publishing с предложением написать о Джоковиче. Первым делом я связался с агентом Джоковича, чтобы выяснить, нет ли возможности сделать будущую книгу авторизованной биографией или автобиографией в обработке такого-то журналиста. Мне сообщили, что ответ в том и другом случае отрицательный, так как Джокович собирается сам написать книгу после завершения спортивной карьеры. Оставалось или взяться за авторскую биографию, или не браться за нее вообще. Но поскольку «авторским» способом я уже написал биографию Роджера Федерера и несколько раз вносил в нее поправки, то не горел желанием работать над биографией еще

одного теннисиста и сообщил в издательство, что не возьмусь за книгу о Джоковиче.

Сотрудники издательства John Blake Publishing снова обратились ко мне, объяснив, что чрезвычайно заинтересованы в книге о Джоковиче – может быть, я передумаю? Я подумал-подумал и вспомнил только что рассказанную вам историю. А что? Ведь Джокович служит связующим звеном между двумя культурами: сербской и мировой. Кроме того, западный мир так мало понимает жизнь Сербии! И вернулся в издательство с предложением книги, представляющей собой сочетание двух историй – самого Джоковича и его родины. Мое предложение было сразу же принято – так и появилась эта книга.

Для того чтобы такая книга состоялась, автору необходима толика везения, и в двух случаях мне определенно повезло.

Сначала я получил по электронной почте письмо от Криса Бауэрса. Не подумайте, это не клинический случай бесед с самим собой. У меня есть тезка, который работал на «Би-би-си» в то же время, что и я, и он связался со мной, чтобы по прошествии двадцати лет, не выдержав угрызений совести, сообщить, как однажды принял предложение на ужин от одной поклонницы, которая, как выяснилось, слышала по радио мой, а не его голос. Это признание показалось мне трогательным, и, несомненно, немного лестным, но самым важным в нем был адрес моего тезки. Я сообразил, что он работает в британском Министерстве иностранных дел и что через него я смогу восстановить связь с его коллегой и моим давним товарищем, теннисистом Майком Дейвенпортом. А Майк оказался новоиспеченным британским послом в Белграде и позже оказал мне неоценимую помощь в сборе материалов для этой книги. Поэтому признание Криса я воспринял с радостью.

Во второй раз мне повезло, когда удалось взять важнейшее интервью – интервью, которое я к тому же считаю одним из самых удачных за всю мою журналистскую карьеру.

Еще приступая к работе над книгой, я понял, что важнее всего побеседовать с Еленой Генчич – женщиной, которая научила Новака играть в теннис. В марте 2013 г. я неожиданно отправился в Белград – поездка туда была запланирована лишь на следующий месяц, но я хотел убедиться, что интервью, о которых я просил, действительно организованы, потому и решил, что лучше провести разведку заранее. Именно во время этой разведки Генчич не только согласилась встретиться со мной, но и уделила мне два с половиной часа в ее любимом кафе «Озон» в белградском пригороде Дединье. Вопрос о радиопередаче Desert Island Discs возник почти в самом начале,

и, когда она упомянула адажиетто Малера, я прервал ее вопросом: «Вы имеете в виду „Адажиетто“ из 5-й симфонии?» У нее загорелись глаза. «А, так вы его знаете», – сказала она, после чего между нами установилось удивительное взаимопонимание. Уходя из кафе, в приливе чувств я даже обнял ее, хотя мы и были знакомы всего два часа.

На следующий день я переваривал услышанное, и передо мной начинала вырисовываться глава этой книги «Ноле и Еца». Все выглядело слишком замечательно, и потому неправдоподобно. Генчич напомнила мне мою бабушку – прекрасную рассказчицу, но отчасти Märchentante – это немецкое слово означает любителя не просто рассказывать истории, но и приукрашивать их. Тогда я спросил приятельницу, которая познакомила меня с Генчич, можно ли верить ее словам. Собеседница была озадачена. Я объяснил, что это слишком похоже на сказку – образованная женщина, представительница старой югославской интеллигенции, выказала полное сходство взглядов с мальчишкой из сравнительно простой семьи и научила его куда большему, чем ударам справа и слева; поэтому мне хочется убедиться, что все это не выдумки, цель которых – произвести впечатление на заграничного журналиста. Моя приятельница, которая была довольно близко знакома с Генчич, заверила меня, что ее подруга не из тех, кто любит что-то приукрашивать, по крайней мере, в серьезных вопросах, и всегда придерживается того, что считает истиной.

Когда через месяц я вернулся в Белград, Елена с сестрой приняли меня в своем доме. Жаль, что я так и не смог по достоинству оценить кофе по-турецки, которым они меня угощали. Если честно, он показался мне вполне омерзительным, но прием был по-настоящему радушным. Я восхищался спортивными трофеями Елены, задавал ей очередные вопросы и уточнял некоторые подробности предыдущего интервью. Когда я уходил, она пообещала в случае необходимости дать любые пояснения, если я свяжусь с ней по электронной почте. Но эта встреча стала для нас последней.

Елена Генчич умерла 1 июня 2013 г. Я понятия не имел, что она уже некоторое время боролась с раком груди – но не он стал причиной ее ухода. Большинство близких знали про ее болезнь и про то, что она ее победила. Но лишь немногим было известно, что она также страдала раком печени – вот он ее и убил. Я видел Елену за пять недель до смерти. Она проводила по 7–10 часов в день на теннисном корте – сама не играла, но давала тренерские указания. Судя по ее виду, она твердо намеревалась отметить будущее девяностолетие, однако ее жизнь

оборвалась в возрасте 76 лет.

Я получил сообщение о смерти Елены на мобильный телефон. В тот момент я находился на турнире «Ролан Гаррос», и в сообщении мне было строго запрещено делиться этим известием с кем-нибудь из окружения Джоковича до начала его матча в третьем круге с Григором Димитровым. Совет оказался мудрым: покинув корт и узнав о случившемся, Джокович расплакался и сразу же отменил все встречи с журналистами, настолько он был расстроен. После победы в четвертом круге он без конца говорил о Елене Генчич, и его десятиминутная пресс-конференция на английском была посвящена почти исключительно ей. Этот субботний вечер запомнился мне непривычными эмоциями – я скорбел о человеке, с которым встречался всего два раза и почти не знал его, и вместе с тем мне казалось, что мы были близко знакомы. Кроме того, я последним из журналистов брал у Елены Генчич официальное интервью, поэтому меня охватила неловкость, к которой примешивалась радость оттого, что я успел поговорить с ней, и безмерная печаль оттого, что она умерла, хотя была еще полна жизненной силы.

По этой причине несколько месяцев после ее смерти я гадал, не слишком ли я поддался эмоциям, работая над главой, посвященной ей. И не отвел ли ей в истории Джоковича более важную роль, чем она заслуживает? Думаю, все же нет. Джокович объявил, что свой уимблдонский титул 2014 г. посвящает Генчич, и хотя он, скорее всего, достиг бы вершин успеха в теннисе и без усилий Генчич, я по-прежнему убежден, что без ее влияния он не стал бы личностью, какой является сегодня, и что его путь на эту вершину не был бы столь гладким. Ведь у Джоковича действительно есть проблемы со здоровьем, которые ему пришлось преодолевать методом многочисленных проб и ошибок. Согласился бы он принять холистический подход некоего Игоря Четоевича, если бы не привык с ранних лет к свойственной Генчич широте взглядов? Или развился бы у него тот особый склад личности, который позволил ему существовать в двух мирах – в своей неистово патриотической Сербии и в глобальном сообществе, полюбившем Джоковича, но по-прежнему с недоверием относящемся к стране, откуда он родом? Было бы неправильно преувеличивать роль Генчич в становлении Джоковича как теннисиста, ведь она никогда не сопровождала его в поездках, и сам он, вступив в зрелый возраст, на протяжении четырех лет не поддерживал с ней никакой связи. И тем не менее я убежден, что Елена Генчич заслуживает отдельной главы.

Увидев биографическую книгу, люди обычно спрашивают, «авторизованная» она или нет. Я недолюбливаю термин

«авторизованный», так как он подразумевает некую официальность, контроль героя над содержанием биографии. У меня не было ни малейшего желания писать книгу о Новаке Джоковиче под его приглядом – он достаточно умен и, если захочет, может сам написать книгу и изложить в ней все, что пожелает (что он, скорее всего, и сделает рано или поздно). Эта книга будет иметь ценность как рассказ самого Джоковича о своей карьере, как история событий, показанных изнутри, однако трактоваться они будут лишь одной стороной – самим Джоковичем. В своей же книге я стремился представить точки зрения разных людей и заодно показать, какое влияние многие люди оказали и до сих пор оказывают на его жизнь и карьеру.

Следовательно, перед вами независимая биография Джоковича и Сербии. Это мой взгляд на него и на его родину. Читатели вправе не согласиться со сказанным мной, тем более что это скорее частное мнение, нежели объективное исследование. Что касается отношения самого Джоковича, то, поскольку через какое-то время он сам хочет взяться за собственную биографию, он не приветствовал общение своих ближайших родственников со мной, и я с уважением отнесся к его желанию. Члены его команды связаны соглашением о конфиденциальности, однако многие люди, близкие к нему, охотно беседовали со мной, за что я им искренне благодарен. Сам Джокович помог мне, ответив на ряд вопросов о своей роли спортивного и политического деятеля.

Прояснить этот момент важно по той причине, что Джокович – истинная суперзвезда. «Вы понимаете, что жизнь в стране практически останавливается, когда он играет?» – спросил Гай Де Лони, белградский корреспондент «Би-би-си», когда я встретился с ним, чтобы узнать его мнение о некоторых главах, посвященных Сербии. Друг Джоковича Душан Вемич подтверждает: «Когда Новак играет важные матчи турниров Большого шлема, улицы пустеют. Все сидят по домам и болеют за него». То есть Джокович приобрел в Сербии во многом заслуженный статус «мирского святого». Тем не менее по-прежнему важно оценивать его беспристрастно. Вот почему в некоторых местах этой книги я отзываюсь о нем критически, – но не потому, что имею что-то против выдающегося теннисиста, а просто потому, что он человек, существо из плоти и крови, а в наш век звезд и суперзвезд важно уметь видеть, что даже те, перед кем мы готовы падать ниц, сочетают в себе разные качества – как хорошие, так и не очень.

Немного о диакритических знаках. В орфографии стран Центральной и Восточной Европы используется ряд таких знаков,

многие из них отражают транслитерирование славянских имен с кириллицы на латиницу. Мне пришлось решать, оставлять эти диакритические знаки или нет, и, если рассуждать реалистично, компромисс в этом вопросе невозможен. Мне, как человеку, выучившему три языка помимо родного, интуиция подсказывала, что диакритические знаки необходимо оставить, но в конце концов я предпочел не делать этого. Главной причиной стало то, что фамилия Джоковича, «Djokovic» – вестернизированная форма записи его фамилии на родине. Латиницей она пишется как «Đoković», а буква j добавляется в тех случаях, когда в шрифте нет «Đ» (точно так же, как в немецком языке добавляется e, когда в шрифте отсутствует умляут, и тогда «Schüttler» превращается в «Schuettler», «Görges» становится «Goerges», и пр.). Поскольку Новак известен во всем англоязычном мире как «Djokovic», было бы явным противоречием на протяжении всей книги называть его «Đoković», а отсюда логически вытекает и отказ от всех прочих диакритических знаков. Прошу прощения у коллег-лингвистов, считающих это решение неверным.

Раз уж мы заговорили об именах, разрешите мне заодно предпринять попытку покончить с наболевшим вопросом: как произносится первая гласная в фамилии «Джокович». Американцы считают, что ее следует произносить как в слове «joke», а остальной мир склоняется к произношению как в слове «jock». Первый вариант возник из убеждения, что лучше всего произносить так, как произносит свою фамилию ее обладатель. Споры продолжались даже во время Открытого чемпионата Австралии 2013 г., когда Джим Курье в интервью на корте после матча задал вопрос с таким расчетом, чтобы услышать от Джоковича точное произношение злополучной гласной.

Сама идея спросить у человека, как он произносит свою фамилию, хороша, но не учитывает элементарный факт: как тот же человек произносит другие слова с той же гласной. Если послушать, как Джокович выговаривает такие слова, как «on» и «over», становится ясно, что свою фамилию он сам (и другие сербы) произносит с той же гласной, как в «on», а не в «over». Значит, произношение как в слове «jock» корректно, и весь англоязычный мир может вздохнуть с облегчением, поскольку правильное произношение – скорее как в слове «or» (Djorkovic), чем в «jock» или в «joke». Если американцы скажут в свое оправдание, что гласная в имени «Новак» звучит почти как в фамилии «Джокович», тогда англоязычному миру следовало бы произносить ее в имени «Новак», как в слове «of», а в фамилии «Джокович» – как в «jock». Но, несомненно, споры будут бушевать на протяжении всей спортивной карьеры

Джоковича, а отделы орфоэпии на радио и телевидении – оправдывать свое существование.

И наконец, я не выпустил бы эту книгу без помощи множества людей. Я перечисляю их здесь в алфавитном порядке – с благодарностью большей, чем я могу выразить на бумаге, и с опасениями, что я кого-то забыл: Эдоардо Артальди, Саймон Кэмберс, Игорь Четоевич, Эстель Кудерк, Майкл Дейвенпорт, Гай Де Лони, Елена Генчич, Митци Ингрэм-Эванс, Горан Иванишевич, Ана Иванович, Момир Еловач, Кэти Дженкинс, Джонатан Джобсон, Ладислав Кис, Анжела Лавински, Дэвид Лоу, Иван Любичич, Стефан Лукич, Дженис Маккинли, Неда Милетич, Хэлен Маккарти, Джоанна Мэтер, Питер Майлс, Стюарт Миллер, Зоран Милосавлевич, Ана Митрич, Владимир Новак, Богдан Обрадович, Деян Петрович, Риккардо Пьятти, Ники Пилич, Моника Селеш, Грег Шарко, Чедомир Соскич, Топлица Спасоевич, Воин Величкович, Гэвин Верси, Небойса Вискович и Джонатан Уилсон. Отдельная благодарность Тоби Бакану, моему редактору в издательстве John Blake Publishing, с которым, как мне кажется, у нас получилось очень плодотворное сотрудничество.

Крис Бауэрс, июль 2014 г.

Глава первая
Смешение народов

Философ и автор путевых дневников Герман Кайзерлинг некогда писал: «Я не датчанин, не немец, не швед, не русский и не эстонец, так кто же я? – Сборище всех, кого перечислил». В эпоху, когда легкость сообщения людей между собой превратила межнациональные браки в рядовое явление, вряд ли кто-нибудь особенно удивится, обнаружив, что самый известный в мире знаменосец Сербии Новак Джокович – потомок разных народов. Но он хотя бы родился в Сербии – в отличие от индийского духовного лидера Махатмы Ганди, родившегося в Южной Африке, или самого большого патриота из игроков Кубка Дэвиса, американца Джона Макинроя, уроженца Германии. Судя по этническим корням Джоковича, вполне можно утверждать, что он наполовину черногорец, а наполовину хорват.

Имеет ли это какое-либо значение? Почти никакого. Как говорит близкий друг Джоковича Иван Любичич: «Для того чтобы быть патриотом, не обязательно быть националистом». А Любичич знает об этом не понаслышке: родившись в боснийском городе Баня-Лука, в семье боснийской мусульманки и хорвата-католика, он с трудом сумел пробраться через Хорватию в относительно безопасную Италию во время югославских войн 1990-х гг. Он стал национальным героем Хорватии, когда обеспечил еще молодой республике титул победителя Кубка Дэвиса в 2005 г., одержав рекордное количество побед – 11 подряд. Все матчи шли в прямой трансляции. На Балканах тысячи людей появились на свет в межнациональных браках, что только расширяет балканскую армию болельщиков Джоковича.

При попытке проследить родословную прославленного теннисиста выясняется, что сведения о ней фрагментарны, однако его первым неопровержимым предком является Джоко Дамьянович, который, похоже, получил фамилию «Джокович» в 1730 г. Суффикс «-вич» означает «сын такого-то» – как «son» в Англии, «Мс/Мас» в Шотландии, «О» в Ирландии и т. п. Так что дети Джоко Дамьяновича носили фамилию Джокович, которая передавалась по мужской линии. Дамьянович обзавелся домом в деревне Ясеново Полье (ее название означает «поле ясеней») неподалеку от черногорского города Никшич. В 1928 г. глава семьи Неделько Джокович перебрался из Черногории на восток, в деревню Вочняк в области Метохия в Косово, в то время

входившего в состав югославской республики Сербия. В 1951 г. сын Неделько Владимир, дед Новака, переселился в Митровицу – основное место проживания этнических сербов в Косово. В 1961 г. родился его сын Срджан, в 1964 г. – второй сын Горан.

Один Новак Джокович в роду уже имелся. Он вырос в Ясеново Полье, в 1905 г. эмигрировал в Чикаго, но вернулся, чтобы сражаться за свою родину. По-видимому, заполняя иммиграционную форму по прибытии в США, он в графе «гражданство» написал «Черногория», а в графе «национальность» – «черногорец». В то время Черногория уже была признанным суверенным государством, добившись определенной независимости в 1878 г. по тому же соглашению, согласно которому Сербия отделилась от Османской империи.

В 1986 г. Срджан женился на Дияне Загар. Она родилась в Белграде в январе 1964 г., в семье двух военнослужащих. Ее отец Зденка был старшим офицером Югославской народной армии, а также фармацевтом, занимавшимся закупками для военного госпиталя. Мать Елисавета была майором армии и главврачом военного госпиталя (сестра Дияны тоже стала фармацевтом). Их родина – городок Винковичи на востоке Хорватии, вблизи границы с Сербией, а в Белград семья перебралась до рождения Дияны, когда Зденку перевели в военный госпиталь тогдашней столицы Югославии. Неудивительно, что у Джоковича масса родственников в окрестностях Винковичей.

И о той, и о другой семье известно очень мало. Немногочисленные интервью, которые дает Срджан, обычно посвящены его сыну или политике Сербии в области тенниса, а Дияна практически не дает интервью. Как говорит сербский автор Воин Величкович, пишущий о теннисе, «из-за неуравновешенности Срджана мы стараемся не выспрашивать у него подробности, чтобы не зайти слишком далеко; для теннисных обозрений мне не нужна информация такого рода». Кое-какие источники, ссылаясь на документы главного футбольного клуба Митровицы «Трепча», утверждают, что Срджан был среди его игроков. Было высказано еще одно предположение: исходя из того, что Срджан с Дияной давали уроки горнолыжного спорта, резонно полагать, что их основным увлечением был горнолыжный спорт. «Может, Срджан действительно играл в футбол, – говорит Величкович, – но этого никто не помнит. Если даже играл, то, скорее всего, не слишком хорошо. Мы только предполагаем, что он был хорошим горнолыжником, но и это из области догадок».

Известно, что в семье Дияны были неплохие волейболисты,

но сама она почти не играла. Величкович добавляет: «Одна ее подруга рассказывала, что Дияна была очень способной гимнасткой. Гибкость Новака несомненна, и однажды в разговоре с ним я сообщил, что слышал, будто бы он унаследовал гены от матери, а не от отца. А он пошутил: „Да, я чемпион благодаря моей матери, а не отцу“. Но сама Дияна никогда не соглашалась давать интервью представителям СМИ – возможно, потому, что не хотела оказаться в центре внимания».

Человеком, имеющим некоторое представление о семье и доме Джоковича, была его первый тренер Елена Генчич. С этой семьей она познакомилась, когда Новаку исполнилось пять лет, примерно в то же время, когда умерла его бабушка с отцовской стороны. Елена Генчич вспоминала: «Отец Срджана, Владимир, которого называли дед Влада, был прекрасным человеком, очень теплым, радушным, приятным в общении. Его жена умерла в том же году, когда я начала работать с Новаком, поэтому я не была знакома с ней, но все отзывались о ней как о замечательной, чрезвычайно доброй женщине. Кто знает, может быть, Новак унаследовал свой гуманизм от нее? Семья была сугубо патриархальной, роль патриарха играл дед. Никто не смел приняться за еду, пока патриарх не садился за стол и не начинал есть. И встать из-за стола мы тоже могли только с его разрешения. Так что Новак получил в семье отменное воспитание. Семья была простой ровно настолько, насколько это требовалось».

22 мая 1987 г. Срджан и Дияна отпраздновали в Белграде рождение своего первого сына Новака. Это случилось всего через четыре дня после 26-летия самого Срджана. В тот момент они владели белградским рестораном. Два года спустя, в условиях крайне нестабильной политической и экономической ситуации в Югославии супруги Джокович и брат Срджана Горан открыли второй ресторан, пиццерию, где в меню также входили блины, и бутик в Копаонике – горнолыжном курорте на границе с Косово, примерно в 50 км от Митровицы. Там семья проводила не весь год, а только пик горнолыжного сезона зимой и сезон туристических походов летом. Зимой они трудились как каторжные: давали уроки горнолыжного спорта днем и работали в ресторане по вечерам. Остальное время семья жила в Белграде.

В августе 1991 г. родился Марко Джокович, а в июле 1995 г. – третий сын, Джордже. Когда Новак пошел в школу, горнолыжный и походный сезоны ему пришлось проводить в белградской квартире недавно овдовевшего деда Влада, иногда по несколько недель подряд. Позднее, во время натовских бомбардировок

Белграда в 1999 г., Новак прятался в подвале этого же дома. Когда в апреле 2012 г., во время турнира серии «Мастерс» в Монте-Карло, Влада умер, пресса отмечала, что Новак сделался сам на себя не похож. И в самом деле – он с трудом дошел до финала, в котором проиграл Рафаэлю Надалю. Смерть деда каждый воспринимает по-своему, но это был не просто дед – Влада заменял Джоковичу родителей и сыграл огромную роль в его жизни.

Такая «двойная» жизнь среди столичного ландшафта и в окружении гор провинциального Копаоника не только способствовала формированию личности Джоковича, но и наделила его обостренным чувством родины. Отвечая на вопрос о том, где, как ему кажется, заключена душа Сербии, он сказал: «Очень трудный вопрос. У моей родины богатая многовековая история. Каждый камень, гора, город и деревня могли бы о многом рассказать, и я горжусь этим. Вот почему у нас, сербов, очень развито чувство принадлежности к своей стране – это из-за нашей истории. О Белграде слышали все, но в моей стране так много прекрасных городов и деревень, что людям следовало бы приехать и увидеть их. Тогда они узнают множество легенд о моем народе, правителях и правительницах… Честно говоря, мне кажется, что душа моей страны находится в деревушках на юге. Косово – колыбель сербской истории. Более 2000 монастырей и церквей на его территории – символ нашей культуры и истоков сербского православия. Белград – современная столица, где есть все, но истинная Сербия – на юге страны. Помню, как я еще ребенком подолгу жил в Копаонике и всякий раз восхищался панорамой Сербии, которая открывается с этих прекрасных и величественных гор».

Как любой пятилетний мальчишка, Новак любил погонять футбольный мяч, в очень раннем возрасте встал на горные лыжи. В семье до него никто не занимался теннисом. Когда однажды какой-то теннисный матч по телевизору увлек их старшего сына, Срджан и Дияна, вероятно, очень мало что могли сказать ему об этой игре. Но увиденное зажгло в нем искру, а уже через несколько недель судьба сведет Новака с женщиной, направившей его на путь к мировой славе.

Глава вторая
Кто такие сербы?

Пожалуй, для всех, кроме страстных любителей истории или современной политики, слово «Сербия» мало что значит. В сущности, у многих, даже у тех, кто не считает себя поклонником тенниса, оно ассоциируется прежде всего с Новаком Джоковичем. Если у кого-то сохранились смутные воспоминания о школьных уроках истории, то ему, наверное, известно, что Сербия имела какое-то отношение к началу Первой мировой войны, а тот, кто смотрел новости в 90-х гг. прошлого века, не раз слышал название «Сербия» рядом со словом «ужасы войны». Но даже тем, кто регулярно следил за новостями в 60-х, 70-х и 80-х гг. XX века, простительно не знать, что такое Сербия и где она находится.

Причина в следующем: несмотря на то, что сербы еще с VI века населяли юго-восточную часть Европы, известную под названием Балканы, большую часть этого времени у них не было собственного государства. По сути дела, Сербия была суверенной всего три раза: в 1166–1459 гг., в 1878–1918 гг. и с 2006 г. до настоящего времени. Следовательно, сербы – ни в коей мере не молодой народ, однако страна у них молодая, отсюда и возможность для сербского спортсмена мирового уровня быть ее флагманом и вести деятельность ради блага своей родины. (Строго говоря, в английском языке слово «Serb» указывает на этническую принадлежность, а «Serbian» называют человека, имеющего гражданство Сербии, – немаловажная разница.)

Сербы – один из славянских народов. Поскольку славяне – четвертая по величине этнолингвистическая группа в мире, трудно дать им точное определение. Однако их относят к индоевропейцам и обычно делят на три подгруппы: восточные славяне, которые в настоящее время населяют Россию, Украину и Беларусь, а также некоторые области Центральной Азии и Сибири; центрально-европейские славяне, населяющие такие страны, как Польша, Чешская Республика, Словакия и Силезия; и, наконец, южные славяне, самыми многочисленными из которых являются сербы, наряду с хорватами, черногорцами, болгарами и македонцами (но не словенцами или албанцами). Южные славяне – преимущественно христиане, хотя с некоторыми различиями. К примеру, большинство сербов принадлежат к православной церкви, а хорватов – к римской католической.

Немалую часть XIV века Сербия была самой могущественной державой Балкан, но в 1389 г. потерпела поражение в битве на Косовом поле, после чего утратила свое военное превосходство. После битвы при Смедерево в 1459 г. независимое королевство Сербия отошло к Османской империи со столицей в древнем Константинополе (ныне Стамбул). Поражение на Косовом поле в 1389 г. нанесло глубокую травму в сербскому национальному самосознанию – травму, от которой оно не могло излечиться на протяжении столетий. Несмотря на то, что к концу XX века провинция Косово была населена в основном этническими албанцами, она приобрела для Сербии особую психологическую значимость. Все это имеет некоторое отношение к истории Джоковича: отец и дед Джоковича были родом из Косово; горнолыжный курорт Копаоник, где Новак начал учиться играть в теннис, находится прямо на границе между бесспорно сербской территорией и Косово. Вдобавок именно сербо-албанский конфликт в Косово привел к бомбардировкам Белграда войсками НАТО в 1999 г., от которых пришлось прятаться Джоковичу.

До 1918 г. большинство южнославянских народов пребывали под владычеством крупных империй, в основном Османской и Австро-Венгерской. Распад этих империй начался задолго до Первой мировой войны. Расцвет империи османов пришелся на XVI–XVII вв., а к 1850 г. ей становилось все труднее удерживать свои владения. Тем временем правившему Австро-Венгрией королевскому семейству Габсбургов приходилось гасить внутренние конфликты все ближе к центру империи, поскольку на территориях нынешних Чешской Республики, Словакии и Венгрии нарастали националистические настроения.

К середине XIX в. все чаще слышались предложения в адрес южных славян объединить силы, стать единой страной, а самые многочисленные группы стремились к независимости и созданию национальных государств. Сербия и Черногория первыми вырвались из-под турецкого контроля и стали суверенными государствами в 1878 г. в результате русско-турецкой войны. Внешняя политика России в то время была направлена на получение выхода к Средиземному морю, поэтому ей очень важно было дружить с еще одной славянской страной. На этой основе развился военный и дипломатический альянс Сербии и России, сыгравший определенную роль в том, каким образом началась Первая мировая война. Согласно традиционной версии событий, убийство радикально настроенным сербом Гаврило Принципом наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево в июне 1914 г. спровоцировало

дипломатические ответные меры и мобилизацию войск, которые пять недель спустя привели к началу войны. В отместку за убийство эрцгерцога Австрия объявила войну Сербии, Россия была вынуждена прийти на помощь Сербии, Германия пришла на помощь Австрии, и все это вылилось в первый по-настоящему глобальный конфликт.

Сравнительно недавно было высказано предположение, что это слишком упрощенное объяснение и что Германия была исполнена решимости развязать войну, искала только повода объявить ее Сербии. Какими бы ни были исходные мотивы, к лету 1914 г. Европа напоминала собранный для растопки сухой хворост, и достаточно было искры, чтобы пламя охватило целый континент. Убийство в Сараево стало как раз такой искрой.

Вслед за распадом Османской и Австро-Венгерской империй, в 1918 г. начался период, благоприятный для появления новых государств на юго-востоке Европы. Однако память о жизни в подчинении вместе с опасениями, что теперь уже Италия может посягнуть на значительные территории у Адриатического побережья, привели к образованию страны, которую первоначально составило несколько южнославянских народов. Эта страна была названа Королевством сербов, хорватов и словенцев, но включала также Черногорию, Боснию и Герцеговину, а также Славонию на востоке Хорватии, полуавтономный регион Венгрии и Далмацию (Моника Селеш, самая титулованная теннисистка Югославии, – этническая венгерка родом из Нови-Сада в сербской провинции Воеводина).

Образование нового королевства было провозглашено в декабре 1918 г. Им стала править сербская королевская семья, вначале – в лице короля Петра I Карагеоргиевича. Для многих сербов это королевство стало продолжением суверенной Сербии, существовавшей с 1878 г., и, конечно, это была независимость – по сравнению с существованием в составе любой из империй. Но, возможно, сербам было легко так считать по той причине, что в новом королевстве они оказались господствующей нацией. В отличие от хорватов, словенцев и других народов, для которых эта независимость оказалась достаточно ущербной, по крайней мере, по сравнению с теми независимостью и суверенитетом, которые они обрели в начале 90-х гг. XX века.

Что касается религии, то сербы – православные, а хорваты – римские католики, но сербский язык ближе всего к хорватскому (почти как британский и американский английский друг к другу). Македонский и словенский языки также являются родственными этим языкам. Ввиду постоянных и масштабных миграций, а также браков между представителями разных славянских народов новое

королевство должно было состояться. Ведь сумели же в 1871 г. объединиться 22 немецкоязычных королевства, княжества и герцогства, образовав новую страну Германию. И хотя впоследствии она втянула мир и саму себя в кровопролитную войну, но выступала как единая страна. Этнические, лингвистические и культурные различия между сербами и хорватами выражены не так явно, как между жителями Пруссии и Баварии, тем более новое государство южных славян имело все шансы на успех.

Но лишь теоретически. А на практике национализм, вызревавший предыдущие 70 лет, никуда не исчез, только теперь он был направлен против нового королевства со столицей в Белграде, а не против архаичных правителей в Константинополе или Вене. Первым результатом стало укрепление государственной власти. В 1929 г. в королевстве прочно установилась диктатура. Внешним признаком этого стала смена названия: поскольку королевство представляло собой союз южнославянских народов, его назвали Югославией, от славянских слов «юго» (юг) и «славия» (славяне).

В 1934 г. Югославия пережила убийство своего короля Александра I Карагеоргиевича (кстати, поклонника тенниса), которого застрелил македонец, сотрудничавший с хорватскими сепаратистами, – но не устояла в начале Второй мировой войны. В 1941 г. ее захватили страны «оси» (Германия и Италия), учредившие фашистское правительство во главе с хорватами – правительство усташей. Усташи приступили к уничтожению евреев и цыган, сербы же сделались гражданами второго сорта, если не ниже. По сути дела, происходила этническая чистка, хотя этот термин вошел в широкое употребление лишь в 90-х гг. XX в. Говоря о гражданской войне в Югославии, люди обычно имеют в виду события 1990-х гг., которые привели к распаду Югославии и созданию новых суверенных государств, однако период с 1941 по 1945 г. был ознаменован не менее жестокой гражданской войной, которая с новой силой вспыхнула в 1990-х гг. Зверства усташей (даже некоторые представители верховного командования в Берлине считали, что их прислужники в Загребе заходят слишком далеко) вызвали сопротивление у четников, представителей промонархистского сербского движения, а также партизан – коммунистического движения во главе с участником русской революции Иосипом Броз Тито. Так что пока на севере бушевала Вторая мировая война, усташи, четники и партизаны вели кровопролитные сражения на руинах бывшего суверенного государства.

В результате победил Тито со своими партизанами

и провозгласил новую Республику Югославию, в которую вошли шесть федеративных государств: Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония. Столицей стала столица Сербии – Белград. Тито, провозгласивший лозунг «братство и единство», стоял на коммунистических позициях (в том, что касалось контролируемой государством экономики). Он обладал колоссальной личной харизмой; кроме того, в его жилах текла хорватская (по отцу) и словенская (по матери) кровь. А вел он свою деятельность из штаб-квартиры в столице Сербии. Пользуясь материальной поддержкой антигитлеровской коалиции (Великобритании, США и СССР), среди многих соотечественников он обрел славу освободителя Югославии, по сути – единого национального лидера.

Тито правил Югославией в течение 35 лет. Поначалу он был сторонником коммунистического режима Сталина, но в 1948 г. разорвал связи с Москвой и продолжил строить новую Югославию по собственным лекалам. Во время холодной войны Югославия и ее лидер завоевали уважение во всем мире как одни из ключевых участников Движения неприсоединения – открытой организации довольно крупных стран, отказавшихся выступать в роли союзников либо США, либо СССР. При нем страна пережила экономический бум 1950–1960-х гг.; кроме того, Тито разрешил гражданам Югославии свободно ездить за границу, что не позволялось в других странах советского блока.

Запад любил Югославию – ему нравилось видеть в Восточной Европе коммунистическое государство, ускользнувшее из-под каблука Москвы. Но Тито старел, и вместе с тем росли опасения: неужели только ему одному под силу удержать вместе шесть разных государств? Многие задавались вопросом, что будет, когда Тито не станет. Одни беспечно утверждали, что структура правительства Югославии как-нибудь выдержит потерю одного человека, особенно если появится другой лидер, другие боялись худшего. В каком-то смысле правы оказались и те и другие.

Тито умер в 1980 г., и некоторое время жизнь в Югославии шла по-прежнему. Но глубоко въевшиеся националистические настроения, которые Тито держал под контролем (порой путем неприкрытого давления – его режим называли «железным кулаком в бархатной перчатке»), продолжали усиливаться, и по мере того, как поддержка идей коммунизма в Восточной Европе конце 1980-х гг. ослабевала, национализм в шести югославских государствах разрастался.

Когда президентом Сербии стал Слободан Милошевич, тем, кто надеялся на появление влиятельной фигуры, которая заменит Тито, показалось, что такой человек наконец нашелся.

Определенно, он был весьма энергичным лидером, наделенным харизмой, который хотел править всей Югославией. Но Тито имел смешанные хорватско-словенские корни и в Белграде чувствовал себя как дома, а Милошевич оставался сербом до мозга костей. И если его ораторское искусство и вдохновляло сербов, то оно было ненавистно другим народам Югославии, поэтому стать лидером калибра Тито Милошевичу было нечего и мечтать.

Осознав, что Сербии не светит подмять под себя всю Югославию, Милошевич взял курс, который фактически создал условия для войн, потрясших федерацию. Он сравнительно спокойно воспринимал выход из Югославии народов, образующих то или иное союзное государство, при условии, что они не забирают с собой территории, где превалирует сербское население. Так, к примеру, он согласился на выход Словении, поскольку на ее территории сербы почти не проживали, и не препятствовал обретению независимости Хорватией, если к ней не отходила область Краина, где жили в основном сербы. Однако сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы, македонцы, албанцы и представители других народов мигрировали и заключали браки в пределах южнославянских государств на протяжении десятилетий (это относится и к родителям Новака Джоковича – косовскому сербу и черногорцу отцу и матери хорватке), поэтому любая попытка четкого разделения на этнически однородные государства неизменно предвещала серьезные проблемы.

В марте 1990 г. Милошевич встретился с новым хорватским лидером Франьо Туджманом (ветераном кровопролитной гражданской войны 1941–1945 гг.). Хотя на встрече речь шла о разделении Боснии по национальному признаку – для того чтобы боснийские сербы и боснийские хорваты могли присоединиться к независимым Сербии и Хорватии, – на деле стороны создавали все условия для войны. Эта война разразилась в следующем году и имела ужасающие последствия.

Глава Третья
Ноле и Еца

Известно высказывание, что за каждым успешным мужчиной стоит сильная и влиятельная женщина. Это изречение понемногу утрачивает справедливость в нынешних социальных обстоятельствах: в условиях распада браков, однополых связей и групп вместо прежних семейных структур. Но в применении к Новаку Джоковичу оно по-прежнему остается в силе. За его успехом, несомненно, стоит женщина. Эта женщина – Елена Генчич.

Возможно, когда-нибудь наделенный богатым воображением кинорежиссер снимет фильм о взаимоотношениях Джоковича и Генчич. И, может быть, назовет его «Ноле и Еца» – именами, которыми эти двое звали друг друга («Ноле» – типичное уменьшительное от имени «Новак», а «Еца» или «Ека» – распространенная в определенной возрастной группе короткая форма имени «Елена»). Это будет сдержанный и строгий фильм, где особую роль будет играть выражение глаз мальчика, играющего Новака, и такую же ключевую роль – классическая музыка, – может быть, «Адажиетто» из 5-й симфонии Малера, как в потрясающем фильме Лукино Висконти «Смерть в Венеции» (1971 г.). Необычная, врезающаяся в память музыка – и необычные, не поддающееся никаким стандартным попыткам классифицировать их, отношения между двумя людьми. Скорее всего, Джокович стал бы прославленным теннисистом и без Генчич, но наверняка без нее он не стал бы той личностью, какой является сейчас.

Генчич работала не только с Джоковичем, но и с Моникой Селеш, и сыграла небольшую, но значительную роль в годы становления Горана Иванишевича как спортсмена. За все это Елена Генчич вправе претендовать на звание одного из выдающихся теннисных тренеров своей эпохи. Впрочем, она не только отрицала сей факт, но даже не любила называть себя тренером. Во времена, когда практически было невозможно заниматься чем-либо профессионально, не имея официального образования, она вела тренерскую работу вплоть до последней недели своей жизни, ни разу не сдав квалификационных экзаменов или тестов на тренера. В университете она получила диплом по истории искусств, ее второй специальностью была психология, карьеру она строила как продюсер, редактор и режиссер на телевидении.

Елена Генчич, дочь серба и австриячки, родилась в октябре 1936 г. Ее семья занимала в Югославии довольно видное положение. Дед, Лазарь Генчич, изучал медицину в Вене, стал руководителем в системе здравоохранения и основал военный госпиталь. Он твердо верил в то, что в здоровом теле – здоровый дух, и требовал, чтобы его дети и внуки занимались физкультурой на свежем воздухе каждый день, в любую погоду.

Двоюродный дедушка Елены занимал пост министра внутренних дел в первом правительстве Югославии после Первой мировой войны. Отец, Йован, мечтал о карьере пианиста, и хотя его мечта не сбылась, он стал уважаемым юристом. Известная актриса Ана Маринкович (1882–1973) приходилась Елене теткой. В детстве, следуя примеру отца, Елена училась играть на фортепиано и достигла неплохих успехов, но ее подлинной страстью были два вида спорта – теннис и гандбол. Она входила в сборную Югославии по гандболу и завоевала 32 национальных теннисных титула.

В то время теннис был спортом любителей, а Югославия – страной с социалистической (контролируемой государством) экономикой. Генчич не приходилось ни за что платить, но от нее ожидали отдачи – пусть обучает спортивную молодежь. Поэтому неофициальной тренерской работой она занялась еще задолго до того, как в 1976 г. закончила участвовать в турнирах.

В Югославии в 1950–1960-х гг. поездки за границу разрешались только двум лучшим игрокам. Сопровождающей свиты, как это принято сегодня, им не полагалось. Генчич нередко приходилось играть в Уимблдоне или в Форест-Хилс (бывшем месте проведения Открытого чемпионата США) уже на следующий день после утомительного путешествия. Одно из поражений в самом начале турнира побудило ее задуматься о помощи таким игрокам, как Селеш и Джокович. «Я знала, что когда перестану участвовать в турнирах, то буду помогать молодым играть в теннис, – рассказывала она, – особенно тем, у кого нет тренера. Мне хотелось объяснять и показывать им, как надо играть, поэтому я воспользовалась поражением во втором круге в Форест-Хилс, чтобы заняться покупкой книг. В Америке публикуются отличные статьи и книги по теннису, поэтому я не покупала ничего другого, только эти книги, особенно Вика Брейдена, и собирала библиотеку».

Когда в 1968 г. теннис стал профессиональным видом спорта, Генчич исполнился 31 год, и она уже, говоря объективно, вышла из того возраста, когда ракетка могла бы стать для нее единственным источником средств к существованию. К тому же в это время начала складываться ее карьера на телевидении.

Но, как и следовало ожидать, к Генчич обратились с просьбой заняться организационной стороной тенниса. Поскольку она выступала за белградский клуб «Партизан» (ведущие европейские клубы объединяют разные виды спорта, поэтому к белградским клубам «Партизан» и «Црвена Звезда», широко известным своими футбольными командами, относятся также и команды по другим видам спорта), то руководство клуба пригласило известную теннисистку присоединиться к их работе. Дальше ее ждало место президента клуба, а возможно, и Югославской федерации тенниса. Так она и продвигалась вверх по непрофессиональной административной лестнице, совмещая эту деятельность с основной работой на телевидении. Эта двойная жизнь ей явно доставляла радость.

Два мира Елены Генчич никогда не соприкасались. Ее карьера на телевидении не имела никакого отношения к спорту. Она работала почти исключительно над передачами, посвященными культуре, преимущественно истории сербского и мирового искусства, а также над программами о классической музыке и театре. Каждые пять лет она меняла направление, поскольку ее интересы были разносторонними. Но в сфере спорта на телевидении она не работала никогда, так как на югославском телевидении политические и спортивные репортажи были объединены в одной редакции, а культура и искусство – в другой.

Ситуация начала меняться с наступлением 1980-х гг., когда Генчич, отметившая к тому времени сорокалетие, обратила внимание на одну девочку, которая выглядела слишком маленькой для своих восьми лет. Она была этнической венгеркой из Нови-Сада, города на севере Сербии, 20 % населения которого составляли этнические венгры. Девочку звали Моника Селеш. «Она была такой маленькой, совсем крошечной, – вспоминала Елена Генчич, – но я разглядела что-то у нее в глазах. Я всматривалась в глаза каждого ребенка. Когда ко мне приводили мальчика или девочку и им хватало выдержки смотреть на меня дольше 10–15 секунд не отводя взгляд, я говорила: „У этого ребенка есть умение сосредоточиваться, мотивация и терпение – возможно, он будет старательно тренироваться“. Обычно, когда заговариваешь с шести– или семилетним ребенком, он быстро начинает смотреть по сторонам. Некоторое время я наблюдала за Моникой. Ее отец Карой пригласил меня к ним в Нови-Сад. В общей сложности я проработала с Моникой более трех лет и часто сопровождала ее в поездках».

Во многих источниках говорится, что Елена Генчич тренировала Монику. Но ее официальным тренером Генчич

никогда не была. Она была капитаном команды юниоров Югославской федерации тенниса и сопровождала самых одаренных спортсменов в поездках. Больших достижений ждали не только от Моники Селеш. Еще один способный югославский теннисист, хорват Горан Иванишевич, был всего полутора годами старше Моники. Вместе с Селеш и Иванишевичем Генчич побывала на турнирах в Брюле, Германия (на родине Штеффи Граф), и в Блуа, Франция. Но единственными официальными тренерами Моники Селеш считались ее отец Карой и брат Золтан, проводившие вместе с ней на корте долгие часы. (Моника не считает своим тренером даже Ника Боллетьери, хотя признает, что он оказал ей неоценимую помощь.)

Смена рода деятельности Генчич, вероятно, к тому времени уже назрела: с трудом верится, что при таком складе характера она могла не стать тренером по теннису. Тем не менее именно в ходе наблюдения за Селеш ее спортивное и педагогическое «я» собралось в единое целое, что в конце концов и сделало ее официальным наставником молодых теннисистов. Однажды, находясь в отпуске по болезни, она сказала себе: «Елена, рано или поздно ты все равно уйдешь с телевидения. У нас нет тренера, а ты ведь в университете вела занятия по теннису, твое второе образование – психолог, так почему бы тебе самой не стать тренером? Любого можно научить форхендам, бекхендам и смэшам, но гораздо труднее объяснить, как выигрывать матчи и быть психологически устойчивым. Как распознать будущего чемпиона? Возможно, я и сама чему-нибудь научусь!»

Это было не просто обучение. Елена Генчич была одной из семи детей в семье (четыре девочки и три мальчика), но своих детей не имела. Работой с Селеш началась ее «большая семья», то бишь подготовка нескольких способных молодых игроков.

Селеш очень высоко отзывается о наставнице:

«Я отношусь к ней с большим уважением не только за ее достижения в теннисе, но и за все, что она сделала для женщин и девочек Сербии. Женщин не ставили в один ряд с мужчинами, у них не было таких же возможностей: моему отцу всегда приходилось сражаться за то, чтобы нам предоставляли удобное место для тренировок, я начинала играть на автостоянке, и это было одной из причин, по которым мы решили уехать, когда мне исполнилось 11 лет – зачастую мы просто не могли найти корт. Елена стала первопроходцем в женском теннисе. Ана Иванович и Елена Янкович, вероятно, даже не сознают, скольким обязаны ей. В последний раз я видела Елену Генчич, когда мне было 11 лет, но до сих пор очень тепло вспоминаю о ней. От нее исходило тепло, она всегда улыбалась. Эта добрая душа

посвятила свою жизнь теннису в стране, где женщинам не было места в спорте».

Испытанием для «доброй души» стала работа с юным Иванишевичем, который уже тогда слыл неуправляемым ребенком. «Когда мы оставались с ним вдвоем, у меня не возникало никаких трудностей, – рассказывала Елена Генчич. – Мы с Гораном и Моникой всюду ездили вместе, и все спрашивали меня, как я справляюсь с Иванишевичем. А я отвечала: „Он замечательный!“ Я никогда не говорила ему обидных слов, всегда была настроена позитивно. Неприятности с ним возникали у всех, кроме меня. И Моника помогала мне справиться с Гораном – они очень сдружились. Я относилась к ним как к родным детям».

В общих чертах все так и было, но ошибается тот, кто думает, что все шло как по маслу. На европейский чемпионат в Гейдельберге, в котором участвовали спортсмены младше 14 лет, Генчич привезла обоих своих подопечных. 12-летняя Селеш выиграла, чего от нее и ждали (всего четыре года отделяли ее от победы на Открытом чемпионате Франции), а Иванишевича дисквалифицировали в полуфинале за неподобающее поведение и по меньшей мере одну сломанную ракетку. «У него разыгрались нервы, – признавала Генчич, – это было отталкивающее зрелище».

Однажды Генчич, Селеш и Иванишевича поселили в одном гостиничном номере – на престижном турнире «Оранж Боул». Явно провоцирующая ситуация для неуправляемого ребенка. Как-то днем, когда Генчич и Селеш прилегли вздремнуть, Иванишевич оторвал голову у куклы, которая принадлежала Селеш. «Елена наказала меня, – вспоминает Иванишевич. – Сказала: „Больше не смей так делать“, и мне пришлось бегать несколько кругов только потому, что я оторвал кукле голову». На вопрос, зачем ему понадобилось калечить куклу, Иванишевич отвечает: «Кукла была противная и действовала мне на нервы. В 12 лет творишь всякие глупости». Селеш не припоминает подобного случая.

В 1992 г. президент государственного туристического агентства Genex предложил Генчич стать директором теннисного лагеря, который предполагалось организовать в туристическом комплексе агентства в Копаонике. Копаоник – центр горнолыжного спорта и пешего туризма в горах на границе Сербии и Косово. В зимние месяцы курорт пользовался популярностью, но летом, несмотря на живописность ландшафта, туда мало кто приезжал. Поэтому организация летней теннисной школы и обустройство пяти хард-кортов напротив небольшого торгового центра казались удачной идеей.

Генчич заинтересовалась этим предложением, однако

посчитала проблематичным срок работы летнего лагеря – девять недель. Она еще не брала отпуск, но даже если бы ей дали сразу все полагающиеся дни, то девяти недель все равно бы не набралось. Руководство югославского телевидения пошло Елене навстречу – решило дать ей три дополнительные недели отпуска, – и Генчич согласилась. Вопрос об оплате не возникал – Генчич ничего не требовала, а лагерь был государственным. Ей было предоставлено необходимое теннисное оборудование и выделено по одному тренеру на корт. У Генчич появилась возможность разработать свою программу тренировок, объяснять тренерам их задачи, осуществлять за ними строгий надзор и следить за всеми кортами на правах руководителя. Поскольку ее имя кое-что значило для родителей юных спортсменов, лагерь быстро сделался популярным.

В первое же утро, примерно через час после начала работы, Генчич обратила внимание на мальчика, который не входил в группу теннисистов, но стоял, прижавшись к ограде одного из кортов, и пристально наблюдал за происходящим. Поначалу ей было не до него, но мальчик не уходил, и она, разговаривая с одним из тренеров, заметила, что у них появился увлеченный зритель. Потом руководительница лагеря перешла на другой корт. Мальчик следовал за ней – он явно хотел видеть то же, за чем наблюдала она. Он оставался на своем посту до конца тренировки.

Когда в лагере был объявлен обеденный перерыв, Генчич подошла к мальчику.

– Привет! я видела, ты смотрел на нас. Ты знаешь, что это за спорт?

– Да, это теннис, – ответил мальчик. – Месяц назад в Белграде я пробовал играть.

– Сколько тебе лет?

– Пять.

– А ты хотел бы играть с нами? – спросила Генчич.

– Я как раз ждал, когда вы меня позовете.

Дерзость мальчишки стала для Генчич неожиданностью.

– Ладно, – сказала она, – можешь позаниматься с нами сегодня днем. Как тебя зовут?

– Новак. Новак Джокович.

– Долго ты здесь пробудешь?

– Все лето.

– Ты что же, живешь здесь?

– Мама с папой здесь работают, у них пиццерия напротив кортов.

– Сможешь прийти в два? Сейчас у нас двухчасовой

обеденный перерыв, а в два мы продолжим занятия. Ракетка у тебя есть?

– Есть.

– А обувь и все остальное?

– Тоже есть.

– Хорошо, тогда до встречи в два.

Прежде чем уйти обедать, Генчич подозвала тренеров:

– Пожалуйста, понаблюдайте за этим мальчиком. Особенно за его глазами. Он пришел сюда один, без родителей или еще кого-то – любопытно!

В Копаонике Генчич жила неподалеку от кортов, в многоэтажном доме, и видела корты из своего окна. В половине второго посмотрела вниз: мальчик уже ждал ее с сумкой. Так что Генчич вернулась на корты раньше, чем требовалось.

– К сожалению, – соврала она, – я забыла, как тебя зовут.

– Меня зовут Новак, – ответил мальчик. – Не забывайте больше.

– Извини, сынок, больше никогда не забуду.

Переведя взгляд на его сумку, Генчич продолжала:

– Итак, давай поговорим о теннисе. Что у тебя в сумке?

– Все, что мне нужно, – и он показал ей одну ракетку, одну бутылку воды, два напульсника, полотенце, банан и три чистых майки.

– Как ты узнал, что тебе понадобится?

– Видел по телевизору.

– И кого же ты видел?

– Сампраса, Агасси, Эдберга.

Шла вторая неделя «Уимблдона», и по телевидению часто показывали теннис.

– Кто собрал тебе сумку? – продолжала расспросы Генчич. – Мама?

Мальчик сердито нахмурился.

– Я сам! Ведь это я буду играть здесь в теннис, а не мама.

– Ох, Новак, опять я ошиблась! Ты уж извини меня, пожалуйста.

Только в декабре 2012 г., спустя более чем 20 лет, Джокович признался Еце, что в тот раз он соврал и что сумку ему действительно собрала мама. Впрочем, насмотревшись тенниса по телевизору, это же он объяснил матери, что именно должно лежать в сумке. Но дело, конечно, было не в том, кто и что положил в спортивную сумку. Мальчик показал, что у него есть характер, и Генчич это поняла. «Пять лет, а уже такой самолюбивый! – вспоминала она. – Он считал, что я обязана помнить его имя – а я и не забывала, я испытывала его,

как делала всегда, а его умение смотреть прямо в глаза во время разговора сразу навело меня на мысль, что это незаурядный мальчик».

Генчич утверждала, что в первый же день увидела достаточно, чтобы понять: перед ней потенциальный чемпион мира. К тому времени Моника Селеш уже была первой ракеткой мира в женском разряде, а теперь появился мальчик, который, как казалось Генчич, мог добиться тех же результатов в мужском.

«Я проверяла его так же, как всех моих новичков, и выяснила, что он может все. Поначалу я показывала ему, как выполнять удары, но вскоре поняла, что у него превосходная моторика, умение полностью сосредоточиваться, способность внимательно слушать и наблюдать. Я созвала других тренеров и сказала им: „Понаблюдайте за этим мальчиком“. Через несколько минут я предложила ему поиграть – он был так счастлив! С тремя или четырьмя тренерами я работала больше 20 лет, и я обратилась к одному из них: „Не хотела я этого говорить: вот увидите, в этой группе Новак надолго не задержится, ему место среди старших“. Я не сказала, что он очень хорош в игре. Ему самому предстояло доказать это. Я старалась не давить на него – чтобы стать лучшим, ему нужна была психологическая устойчивость».

Как-то в конце дня Генчич попросила мальчика познакомить ее с его родителями. Долго идти не пришлось – пиццерия и вправду находилась через дорогу. В итоге состоялся разговор – быть может, он и был первым шагом к звездной карьере Джоковича. Генчич рассказывала:

«Он стоял за матерью, прижимаясь головой к ее боку. Я объясняла его родителям, что именно увидела в Новаке: „У вас золотой ребенок. За восемь лет, с тех пор, как я перестала работать с Моникой Селеш, мне ни разу не попадался такой талант, как ваш сын. К семнадцати годам он войдет в первую пятерку мира“. Они потрясенно переглянулись и уставились на меня. Кто я такая, они не знали, слышали только, что я тренер из лагеря. Внезапно стало ясно, насколько прочная эмоциональная связь существует между Новаком и мной. Когда он услышал про первую пятерку, то медленно, шаг за шагом, приблизился и прильнул к моей спине. И я поняла, что мы настроены на одну и ту же волну».

Такие воспоминания сохранились у Генчич о событиях давнего июньского дня 1992 г. Верны ли они? Да они похожи на сказку! Неужели ничуть не приукрашены? Вполне возможно, что да, ведь Генчич – профессиональный телережиссер, знающий, как вдохнуть жизнь в выдумку, как ее расцветить и сделать

правдоподобной. Так что, скорее всего, она чуточку отлакировала действительность. Однако сам Джокович подтверждал правдивость ее рассказа во многих интервью, как и другие очевидцы тех событий.

Главная особенность Генчич заключалась в том, что ее интересовало развитие спортсмена-теннисиста прежде всего как личности. К деньгам она была равнодушна: получая бесчисленные предложения руководить частными теннисными школами, она неизменно отказывалась. Она придерживалась левоцентристских политических взглядов, ее ничуть не смущало существование в условиях броз-титовско-милошевичской экономики, и если ей предлагали тренировать кого-то за деньги, то всем, богатым и бедным, Генчич объясняла: «Я сама была теннисисткой, поэтому моей целью было не получить то-то и то-то, а исключительно помогать». Она с уважением относилась к тем, кого тренировала: «Я никогда не считала себя лучшей, я просто стараюсь совершенствоваться сама и помогать детям стать лучше. Сделать ребенка лучше всех – моя цель номер один». Пока я брал у Генчич интервью для этой книги, она имела массу возможностей представить себя куда большей провидицей, чем была на самом деле, подсластить или возвысить свой образ. Но она этого не делала. Так что даже если в ее рассказе после обкатки на многочисленных слушателях что-то и стало выглядеть преувеличенным, то суть его осталась правдивой.

Однако предсказанное Еленой Генчич развитие событий показалось слишком странным и стремительным ни о чем подобном не помышлявшей чете Джоковичей. Поэтому можно простить им то, что они с некоторым недоверием отнеслись к незнакомой пятидесятилетней женщине-тренеру, которая как с неба свалилась к ним в ресторан в сопровождении их первенца и сообщила, что к 17 годам он будет чемпионом мира. Ничуть не смущаясь их реакцией, Генчич продолжала расписывать невероятные перспективы маленького Новака. Якобы она даже заявила его родителям: «Этот мальчик мой, я должна сделать его лучшим в мире», что прозвучало почти как угроза. По ее словам, вскоре после этого она пришла к выводу, что должна бросить все дела, кроме работы на телевидении – необходимой, чтобы иметь средства на жизнь, – и позаботиться о достойном начале спортивной карьеры Джоковича.

Поначалу Джоковичи молчали. Потом, после завершения разговора, попытались выяснить, кто эта странная женщина, действительно ли она не в своем уме или это только кажется. Все, кто знал Елену Генчич, рассказывали Джоковичам, что именно она нашла Монику Селеш и работала с ней, – в то время это были

лучшие рекомендации, какие только могла получить Генчич. И Джоковичи разрешили ей тренировать сына.

Но уже на следующий день она заставила их спуститься с небес на землю. Сказала: «Если вы хотите, чтобы я работала с Новаком, у меня есть только одно условие: я сделаю все возможное в том, что касается тенниса, но деньги, которые потребуются для этого, – это ваша проблема, а не моя». Опытный тренер знала, что в ближайшие пару лет им предстоят значительные расходы на экипировку, на участие в турнирах, на поездки и т. п. Поначалу все доставалось бесплатно, Генчич не требовала никаких гонораров; пользуясь своим положением президента белградского теннисного клуба «Партизан», одного из двух государственных теннисных клубов страны, Генчич снабжала Новака ракетками, мячами и всем необходимым. Но для того, чтобы добиться успеха в условиях жесткой конкуренции, Новаку вскоре должны были потребоваться деньги.

Работа Генчич с Джоковичем началась на второй день после открытия летнего теннисного лагеря. Генчич разработала для своего подопечного программу, рассчитанную на пять лет. Требовалось принять во внимание то, что он посещал школу в Белграде, но летние и частично зимние месяцы проводил в Копаонике, где его родители зарабатывали на жизнь благодаря пиццерии и бутику. Рождественские каникулы Джоковича продолжались всего три недели, но Генчич встретилась с директором его школы и попросила еще неделю для тренировок.

Условие Генчич, согласно которому она заботилась обо всех вопросах, связанных с теннисом, а находить деньги предоставила родителям, оградило мальчика от растущих в семье и в стране финансовых проблем, которые постепенно обострялись: уже бушевала сербо-хорватская война, зарождающийся капитализм постепенно вытеснял экономику социализма, в условиях которой Югославия существовала с 1945 г.

Подготовленная для Новака программа предусматривала не только тренировки, но и соревнования на протяжении пяти лет, в ней указывалась примерная стоимость участия в турнирах на каждый год – таким образом семья знала, какие средства ей предстоит найти. «В жизни семьи Джоковича наступил чрезвычайно трудный период, – рассказывала Генчич. – Я понимала, что у них ничего нет, но я и сама была в том же положении. И я посоветовала им поискать спонсоров. Деньги они нашли, но на каких-то жутких условиях. Срджан не скрывал, что брал кредиты под высокий процент, а когда наступал день выплаты и у него был пустой кошелек, деньги порой требовали

вернуть, буквально приставив нож к горлу. Единственным способом выплатить первый кредит было взять второй, как правило, под еще более высокий процент».

Если в наши дни Новак Джокович занимает исключительное положение среди своих соотечественников, то к членам его семьи это не относится. Его отец и дядя нажили немало врагов как в обществе в целом, так и в теннисных кругах. В начале 2011 г. с участием семьи Джоковичей был осуществлен переворот в Сербской федерации тенниса, в результате чего президент федерации тенниса Слободан Живоинович вскоре после победы Сербии на Кубке Дэвиса в 2010 г. был смещен, а его место занял Вук Еремич, президент Генеральной Ассамблеи ООН и союзник Срджана Джоковича. Однако Генчич утверждает, что эти события следует понимать в более широком контексте:

«Люди, критикующие его родителей, не знают и не желают знать подробности истории семьи Джоковичей с самого начала. Они видят только нынешние деньги и считают его [Срджана] заносчивым и высокомерным. У этой семьи было много друзей – до тех пор, пока ей не понадобились деньги для Новака. Это было ужасно. Родители знали, что Новак станет лучшим, но откуда взять деньги? Деньги они искали день и ночь. Срджан страшно злился, но все-таки стучался в любую дверь, обращался за помощью в том числе и к правительству, и всякий раз слышал одно и то же: „Да кто он такой, этот мальчишка?“, „Для такого малыша у нас денег нет!“. Теперь родителям нравится повторять: „Это мы сделали его!“ Я очень рада, что Срджан считает случившееся своей заслугой, потому что он действительно много сделал, чтобы у сына была возможность участвовать в турнирах. До сих пор семье Джоковичей жилось очень трудно. Сейчас у них есть деньги, но их жизнью я не интересуюсь. Мне интересны только успехи Новака и [его младших братьев] Марко и Джордже».

Работа по превращению Новака Джоковича в теннисиста мирового класса шла медленно, но уверенно. Он быстро прогрессировал, однако физически был еще мал, поэтому Генчич ничего не оставалось, как только ждать, когда он подрастет, чтобы увеличить нагрузки.

Сама Генчич играла до эпохи Коннорса и Эверт, поэтому неудивительно, что она обучала подопечного одноручному бэкхенду. В итоге почти весь первый год теннисной учебы Джокович играл слева одной рукой. Однажды, когда ему было шесть с половиной лет, он, гуляя с Генчич, вежливо спросил: «Еца, можно мне попробовать играть слева двумя руками?» Генчич ответила: «Можно, конечно, но сначала я объясню тебе,

как надо держать ракетку при двуручном бэкхенде, поскольку тут возможны три варианта: играть, как левша играет форхенд, играть одноручный бэкхенд с поддержкой второй рукой или играть по-настоящему двумя руками. Попробуй все три, а через неделю скажи, какой больше тебе подходит, и определись, хочешь ты играть двумя руками или одной». Ровно через неделю Джокович без напоминаний подошел к ней и объявил: «Неделя прошла, я хотел сказать, что буду играть слева двумя руками». Генчич сказала, что это хорошо, если только он будет продолжать выполнять резаные удары одной рукой и пользоваться ими как приемом для выхода к сетке. Джокович ответил, что, по его мнению, двуручные бекхенды получаются у него сильнее одноручных. Генчич кивнула: «Ладно, мы над этим поработаем». И они продолжали работать очень медленно, без какого-либо нажима с ее стороны, и вскоре наставница убедилась, что Новак настолько сообразителен и легко обучаем, что освоил удар слева двумя руками так, словно это ничего ему не стоило.

Одно из главных достоинств Джоковича – работа ног, за что его хвалили с самого начала. По словам Генчич, она с первого дня поняла, что он хороший горнолыжник – то же самое она могла сказать и о себе. Поэтому она упорно учила его использовать в теннисной игре имевшуюся у него гибкость ног и голеностопов – важнейшее качество горнолыжника. Это позволило ему даже скользить по кортам с твердым покрытием – сейчас такое умение встречается часто, а тогда им мало кто обладал.

Еще одна особенность Генчич как тренера заключалась в том, что она старалась приучить своих подопечных следить по телевизору за тем, как играют теннисные кумиры. Она расспрашивала Джоковича, что привлекает его в игре таких теннисистов, как Пит Сампрас, Стефан Эдберг и Андре Агасси. Однажды Джокович сказал, что хочет овладеть таким ударом справа по линии в движении, как Сампрас, и Генчич пообещала научить его. Ему хотелось после подачи перемещаться к сетке и играть с лета, как Эдберг, и Генчич объяснила ему, как это делается (и слегка расстраивалась, видя, что он редко применяет и то и другое в своей игре). Когда Джокович признался, что хотел бы играть справа, как Агасси, Генчич посоветовала ему понаблюдать, где Агасси находится во время обмена ударами. «Агасси стоит внутри корта, – пояснила она, – вот и я научила Новака располагаться прямо на задней линии или чуть внутри корта. Это важно, потому что он был мал ростом и еще довольно слаб, поэтому должен был бить по восходящему мячу и идти к сетке после очень быстрого выноса ракетки в мяч.

Он понаблюдал за Агасси и начал играть как тот. И это было замечательно, потому что он был еще недостаточно силен и ему приходилось заканчивать розыгрыш очка как можно быстрее. Я тоже советовала ему не втягиваться в долгие обмены ударами: если соперник сыграл чуть короче, сразу переходи в атаку».

Джокович научился отличным ударам с лета, но применял их нехотя. Однажды он объяснил: «Еца, ты хочешь, чтобы я играл с лета, но когда я выхожу к сетке, то чувствую себя, как на поле боя под обстрелом тысячи снарядов».

Кроме того, Генчич обратила внимание на то, что юный Новак никогда не жалуется на усталость. Наоборот, он часто просил разрешения задержаться на корте еще на часок после тренировки. «Все они играли утром по четыре часа, – рассказывала она о лагере в Копаонике, – затем отдыхали два часа и тренировались еще два, итого шесть часов, в том числе два уходили на общефизическую подготовку. Так мы занимались каждый день, за исключением случаев, когда шел дождь».

Джокович никогда не уставал психологически. Всякий раз, заканчивая тренировку, Генчич уже знала: этот мальчик будет расспрашивать ее обо всем, чем они занимались. Однажды она сказала ему: «Новак, у меня два университетских диплома, а теперь, кажется, есть третий – из-за твоих вопросов, на которые мне приходится отвечать!»

Генчич также утверждала, что делала все возможное, чтобы помочь ему быстрее подрасти. «Он очень поздно пошел в рост», – объясняла она.

«Я читала книги по физиологии и расспрашивала, какие упражнения могут помочь мальчику стать выше ростом. И обнаружила, что при выполнении девяти упражнений по три раза в день можно стать заметно выше ростом. Упражнения очень простые, но выполнять их надо по полной, иначе толку не будет. Я уделяла внимание общефизической подготовке, но только на теннисном корте – развитию гибкости, подвижности, умению ускоряться. Но я никогда не устраивала ему силовых тренировок или бега на длинные дистанции. К этому нужно было приступать позже, когда он начнет интенсивно расти и его мышцы начнут удлиняться. Это придаст им гибкость, и тогда станет можно поработать над их укреплением. Но к тому моменту я уже не тренировала Новака».

Через несколько месяцев поползли слухи о мальчике, на которого стоит посмотреть. Отчасти распространению слухов способствовал он сам. В возрасте семи лет Новака пригласили в передачу национального телевидения, где одни дети брали интервью у других: в бейсболке, повернутой козырьком

на затылок, Джокович держался весьма самоуверенно и сообщил, что ему пророчат славу первой ракетки мира. Клип этой передачи до сих пор можно найти в Интернете, и даже те, кто не понимает по-сербски, наверняка заметят, что Джокович буквально излучает уверенность – однако это уверенность семилетнего ребенка, в которой нет и тени высокомерия; он всего лишь максимально откровенно отвечает на вопросы. «Когда мне было семь или восемь лет, я говорил, что буду первым теннисистом мира, – рассказывал Джокович в интервью американскому телеканалу CBS в 2012 г., – и большинство людей смеялись надо мной. Наша страна тогда переживала критический период, и казалось, что вероятность этого – не выше одного процента». Однако он верил, что справится, и даже разыграл сцену величайшего личного триумфа, которому предстояло свершиться почти двадцать лет спустя: поднял над головой дешевую пластмассовую вазочку, словно выигранный кубок. При этом он чуть ли не впервые в жизни заговорил по-английски: «Привет, я Новак Джокович, чемпион „Уимблдона“».

Ранние успехи юного Новака заметил Душан Вемич – человек, который позднее стал его товарищем по команде на Кубке Дэвиса и одним из его тренеров. Вемич был на одиннадцать лет старше Новака и входил в молодежную сборную белградского «Партизана». Однажды он тренировался по соседству с кортом, на котором Генчич занималась с семилетним Джоковичем. «Даже на том этапе он в каком-то смысле был почти самостоятельным, – вспоминает Вемич. – Было видно, что он похож на детей, одаренных в разных областях – в математике, музыке, – которых можно увидеть по телевизору: они похожи на маленьких профессоров. Вот и он был таким ребенком: очень умным, красноречивым, с ясной головой, полной отличных мыслей. В нем было что-то, что давало ему возможность проявить себя в разных ситуациях. Чем труднее положение, тем лучше он с ним справлялся. Потом, став профессионалом, он раз за разом доказывал это».

Несмотря на то, что Джокович проводил три четверти года в Белграде, своей теннисной базой он считал Копаоник. Летом он играл на трех хард-кортах, а зимой, когда эти корты засыпал снег, пользовался спортивным залом при «Гранд-отеле», построенном в 1980-х гг. Этот зал по размерам соответствовал теннисному корту. В Белграде корты имели грунтовое покрытие, в итоге Джокович играл на кортах с твердым и грунтовым покрытием, а также на крытом корте, то есть получал всестороннее теннисное образование. Однако речь шла не только о теннисе: Генчич хотела, чтобы в ее лагерях все мальчики и девочки общались друг

с другом. В итоге возникло большое молодежное сообщество с типичными для него дружбами и конфликтами. В двадцать с небольшим лет, предаваясь воспоминаниям вместе с Генчич, Джокович сказал ей: «Знаешь, Еца, Копаоник – моя гора Олимп».

Джокович называет Генчич своей «теннисной мамой», и поскольку она тренировала его с пяти до двенадцати лет, то, несомненно, успела обучить его основам тенниса. Но сама она считала, что этим ее роль не исчерпывается.

Генчич можно было бы назвать «инструктором по индивидуальному развитию» Джоковича, поскольку она готовила его к различным аспектам жизни, зная, что ему предстоит с ними столкнуться. Генчич учила подопечного, как вести себя за столом. Она понимала, что он вырос в семье, которая сводила концы с концами, не более того, а в роли теннисиста высшего уровня ему придется садиться за стол, где каждому полагается не только один нож, одна вилка и один бокал. Поэтому Генчич объясняла, из каких бокалов принято пить аперитив, из каких – белое вино, шампанское и т. п.

Помня о традициях их патриархальной семьи и о том, что она, женщина, пришла в эту семью прививать старшему сыну нечто непривычное для них, Генчич знакомила мальчика с правилами поведения за столом и тому подобными вещами, только когда они оставались один на один. Джокович лишь однажды спросил, зачем она рассказывает ему об этикете.

«Каждый день, начиная со второго дня нашего знакомства, я твердила ему: „Ты будешь лучшим в мире“. Я говорила, что мы должны работать и верить друг другу. Если чего-то не понимаешь – спроси меня. Если тебе кажется, что ты недоработал, – доработай. Я говорила его родителям: „Не давите на своего сына, он должен быть личностью. Мотивация должна исходить от него“. Но все это произносилось в приватной обстановке, поэтому Новак не слышал, что я говорила его родителям, а его родители не слышали, что я говорила ему».

Генчич всерьез увлекалась музыкой, литературой и общим образованием. Однажды она сказала Джоковичу, что любит классическую музыку и в минуты усталости ложится и слушает ее. Потом она предложила ему попробовать тоже, и познакомила его с некоторыми классическими произведениями. Она рассказывала:

«Я всегда объясняла ему, кто композитор, что это – барокко или романтизм, кто такой Бетховен и т. п. Мы выбирали, что послушать, в зависимости от степени его утомленности и его интереса. Когда Новак сильно уставал, мы слушали фортепианную музыку Шопена, Дебюсси, Грига, под которую

можно медленно расслабляться. Поскольку наши рабочие дни обычно заканчивались неподалеку от моего дома, я очень часто играла ему на пианино. Поначалу я по его глазам видела, что он предпочитает хэви-метал и тому подобное, но я сказала, что он должен научиться слушать и классику. Рок и хэви-метал он слушал в течение получаса перед сном, потом он стал слушать и то и другое. Я никогда не говорила ему: „Этого делать нельзя“. Ужасно так говорить подростку.

Однажды днем, когда Новаку было лет семь, я страшно устала, возможно, была слегка подавлена и искала, какую музыку послушать. Мне нравится яркая оркестровая музыка, поэтому я включила увертюру „1812 год“ – для себя. А потом заметила, что Новак тоже слушает, и немного прибавила громкость. Вдруг он сказал: „Еца, у меня мурашки по коже“. Так внимательно он слушал. Я сказала ему: „Так, Новак, сейчас я объясню тебе кое-что очень важное. Во время матча ты можешь оказаться в одной из двух ситуаций. Одна из них – в твою пользу, когда ты близок к победе, тебя отделяют от нее один или два очка, и ты чувствуешь, как по телу бегут мурашки. В такой ситуации спокойно заканчивай матч, не возбуждайся, сохраняй спокойствие. Но ты можешь оказаться и в нескольких очках от поражения, и вот тогда вспомни эту музыку и свои ощущения – ты почувствуешь прилив адреналина, и тогда вполне можешь выиграть“. Думаю, этот урок стал важным для его психологической устойчивости».

Генчич не только поощряла чтение стихов – особенно сербских и русских поэтов, – но и убедила Джоковича заняться изучением по меньшей мере двух иностранных языков. Английский был очевидным выбором, а в качестве второго языка Джокович выбрал немецкий, который пригодился ему, когда в двенадцатилетнем возрасте он начал ездить в Мюнхен.

И наконец, Генчич рассказала своему подопечному историю о Николе Тесле. Для большинства туристов Тесла – просто название международного аэропорта в Белграде. Однако человек, в честь которого его назвали, был выдающейся, хоть и несколько эксцентричной фигурой в истории науки. Серб, эмигрировавший в Америку, Тесла считается «отцом» переменного тока. Некоторые приписывают ему научные исследования, лежащие в основе крупных открытий, сделанных Эдисоном, Маркони и другими. Генчич много знала про Теслу и однажды нашла посвященную ему статью в газете, где существовала хорошая рубрика о культуре, предназначенная для детей. В то время, в семь с половиной лет, Джокович заинтересовался и начал расспрашивать Генчич о Тесле. Она ответила: «В чем заключался

первый принцип Николы Теслы? – В визуализации. Сначала он мысленно представлял себе новую идею, затем излагал ее на бумаге и, наконец, пытался осуществить». Джокович все понял, и только один раз уточнил, что такое «визуализация»: «Как думаешь, мы увидим будущее, которое еще не наступило?» В то время ему было семь лет.

Генчич объяснила ему, что в теннисе визуализация – чрезвычайно важный элемент тренировки. И она включила симфоническую поэму Сметаны «Влтава», сказав, что Новак обязательно должен ее услышать, а когда музыка смолкнет – рассказать ей, что он видел, что чувствовал и что еще связано у него с этой музыкой – короче, о своей визуализации. Потом Генчич поделилась с ним собственными ощущениями. Она признаёт, что с «Влтавой» допустила одну ошибку – объяснила, что это река, но лишь потому, что считала своим долгом помочь семилетнему ребенку, а на самом деле этот ребенок в помощи не нуждался. Иногда они ежедневно занимались визуализацией под музыку – этим объясняется, почему Джокович так хорошо разбирается в классике и до сих пор обращается к ней, чтобы привести свои мысли в порядок.

Воспитание юных теннисистов распространялось и на изучение природы. Однажды она предложила своей летней группе в Копаонике выбор: либо тренировка, либо четырехчасовая прогулка в горах, и все, в том числе и Джокович, предпочли горы. Генчич рассказывала подопечным о флоре и фауне, часто объясняла, почему ей нравится что-нибудь. Джоковича она научила собирать цветы для букетов. Однажды, когда ему было лет девять, он составил огромный и красивый букет, и приятно удивленная Генчич похвалила его, а потом сорвала голубой цветок, который, по ее мнению, мог удачно дополнить букет. Увидев это, Джокович сказал: «Еца, ты что, не видишь? Этот цветок уже есть в букете». И он действительно там был, просто Генчич не заметила. Она поспешила признать свою ошибку. Оказывается, в тот день у матери Джоковича был день рождения, и ему было важно составить букет самому, без посторонней помощи.

Разумеется, племянница известной актрисы получила всестороннее образование и в области искусства. Юный Новаче (первые несколько месяцев Генчич звала его «Новаче») понял это сразу. Когда ему было семь с половиной лет, незадолго до дня рождения Генчич он уговорил своих родителей купить ей в подарок картину. На поиски подходящего полотна он потратил два часа и наконец нашел его на рынке. Эта картина висела в гостиной Генчич среди более известных работ художника

Маринковича до самой ее смерти.

Мы никогда не узнаем, каким стал бы Джокович без влияния Елены Генчич. Но ее старание приоб щить его к плодам своего разностороннего образования, несомненно, дало свои плоды. А самому Джоковичу хватило природного интеллекта, чтобы понять, из какой среды она вышла и почему все, чему она учит его, поможет ему в будущем.

Поскольку штурм вершин в теннисе, проходящий в условиях свирепой конкуренции, требует решимости, то вполне возможно, что без помощи Генчич путь Джоковича к этим вершинам дался бы ему куда тяжелее. Может быть, он повторил бы судьбу Андре Агасси, природная любознательность и добродушие которого в конце концов восторжествовали над его необузданными юношеской агрессией и бунтарством. Однако на это ушло много лет и, вполне возможно, стоило Агасси полудюжины титулов Большого шлема в одиночном разряде.

С самого начала вера наставницы в то, что Джокович станет лучшим теннисистом мира, была непоколебима. Поэтому она считала необходимым научить его не только хорошему удару слева, но и выступлениям на публике, поощряла его не только ходить к сетке, но и осваивать английский, быть любезным, предупредительным и дипломатичным. Генчич утверждала, что ее подопечный любит всех – может, она и ошибалась, однако Джокович изо всех сил старался, чтобы все, с кем ему доводилось общаться, чувствовали, что они ему очень нравятся.

Между игроком и тренером складываются странные отношения. Бывают тренеры, которые становятся проклятием для одних игроков, но с другими у них возникает союз, словно заключенный на небесах. Нужны особые флюиды, возможно, подходящий момент для знакомства. Для некоторых игроков Генчич могла оказаться катастрофой – кто-то из них мог так и не стать чемпионом только потому, что его учила Генчич, а не тренер, придерживающийся более традиционных, стандартных методов. Но Джоковичу повезло с тренером.

Даже в те месяцы жизни, которые оказались для нее последними, Генчич не называла себя профессиональным тренером. «Я не профессионал, потому что это означает работу за деньги, а я за деньги никогда не работала, – говорила она. – Деньги мне не нужны, потому что я тренирую детей. Я соглашаюсь заниматься с ними, даже если их родители не в состоянии платить. На протяжении почти всей моей жизни в Югославии и Сербии у меня были отличные теннисные корты, потому что все расходы в школе тенниса брало на себя правительство. Мы могли закупать через школу теннисные мячи,

ракетки, струны для них, государство оплачивало тренерскую работу».

В каком-то смысле Генчич была милой чудачкой. Даже когда ей было уже за семьдесят, она проводила на корте по 10 часов в день, тренировала и руководила другими тренерами, и поток детей, желающих учиться играть в теннис у нее, не иссякал. Каждый день ее обед состоял из одних и тех же блюд – батон хлеба и литр кефира. Однажды на день рождения ученики вместе с родителями в качестве дружеской шутки подарили ей те же самые литр кефира и батон.

Официально Генчич была первым тренером Джоковича – женщина, научившая его играть в теннис. Когда ему минуло двенадцать и он начал заниматься с другими белградскими тренерами, а также периодически обучаться в школе Ники Пилича в Германии, Ека стала просто другом и бывшим тренером. Джокович часто навещал ее; но с тех пор как он регулярно стал играть в турнирах, у него оставалось все меньше времени для встреч с Генчич. После его совершеннолетия целых четыре года он вообще не виделся с ней. Генчич говорила, что все понимает, но чувствовалось: продолжительные периоды разлуки тревожат ее. В это же время у Джоковича вошло в привычку упоминать в интервью сербскому телевидению или радио какие-нибудь классические музыкальные произведения. Иногда он говорил: «Мне нравится слушать Чайковского» или называл другого композитора. Генчич считала, что таким образом Джокович дает ей понять, что думает о ней, даже когда у него нет времени поддерживать с ней связь. Как-то, говоря с ней, Джокович подтвердил, что так и было задумано – неизвестно, сказал ли он это просто для того, чтобы порадовать пожилую женщину, к которой питал безмерные привязанность и благодарность, но хотелось бы верить, что упоминания классических произведений действительно были зашифрованными посланиями.

Еще об одном моменте она никогда не говорила напрямую, однако намекала: горько, что она ни разу не сопровождала Джоковича в поездках. Его семья с трудом наскребала денег на билеты, но время от времени Новаку выделяли средства для поездки на юношеские турниры в сопровождении одного взрослого. Поэтому постоянно вставал вопрос, кто с ним поедет, и выбор всегда падал на его отца или мать, или на дядю Горана, или на Богдана Обрадовича, но никогда – на Генчич, хотя иногда Джокович связывался с ней по телефону. Только однажды, в 2012 г., он пригласил Генчич приехать на первый день «Уимблдона» и предложил ей присоединиться к его команде

в отдельной ложе, когда в час дня он должен был сыграть свой первый матч в качестве действующего чемпиона. По словам Генчич, тогда она ответила: «Новак, если ты приглашаешь меня только на один день, думаю, лучше, если это будет последний день, а не первый». И она не приехала, а Джокович так и не добрался до финала, проиграв в полуфинале Роджеру Федереру. А к следующему «Уимблдону» Генчич уже не было в живых.

Но, несмотря на то, что она так и не побывала в Уимблдоне, Уимблдон сам навестил ее. В конце сезона 2011 г. Джокович договорился о визите к Генчич и спросил, можно ли привезти с собой телевизионную съемочную группу. В конце концов он привез две съемочных группы: одну американскую и одну сербскую, – так что и сербское, и американское телевидение запечатлело момент, когда Джокович вошел в ворота дома Генчич со своей копией уимблдонского трофея в руках. «Ради этого мы и старались, верно? – сказал он, когда они сердечно обнялись – он в теплом зимнем пальто, она в крикетном свитере. – Вот он, трофей, вот наша мечта. Мы становились перед зеркалом, поднимали импровизированный приз и мечтали когда-нибудь взять в руки настоящий. Мне всегда хотелось сделать вот так, – продолжал он и поставил свой приз на стол, где стояли кубки Генчич, – чтобы рядом с твоими призами стоял не какой-нибудь, а этот, именно этот». Это был прекрасный момент, и присутствие камер ничуть не обесценило его.

Эта встреча не стала для них последней, но ознаменовала завершение огромного этапа их общей жизни. Финал наступил внезапно. Корт Елена Генчич покинула лишь за неделю до того, как умерла от быстро распространяющегося рака печени в разгар субботнего дня, во время Открытого чемпионата Франции 2013 г. В тот же день около полудня об этом известии сообщил сайт Сербской федерации тенниса, но, поскольку Джоковичу в тот день предстояла в Париже встреча с Григором Димитровым в третьем круге, тренер и команда сопровождающих Джоковича решили не сообщать ему о смерти Генчич. Спокойно обыграв Димитрова, Джокович дал жизнерадостное интервью на корте Фабрису Санторо, потом, покидая корт, раздал несколько автографов и сразу после этого узнал о случившемся.

Обычно пресс-конференция после матча неизбежна, но в тот вечер Джоковича освободили от всех медийных обязательств. Два дня спустя, выиграв следующий матч, он сказал о предыдущих 48 часах:

«Было нелегко, но такова жизнь – она что-то дает тебе и что-то отнимает. Елена была моим первым тренером, она мне

как вторая мать – всю жизнь мы с ней были очень близки. Она научила меня многому из того, что теперь присуще мне, присуще моему характеру. Я храню самые теплые воспоминания о ней. Они останутся со мной навсегда и, надеюсь, я смогу последовать по указанному ею пути, продолжить с того, на чем она остановилась – ведь она передала столько знаний и мне, и людям, которые были близки ей, и я считаю своим долгом следовать ее примеру в будущем. Она работала с детьми с пяти-шестилетнего возраста и до 12–13 лет, всю свою жизнь она посвятила этому поколению и теннису. Она так и не вышла замуж, у нее не было детей, всю ее жизнь составлял теннис. Даже в последнюю неделю жизни она давала детям уроки тенниса, не задумываясь о том, насколько серьезна ее болезнь, – у нее уже был когда-то рак груди, и она победила его. Она была одним из самых удивительных людей, которых мне довелось знать, поэтому да, это тяжело».

Сербская федерация тенниса спешно устроила в Белграде поминальную службу по Генчич. Служба состоялась через два дня после ее смерти, во второй понедельник «Ролан Гарроса», поэтому Джокович никак не мог на ней присутствовать. Но он прислал письмо, которое его мать зачитала во время службы. В письме были следующие строки:

«Я оказался совершенно не готов к нашему расставанию. Меня бесконечно печалит то, что я не смог попрощаться с тобой. Но я знаю: ты рассердилась бы, если бы я сдался или умалил свои шансы исполнить нашу последнюю мечту – выиграть „Ролан Гаррос“. Спасибо тебе за твое терпение и огромную любовь. Спасибо за твою ежедневную поддержку, за советы, которые я помню, за теплые слова, неизменно наполненные глубоким смыслом. Ты знаешь, что я знаю их наизусть и всегда следую твоим правилам.

В нашем последнем разговоре, который состоялся две недели назад, ничто не предвещало беды. И мне грустно, потому что даже тогда ты всеми силами старалась оградить меня от беспокойства, заверить, что все в порядке, что в больницу тебя направили на плановое обследование, а мое дело – не беспокоиться, а побеждать.

Ты была ангелом. И когда ты тренировала меня, и потом, когда я чувствовал твою поддержку повсюду, где бы я ни был. Искреннюю. Сильную. Бескорыстную. Ты оставила о себе неизгладимую память в сербском теннисе. Все, кто держит в руках ракетку, сегодня в неоплатном долгу перед тобой. Обещаю, я расскажу о тебе будущим поколениям, и твой дух будет и впредь жить на наших теннисных кортах».

Будь это волшебная сказка, семь дней спустя Джокович выиграл бы Открытый чемпионат Франции. Но это была не сказка, и он не выиграл. Его обыграл Рафаэль Надаль в полуфинале продолжительностью 4 часа 38 минут, в котором у Джоковича были шансы, но в конечном итоге он не смог противостоять сопернику, который приехал на «Ролан Гаррос» после семимесячного перерыва в 2012–2013 гг. И находился в невероятной форме.

Если Генчич и вправду была ангелом-хранителем Джоковича, то в тот день она отдыхала от своих обязанностей. Но очевидно, что у Джоковича есть все еще три – четыре попытки выиграть Открытый чемпионат Франции, и, возможно, эта победа – вопрос ближайшего будущего.

Во многих отношениях наследием Елены Генчич является не столько Новак Джокович как теннисист, сколько он же как личность. По-видимому, она не жалела, что у нее нет своих детей, повторяя: «Все мои ученики – мои дети», но нетрудно представить себе, что она могла бы стать замечательной заботливой матерью. Если бы Джокович был ей сыном, которого она так и не родила, таким сыном гордилась бы любая мать. Но, возможно, она слишком остро нуждалась в нем. Генчич говорила, что через пару лет после знакомства с Джоковичем у нее появилось два очень способных ученика, но она не захотела работать с ними, якобы из-за нехватки времени, которое целиком уходило на тренировки с Джоковичем и работу на телевидении, но на самом деле ей не хотелось создавать для подопечного конкуренцию. «Я хотела, чтобы он по праву остался лучшим», – как выразилась она сама.

Такая преданность, хоть и достойная восхищения, могла оказаться утомительной, и, возможно, Джоковичу как раз поэтому понадобилось дистанцироваться от Генчич, – чем и объясняются четыре года, за которые они ни разу не виделись.

В Елене Генчич было нечто вдохновляющее и вместе с тем грустное. Ее глаза не только горели энтузиазмом – в них читалась печаль. Если ее профессиональная жизнь и вызывала у нее сожаления, то лишь потому, что от ее работы создателя телепередач мало что сохранилось. Ее карьера на телевидении завершилась в 1999 г., когда сербский телецентр был разрушен во время бомбардировок НАТО; бомбы уничтожили архивы, вместе с ними пропало большинство из 1500 снятых Генчич передач, среди которых многие были удостоены наград.

Если бы Генчич очутилась на придуманном «Би-би-си» «Необитаемом острове» (из длинного цикла радиопередач Desert Island Discs), куда могла бы взять с собой только восемь

музыкальных произведений, она выбрала бы симфонию Бетховена (любую), «Адажиетто» из 5-й симфонии Малера, фортепианный концерт до минор Рахманинова, несколько пьес Шопена для фортепиано, сербскую народную и церковную музыку и несколько фрагментов, которые сочинила сама для своих телепередач. Но, зная Елену Генчич, можно предположить, что, скорее всего, она приручила бы павиана и почти все время пыталась бы обучить его перебрасывать кокос через низкую горизонтальную ветку.

Как резюмировал Джокович, величайшее наследие Генчич – ее личные нравственные принципы и эмоциональный интеллект, значительно отличающие ее от среднестатистического тренера по теннису. «Если я вкладываю всю душу в ребенка на теннисном корте, – говорила она в своем последнем интервью, – то этот мальчик или эта девочка должны принимать меня, если и не во всех проявлениях, то в главных. Иначе у меня не будет мотивации. Я очень горжусь Новаком. Этот мальчик понимает меня, он многому научился, многое получил и хотел получить еще больше. А я получала от него. Главное, чему я научилась, – это быть терпеливой. Никогда не огорчаться, а если все-таки огорчилась, то объясниться с собой и поговорить об этом друг с другом. Это очень важно».

В интервью для этой книги, данном в начале 2014 г., Джокович рассказал о ее роли в его жизни: «Елена умела смотреть в будущее, – сказал он. – Она с самого начала разглядела во мне что-то особенное. Она всегда готовила каждого из нас к чему-то большему, чем просто игра в теннис. Готовила нас к жизни. В семье меня учили всегда уважать старших и быть вежливым с ними. Елена была моим тренером, человеком, которого мои родители выбрали на роль моего учителя и наставника. Я никогда не сомневался в ее методах и способах передачи мне знаний. Я был как губка, впитывал и просил еще, а она с радостью отдавала мне все, что только могла. Как я уже сказал, она видела, как сделать из меня хорошего человека и теннисиста даже в том случае, если бы я обрел известность лишь в пределах Сербии, ведь никто не мог поручиться, что в будущем я стану спортсменом экстра-класса, объезжу весь мир и буду представлять свою родину. Во время прошлогоднего турнира „Ролан Гаррос“ Елена умерла, но для меня она по-прежнему жива. Она – неотъемлемая часть каждой моей тренировки, каждой победы и поражения… По-моему, такие люди, как она, просто не могут умереть. Ее жизнь находится за пределами физического мира. Я навечно признателен ей за то, что для меня она стала теннисной матерью».

Глава четвертая
Возрождение Сербии в результате югославских войн

Т рудно найти страну, на историческом облике которой не было бы темных пятен. На некоторые из таких пятен даже не надо указывать, они и так видны. К примеру, Германия, зрелая в культурном отношении страна, подарившая миру Гете, Бетховена и Дюрера, развязала две мировых войны и причинила невыносимые страдания людям только из-за их национальной принадлежности. Поведение России в войне против Японии в 1904–1905 гг. было и трагично, и неразумно: стоило посылать балтийский флот в девятимесячный поход ради поддержания престижа царя, чтобы потом этот флот за сорок пять минут был потоплен японцами в Цусимском проливе? На счету России также сталинские показательные процессы, репрессии и чистки 1930-х гг. В Руанде в 1994 г. свирепствовал геноцид, в Чили была эпоха Пиночета, в ЮАР – апартеид. На долю США приходится немало беспринципных сделок с сомнительными режимами и вдобавок долгое нежелание предоставить небелым американцам права, гарантированные конституцией. При ближайшем рассмотрении внешней политики Великобритании за последние 200 лет обнаруживаются всевозможные подробности, которые создатели великой империи предпочитают не афишировать: это первые концлагеря во время англо-бурской войны, бойня в Амритсаре в 1919 г. и другие малоприятные примеры колониальных амбиций и деспотизма.

Обо всем этом и о многом другом следовало бы помнить, прежде чем нападать на Сербию с обвинениями ее в событиях 1990-х гг. Да, в истории Сербии есть период, о котором не могут спокойно вспоминать такие люди, как Новак Джокович. Он часто говорит о том, что одна из его задач как общественного деятеля – убедить мир, что сербы вовсе не кровожадный сброд, какими их часто изображало мировое телевидение в 90-х гг. XX в., когда Югославию захлестнула волна насилия. «Я прекрасно отдаю себе в этом отчет каждую минуту своей общественной и личной жизни, – говорит Джокович, – особенно когда я за границей. Это заложено в большинстве сербов моего поколения и старше. Нам постоянно твердили, что сразу за пределами страны нам предстоит столкнуться с массой стереотипов, ассоциирующихся с нами, поскольку мы выходцы из Сербии. Нас будут подозревать

в самых отвратительных и предосудительных вещах, и мы должны постоянно быть начеку. Мы – посланники наших родных и своей страны, наш долг всегда показывать себя в лучшем свете. И я с огромным почтением исполняю этот долг, надеясь даже случайно не уронить честь своей родины».

Трагедия югославских войн заключается в том, что в них не было никакой необходимости. Среди ряда этнологов бытует мнение, что в 1918 г. сербы придерживались инклюзивного подхода к национальному вопросу, считая, что народы, которых роднила с сербами близость языков и религии (неважно, реально исповедуемой или существующей лишь титульно), легко могут жить в одной и той же стране, будь то «Великая Сербия» или «Югославия». Не все готовы согласиться с такими взглядами, однако неоспорим факт, что в целом отношения между сербами, черногорцами, хорватами, словенцами, македонцами и другими на личном уровне складывались легко, и вдобавок язык, на котором говорили в Югославии, был известен как «сербо-хорватский», что тоже свидетельствует о близости сербов и хорватов.

И тем не менее к 1990 г. враждебность между союзными республиками Югославии достигла той точки кипения, когда «кто не с нами, тот против нас». Эти настроения были достаточно сильны в пяти республиках, соответствовавших этнически узнаваемым народам – в Сербии, Хорватии, Черногории, Словении и Македонии. Еще хуже обстояло дело в Боснии и Герцеговине – маленькой республике, где в действительности не было этнических боснийцев. Самой многочисленной этнической группой здесь были мусульмане (известные как бошняки), но и сербов и хорватов насчитывалось немало. Именно трагическая волна насилия, связанная с враждой соседей друг с другом – когда друзья и близкие, еще недавно справлявшие праздники вместе, вдруг превращаются во врагов, – была особенно сильна. От ее ужасных последствий молодые республики продолжают оправляться и по нынешнее время.

Распад Югославии произошел в ходе четырех войн преимущественно в регионах проживания наиболее этнически разнородных групп. Важно понимать разницу между понятиями «республика» и «нация», особенно в этой части мира: Хорватия – республика, хорваты – нация, Сербия – республика, сербы – нация, и т. п. Это была битва народов. Вместо гражданственности возник национализм, или то, что нередко называют великодержавным шовинизмом. Вместо того чтобы служить всем гражданам на территории, находящейся под их юрисдикцией, независимо от этнической или религиозной принадлежности,

новые правители старались отстаивать интересы преобладающей «нации». При этом те, кто не принадлежал к этническому большинству, неизбежно переходили в категорию меньшинств, их подвергали дискриминации и относились к ним как к гражданам второго сорта.

Некоторые называют отправной точкой этих войн смерть Тито в 1980 г., и, действительно, от нее тянется цепочка событий, приведших к кровопролитным битвам 1991–1999 гг. Но момент, когда война стала неизбежной, возник, очевидно, в конце 1980-х гг., когда Слободан Милошевич осознал политическую выгоду, которую мог бы принести сербский национализм. В качестве президента югославской Республики Сербия (в то время еще не было суверенного государства, такого как современная Сербия) Милошевич в 1989 г. аннулировал автономию провинции Косово с преимущественно албанским населением и приступил к программе насаждения сербской культуры. Этот шаг был с возмущением встречен хорватами и словенцами: они опасались, что станут следующими. И когда делегаты XIV съезда Коммунистической партии Югославии в январе 1990 г. проголосовали за многопартийную систему, националистические партии тут же воспользовались ситуацией.

К началу 1991 г. уже было ясно, что Югославия распадется, однако заключенное в марте 1991 г. Караджорджевское соглашение между Милошевичем и не менее пламенным хорватским лидером, националистом Франьо Туджманом предвещало, что за районы с этнически смешанным населением последует ожесточенная борьба. Это соглашение обозначило распад Югославии, каким его видели оба лидера – с разделом Боснии между ними.

Три из четырех войн частично совпали по времени. Схватки в ходе сербо-хорватского конфликта 1991–1995 гг. начались ранней весной 1991 г., а в июне Словения провозгласила независимость. На протяжении десяти дней Сербия, а точнее, Югославская народная армия пыталась вернуть словенцев, но вскоре прекратила борьбу, и Словения обрела независимость еще до конца лета. Это был первый из конфликтов, иногда называемый «десятидневным».

Он побудил Хорватию и Македонию также провозгласить независимость. Хорваты уже заявили о своем желании выйти из союза и подготовили конституцию новой суверенной Республики Хорватия. Согласно этой конституции, сербы, живущие в Хорватии – около 12 % населения, преимущественно в провинции Краина вблизи границы с Сербией, – были отнесены к категории национального меньшинства, тогда как до того

считались одной из титульных наций. Поскольку в Сербии времен Милошевича придерживались того подхода, что все несербские нации могут иметь свои республики, но все сербы вправе принадлежать Великой Сербии, то хорватские сербы объявили о своем отделении от Хорватии в надежде объединиться с новым сербским государством.

Это спровоцировало следующую из войн, часто называемую «Хорватской войной за независимость», хотя хорватские сербы предпочитают именовать ее «борьбой за самоопределение». Некоторые называют ее «сербо-хорватской войной», но это название способно ввести в заблуждение, так как вооруженные столкновения этнических сербов и хорватов происходили и в Боснии. Ввиду участия в конфликте в основном сербской Югославской народной армии, которая ввела в Хорватию около 70 тыс. солдат, на начальном этапе побеждали сербы. Первые этнические чистки были проведены тем летом в Кийево, где хорватов окружали и стреляли в них только потому, что они хорваты; за первыми чистками последовали другие. Название одного города, Вуковар, стало символом всей сербо-хорватской войны. Вуковар был мирным городком у самой границы Хорватии и Сербии, в нем проживало около 50 тыс. граждан, среди которых, по некоторым оценкам, были представители 22 разных наций, поэтому он мог считаться вполне типичным югославским населенным пунктом. К июлю 1991 г. Вуковар окружили сербы, бомбившие его на протяжение четырех месяцев. В ноябре 1991 г. город пал. Спустя четыре года, когда хорваты хлынули на запад, отвоевывая территории, утраченные в первые месяцы конфликта, Вуковар вновь перешел к ним. Теперь уже бежать пришлось сербам. Вуковар находится менее чем в 20 км от Винковичей, откуда родом семья Дияны Джокович.

Самой кровопролитной из всех четырех стала Боснийская война 1992–1995 гг. Босния и Герцеговина была единственной из шести югославских республик, не имеющей четко выраженной титульной нации. Ее этнически смешанное население составляли примерно на 43 % боснийцы (мусульмане), на 31 % сербы и на 17 % хорваты. На первом этапе войны сербская Югославская народная армия обстреливала территорию боснийцев и проводила этнические чистки, массово уничтожая боснийских мусульман. Но вспыхивали также схватки между боснийцами и хорватами и внутри этнических подгрупп.

Боснийская война продолжалась три с половиной года, ее итогом стали, по оценкам аналитиков, 100 тыс. погибших и до 50 тыс. женщин, подвергнутых насилию. Примерно 2,2 млн человек были вынуждены превратиться в беженцев или каким-то

иным образом покинуть места своего проживания. Большинство имен и названий, которые сделались известными во время югославских войн 1990-х гг., относятся к Боснийской войне, которая стала самой жестокой. Боснийских сербов возглавлял Радован Караджич, их войсками командовал Ратко Младич – оба предстали по обвинению в совершении военных преступлений в Югославии перед Гаагским международным трибуналом. Несколько географических названий неоднократно звучали в выпусках мировых новостей – например, Мостар – в связи с уничтожением моста-символа 427-летней давности, или Баня-Лука как место устроенного сербами концлагеря. Но подлинными символами войны стали, пожалуй, два названия – Сараево и Сребреница.

Боснийская столица Сараево в 1984 г. была местом проведения зимних Олимпийских игр, но в апреле 1992 г. понесла большой ущерб при осаде, начавшейся после того, как мусульманский президент Боснии Алия Изетбегович провозгласил ее независимость от Югославии. Эта независимость была моментально признана международным сообществом, в ответ на что сербы начали стягивать к городу войска. Осада продолжалась дольше самой войны и закончилась лишь в феврале 1996 г.

Население городка Сребреница не превышало 8000 человек, но в годы конфликта достигло 40 тыс. человек – за счет боснийцев, спасавшихся там от этнических чисток. Находящийся под защитой ООН город был подвергнут обстрелу и разграблению сербскими войсками в пасхальный понедельник 1993 г., когда были убиты десятки человек. ООН объявила город «зоной безопасности», но должная военная защита ему не была обеспечена, и в июле 1995 г. сербские войска захватили предположительно демилитаризованный город и уничтожили, по некоторым оценкам, 8500 боснийских мужчин. Этот эпизод позднее дал основание Международному трибуналу в Гааге, рассматривавшему дело о военных преступлениях в Югославии, объявить расстрел геноцидом и обвинить Сербию в том, что она не смогла предотвратить его. В 2014 г. суд по гражданским делам в Гааге постановил, что Нидерланды несут ответственность за смерть 300 человек из этого числа, поскольку голландские солдаты, входящие в состав миротворческих сил ООН, преднамеренно передали 300 боснийских мужчин сербским войскам.

Боснийская война подходила к концу, когда вмешалось НАТО и в августе и сентябре 1995 г. приступило к бомбардировкам сербских позиций в Боснии. Обстрелы завершились в ноябре

1995 г. Дейтонским соглашением, которое определяло права представителей разных этнических групп в пределах новых независимых государств. Мира удалось добиться, но в результате Босния сделалась чем-то вроде мини-Югославии. В итоге даже успехи страны, например выход в финальный турнир чемпионата мира по футболу 2014 г., так и не стали источником общей радости для ее жителей.

Итак, к концу 1995 г. Словения, Македония, Хорватия и Босния провозгласили независимость. Это означало, что в составе Югославии остались только Сербия и Черногория. Однако страна продолжала существовать под прежним названием, и в 1997 г. Слободан Милошевич стал президентом уже не Сербии, а Югославии. Но он и не собирался останавливать националистические войны.

Четвертая война началась в 1998 г., ее центром стало Косово. Многие факторы, породившие этот конфликт, достаточно типичны для территориальных споров в нынешнем мире, где путешествовать, а значит, и мигрировать совсем не трудно. Именно эта война оказала наибольшее влияние на историю Джоковича.

Оборона Косово в 1389 г. ознаменовала завершение средневековой эпохи господства Сербии и начало возвышения Османской империи. То есть Косово с давних времен служило горьким напоминанием о поражении сербов. Оно оставалось провинцией Сербии, но процветающей территорией так и не стало, и с середины XX в. сербы старались перебраться на север с его более благоприятными экономическими перспективами. По мере переселения сербов их место занимали этнические албанцы. Эти мигранты-мусульмане, которых сербы называли «шиптар» (довольно оскорбительное название), часто покупали землю у уезжающих сербов. И что самое важное, рождаемость у мигрантов была феноменально высока; в итоге к началу 90-х гг. XX в. большую часть населения Косово составляли этнические албанцы.

На протяжении чуть ли не всего сорокалетнего правления Тито в Югославии Косово имело статус автономного края, но в 1989 г. Милошевич аннулировал его. Вдобавок началось насаждение сербской культуры: закрыли албанское телевидение и радио, учителям-албанцам запрещали преподавать в школах и вузах, албанцев увольняли с работы в государственном секторе (в который входила почти вся промышленность). В 1996 г. недовольные албанцы образовали Армию освобождения Косово, которая начала атаки на Сербию. Некоторые соглашения были достигнуты в 1998 г., но они не могли просуществовать долго,

так как этнические албанцы стремились к независимости для Косово, а Милошевич хотел, чтобы оно оставалось частью Сербии.

Косовская война началась в 1998 г. Кровопролитие достигло такой степени, что НАТО потребовало от Сербии прекратить наступление на Косово. Сербия отказалась выполнить приказ, вероятно, считая, что НАТО не вправе вмешиваться – ведь, согласно конституции, Косово является частью Югославии. Но когда стало известно о все новых случаях массовых убийств гражданского населения, НАТО приступило к бомбардировкам и Косово, и Белграда. В течение 76 дней, с 24 марта по 8 июня 1999 г., Белград находился под налетами авиации, от которых горожане, в том числе и семья Джоковича, спасались в подземных убежищах. Наконец Сербия приняла предложение ООН передать Косово под его управление, и война завершилась.

На протяжении девяти лет в Косово сохранялась временная администрация ООН. Затем, в 2008 г., была провозглашена независимость края. Ее признала большая часть международного сообщества, но несколько стран – в частности, Россия, Китай и несколько членов ЕС – поддержали Сербию, не желающую признавать Косово суверенным государством. В апреле 2013 г. ЕС выступил посредником в сделке, по условиям которой сербам с севера Косово были гарантированы сербские общины и на севере, и на юге края. Белград отрицал, что эта сделка означает признание Сербией независимости Косово, и утверждал, что речь идет только о кратковременной нормализации положения, чтобы Сербия и Албания могли вести переговоры об их вступлении в ЕС.

В настоящее время сербы составляют не более 10 % населения Косова, однако они по-прежнему преобладают примерно на четверти территории – в окрестностях города Митровица, где рос отец Новака, Срджан Джокович. Напряженность в отношениях между сербами и албанцами продолжает медленно нарастать, но поскольку обе страны стремятся вступить в Евросоюз, а ЕС заявляет, что это может произойти лишь при «полной нормализации» отношений (что бы это ни означало на практике), необходимо найти какие-то долгосрочные решения. Добиваясь «полной нормализации», ЕС настоял, чтобы Сербия оказала содействие в предании суду двух подозреваемых в совершении военных преступлений (Ратко Младича и Горана Хаджича). Тем временем Косово существует в своего рода подвешенном состоянии – как государство, признанное многими, но не настолько, чтобы войти в состав ООН. Это означает, к примеру, что оно не может стать членом УЕФА

или ФИФА – поэтому такой футболист, как играющий за «Манчестер Юнайтед» Аднан Янузай, родители которого – этнические албанцы из Косово, не мог бы при желании выступать за Косово в международных турнирах (за исключением товарищеских матчей), поскольку Косово не состоит в этих ассоциациях (по иронии судьбы Янузай мог бы играть либо за Сербию, либо за Албанию).

Вполне возможно, этнические сербы в Косово в конце концов присоединятся к Сербии по условиям окончательного соглашения, если Белград признает независимость Косово. Будет ли Косово в этом случае стремиться к объединению с Албанией, пока неизвестно, но на каком-то этапе это может произойти. Вероятнее всего, Сербия и Албания обе войдут в ЕС, в итоге экономическая взаимозависимость между ними может привести к разработке более мирного решения, неважно, будет в нем участвовать суверенное Косовское государство или нет.

Четыре гражданских войны в Югославии 90-х гг. XX в. стали предметом судебных процессов в связи с военными преступлениями. Эти процессы проходили в специально учрежденном ООН судебном органе – Международном трибунале по делам бывшей Югославии (ICTY). Он собирался в голландском городе Гааге, месте размещения Международного уголовного суда, и также известен под названием Гаагского трибунала по военным преступлениям. Ряд обвинительных вердиктов уже на ранних стадиях работы стал способом жестко заявить о том, что же сегодня приемлемо на театре военных действий. Но в последние годы несколько оправданий по формальным признакам бросили тень сомнения на долговечность этих заявлений. Предполагалось, что трибунал завершит всю работу к концу 2014 г., но взятие под стражу Младича и Хаджича означает, что дело подойдет к финалу лишь в 2016–2017 гг.

Наибольшее внимание привлек вывод трибунала о том, что некоторые зверства военного времени являлись геноцидом. В 1948 г. на «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него» резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 260 геноциду было дано определение как «действиям, совершаемым с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Однако до трибунала по военным преступлениям в Югославии ни одну страну не обвиняли в нарушении Конвенции. Международный трибунал признал Сербию невиновной в непосредственном участии в геноциде, тем не менее она стала первой страной, подвергшейся критике за нарушение международных законов

и неспособность предотвратить геноцид 1995 г. в Сребренице. Трибунал предъявил обвинения по Конвенции о геноциде 161 подсудимому и признал 69 из них виновными в совершении геноцида или менее тяжких военных преступлений. Однако самый высокопоставленный подсудимый, Слободан Милошевич, избежал правосудия: в 2006 г. он был обнаружен в камере мертвым. Предполагалось, что он покончил с собой, но конкретная причина смерти так и не была установлена. Чем бы ни была его гибель – самоубийством, внезапной смертью из-за болезни или убийством, – она лишила мир возможности вынести вердикт в ходе редкого явления – судебного процесса над главой государства, обвиняемым в кровавых преступлениях, совершенных при его правлении.

Пока трибунал занимался своим делом, Сербия и другие бывшие республики Югославии восстанавливали серьезно пострадавшие экономики. В 2003 г. Сербия и Черногория отказались от притязаний на роль прежней Югославии и назвались просто «Сербией» и «Черногорией» – по условиям трехлетнего соглашения, которое завершилось проведением референдума по вопросу независимости Черногории. В 2006 г. черногорцы с незначительным перевесом голосов проголосовали за независимость, завершив тем самым распад Югославии, начавшийся в 1991 г. и затянувшийся на 15 кровопролитных лет. К тому времени, по оценкам международных гуманитарных организаций, войны уже успели унести жизни более чем 140 тыс. человек.

Несомненно, что львиная доля вины за распад Югославии лежит на Сербии. Возможно, во многом это объясняется воинственностью Слободана Милошевича, и в докладе ООН 1994 г. говорилось, что Сербия скорее пытается создать Великую Сербию, нежели возродить Югославию. Трибунал по военным преступлениям также отмечал, что большинство погибших в конфликтах стали жертвами сербской агрессии, и, по некоторым сведениям, сербы, выступавшие за сдерживание сербского национализма, подвергались нападкам и гонениям, их даже убивали. Но справедливо ли клеймить одних лишь сербов, хотя статистика во всех четырех войнах указывает на них как на главных виновников? Национализм Хорватии тоже всегда носил «эксклюзивный» характер: известно множество историй о том, как мусульманские общины в Боснии распаляли себя до исступления. И если в Боснии мусульмане и хорваты действительно страдали от рук сербских националистов, то во время гражданской войны 1941–1945 гг. именно сербы столкнулись с жестокостью хорватских фашистов – усташей и,

пусть в меньшей степени, боснийских мусульман. Это многое объясняет, но не оправдывает трагические события. Было бы неправильно уделять в этой книге вопросу вины сербов слишком много внимания, но справедливым будет отметить, что представления о югославских войнах, согласно которым все сводится к агрессии сербов, а хорваты, боснийцы и другие выступают в роли невинных жертв, выглядят предельно упрощенными.

Важно также помнить, что в прежней Югославии многие не имели никакого отношения к межнациональным «разборкам». Знаменательно, что марш, проведенный в Сараево в марте 1992 г., объединил боснийцев, сербов и хорватов, выступавших против межэтнических конфликтов, однако он был прерван, когда с сербских позиций прозвучали выстрелы, а первым погибшим в Сараево стал студент, участвовавший в этом марше мира. Но голоса в защиту мира редко бывают услышаны.

Легко усмотреть в гражданских войнах в Югославии 1990-х гг. итог десятилетиями нараставшей межэтнической розни, но самого по себе этого объяснения недостаточно. Этнические и религиозные различия между большинством народов, составлявших Югославию, если и существовали, то в гораздо менее выраженном виде, чем различия между жителями немецкоязычных регионов, образовывающих Германию с 1871 г. и по-прежнему входящих в состав страны. Столкнувшись с общей для них угрозой в 20-х и 40-х гг. XX в., югославские государства с готовностью объединились – сначала как Королевство сербов, хорватов и словенцев, затем как Югославия во главе с Тито, – создавая государство, способное противостоять внешней угрозе, и пользуясь поддержкой и Москвы, и Вашингтона. Но когда Тито не стало, а влияние Москвы начало ослабевать, исчезла и внешняя угроза, способствовавшая сплочению республик. Вероятно, сам факт их объединения на протяжении большей части периода с 1918 по 1990 г. – главным образом благодаря харизме Тито и отсутствию подробного расследования преступлений гражданской войны 1941–1945 гг. – означал, что подспудно межнациональные отношения лишь накалялись, и мало-помалу страна превратилась в пороховую бочку, только и ждущую малейшей искры.

Бесспорно, величайшей трагедией стало нагнетание сербского национализма до той степени, когда каждого, кто не принадлежал к сербской нации, причисляли к гражданам второго сорта, а этнические чистки считались (некоторыми политиками) законным способом укрепления государства. Наличие у Сербии «инклюзивной» идеологии в 50-х гг. XIX в.

и в 20-х гг. XX в., рассматривавшей хорватов, черногорцев и македонцев как младших братьев, которые могут мирно сосуществовать в одной стране с сербами, выглядят, пожалуй, слишком упрощенным объяснением истоков сербского национализма. Согласно документу 1844 г. под названием «Начертанье», который служил проектом создания суверенного государства Великая Сербия, в ее состав должны были входить также Черногория, Босния, Герцеговина и север Албании. Кое-кто убежден, что сербские националисты усмотрели в королевстве 1918 г. нужную им модель. Однако то, что сербы с умеренным успехом сотрудничали с пятью другими югославскими республиками вплоть до 1990 г., а также близость сербского языка и культуры к языку и культуре многих соседей, указывает, что укоренившаяся позиция «мы и они» по отношению к национальной принадлежности в настоящее время нецелесообразна. Есть надежда, что подача Сербией заявки для вступления в Европейский союз означает возврат к «инклюзивности», пусть даже только потому, что от него зависит экономическое благополучие Сербии.

Итак, Сербия вступила в XXI в. вновь как суверенное государство, но уже поставленное перед необходимостью предпринимать огромные усилия, чтобы реабилитироваться. То, с чем Германия, Италия и Япония столкнулись после Второй мировой войны, ЮАР – после апартеида, а Аргентина – после жестокого правления военной хунты, Сербия столкнулась после своего кровавого выхода из Югославии. Если бы в таких условиях нам понадобилось набросать портрет идеального посланника, способного представлять молодое сербское государство на мировой арене, то, скорее всего, это был бы пылкий серб смешанной этнической принадлежности, плоть от плоти своего народа, но также обладающий высоким интеллектом и тонким восприятием, чтобы понять известное недоверие к его соплеменникам со стороны международного сообщества, все еще не оправившегося от потрясения, вызванного сценами ужасов сербских войн на своих телевизионных экранах в 1990-х гг.

Сербии повезло: в ней нашелся именно такой человек.

Глава пятая
Закаленные бомбардировками НАТО

Поколениям людей, не знающих тягот войны, непросто понять рассказы переживших ее. Европейцам, родившимся после 1945 г., приходилось выслушивать истории своих родителей и дедов, вспоминающих, как они справлялись со страхом и лишениями в годы двух мировых войн, как повсюду вокруг гибли люди, какой мучительной была неизвестность для тех, кто понятия не имел, кто погибнет следующим. Подсознательный предостерегающий посыл этих рассказов звучит так: «вы даже не представляете себе, как вам повезло».

От Роджера Федерера, Рафаэля Надаля, Энди Маррея и многих других современников Новака Джоковича отличает то, что он знает, что такое война. Ему было 11 лет, когда самолеты НАТО начали бомбить Белград, его двенадцатый день рождения прошел в сопровождении одной из таких бомбардировок. Он не бросил играть в теннис, хотя ему чуть ли не каждый день приходилось тренироваться на разных кортах. Война стоила ему 76 ночей, проведенных в подвале во время бомбежек, лишила его сна, заставила испытать свою долю того страха, который ощущало население целого города, и особенно те люди, с которыми Новак и его младшие братья прятались в одном подвале. Джоковичу еще предстоит наскучить своим будущим детям и внукам рассказами о том, как он пережил войну.

Когда начались бомбардировки, вся семья как раз находилась в Белграде после зимнего сезона в Копаонике. Почти все свое время Джоковичи проводили в двухкомнатной квартире деда Влады, но не потому, что в ней было больше места, а потому, что под домом имелся подвал, куда вся семья спешила всякий раз, когда слышался вой сирен.

В конце 2011 г. Джокович пригласил съемочную группу американской телекомпании CBS вместе с ним и дедом Владой побывать в подвале, где они провели столько ночей во время бомбардировок, а в первые две недели так вообще каждую ночь. Даже сегодня этот темный подвал – одни бетонные стены. Современные войны требуют, чтобы сразу же после сигнала сирены люди стремглав неслись в бомбоубежище – времени на сборы, как и во время Второй мировой войны, просто нет, а количество тех, кто может набиться в это замкнутое пространство, ограничено. Во время съемок в подвале выяснилось, что Джокович сохранил детскую способность

излагать только факты, не позволяя взрослому сознанию примешивать к воспоминаниям свои нынешние чувства. Он говорил именно о том, что происходило в то время. Если к его словам и примешивались эмоции, то, скорее всего, это была радость школьника, которому удалось отвертеться от уроков.

Репортер CBS Боб Саймон спрашивал Джоковича, не ощущал ли он растерянности. «Ощущал первые пару недель, – ответил тот. – Из-за бомбардировок первые два с половиной месяца мы вскакивали часа в два – три ночи. Но эти дни я стараюсь вспоминать очень светло и позитивно. Нас не гоняли в школу, я больше играл в теннис. Это закалило нас, пробудило в нас жажду успеха».

Его тренер Елена Генчич, которая в свое время пережила германские и британские бомбардировки и надеялась больше никогда не услышать вой сирен, старалась продолжать теннисное образование подопечного, несмотря на хаос вокруг. Генчич была видной фигурой в сербском мире тенниса, она могла прийти на любой корт и получить разрешение играть на нем, поэтому она беспрестанно искала безопасные корты. «Однажды утром я позвонила Новаку, – вспоминает она, – и сказала, что напротив одних кортов есть военный госпиталь. Я объяснила, что госпиталь, скорее всего, бомбить не будут, тем более что вокруг уже все разбомбили. Каждую ночь для бомбардировки выбирали новый объект, так что после того, как по какому-нибудь месту отбомбились, тренироваться там можно было без опасений. Как-то я ошиблась в расчетах: разбомбили то место, где мы тренировались накануне. Мы постоянно меняли клубы. Однажды мы даже подумывали отправиться на тренировку в клуб на другом берегу Дуная, но не решились: мост могли разбомбить, и тогда мы не смогли бы вернуться. Всем нам было очень страшно, еды почти не оставалось, мы голодали, и Новак часто тренировался, даже не поев как следует».

У Аны Иванович, ровесницы Джоковича, посещавшей пиццерию его родителей в Копаонике с четырех лет (ее отец и дядя Джоковича Горан вместе учились в школе), сохранились похожие воспоминания: «Это было очень трудное время не только для нас, детей, но и для всей страны. Девяностые вообще были тяжелыми, экономика на нуле, и я помню, бомбардировки начались 24 марта, в день рождения моей двоюродной сестры, так что она страшно расстроилась, потому что никакого праздника не получилось – всем пришлось бежать в бомбоубежище. Первые несколько недель мы не тренировались, поскольку не знали, чего ожидать, поэтому сидели дома, но позже, когда умолкали сирены и опасность исчезала, начинали

понемногу тренироваться. Чаще всего по утрам, с шести до восьми или с семи до девяти. Мы старались вести обычную жизнь, конечно, как могли. Помню, ближе к концу бомбардировок для игроков младше 12 лет организовали турнир и даже ввели правило: если во время игры вдруг завыли сирены, матчи надо закончить, но новых уже не начинать! Во время моих матчей сирены не выли ни разу, вернее, только один раз, когда я смотрела чужую игру».

Иванович рассказывает, как они с Джоковичем умудрялись даже развлекаться на турнирах. «Мы оба помним множество забавных моментов, – говорит она. – Мы участвовали в разных турнирах в Сербии – для детей до 10, до 12 лет. Часто играли в прятки. В день играешь два – три матча, а потом делать тебе совершенно нечего, вот и ищешь, чем развлечься». Джокович и Иванович никогда не считались парой, но были явно привязаны друг к другу. Многие, кто знал их, полагали, что Джокович частенько пляшет под дуду своей подруги, впрочем, ровно в той степени, чтобы не осложнить отношений с невестой – Еленой Ристич. Возможно, общее прошлое в Копаонике и пережитые бомбардировки скрепили их чем-то вроде товарищеских уз, не вписывающихся в рамки привычных дружеских, сексуальных или еще каких-нибудь общепринятых отношений.

Сербский тренер и капитан сборной Кубка Дэвиса Богдан Обрадович вспоминает, что, когда бомбили, помимо раннего утра безопаснее всего тренироваться в обеденное время. Он говорит, что занимался тренировками в основном с полудня до двух часов дня, «потому что в это время ничего не происходило». На самом деле время почти не имело значения – в сущности, они постоянно приспосабливались и старались тренироваться так, чтобы держаться вне досягаемости для авиации, находящейся в распоряжении войск НАТО.

У читателей после таких рассказов может сложиться впечатление, что весь Белград усеян теннисными клубами. Но это не соответствует действительности. Кортов было несколько, и многие из них настоятельно требовали ремонта. Теннис никогда не играл значимой роли в спортивной жизни Югославии, а в тот период сербская экономика пребывала в особенно прискорбном состоянии. Зачастую под корт приходилось приспосабливать любую подходящую площадку. Самый яркий пример – корт в клубе «Еданешти Април» (клуб «11 апреля»), где играли Иванович и Янко Типсаревич. В клубе имелся олимпийский плавательный бассейн, но содержать его было слишком дорого, особенно когда желающих поплавать не находилось. Поэтому из бассейна спустили воду, расстелили

по дну покрытие и разметили корт для одиночной игры – для парной просто не хватило места. Сейчас это снова бассейн, а в школе Типсаревича есть настоящие корты. Но этот пример свидетельствует о том, что в 1990-х гг. начинающим сербским теннисистам было буквально негде тренироваться.

В своем редком интервью газете Guardian в январе 2008 г. Дияна Джокович рассказывала, что именно теннисные тренировки Джоковича помогли всей семье пережить бомбардировки НАТО. «Вся наша семья во время бомбардировок находилась здесь, в Белграде, и мы проводили на кортах целые дни. Это и спасло нас. Корты были не более и не менее безопасными, чем любое другое место на улице, но если все время сидеть в подвале и думать, что твой дом разбомбят, можно просто свихнуться. Нет в этом ничего хорошего. Мы тренировались целыми днями, а в семь часов возвращались домой и сидели за зашторенными окнами – все было закрыто и темно, как тому и положено».

Ана Иванович эхом повторяет это почти философское отношение к опасности:

«В первую ночь мы спустились под землю, а потом мои родители сказали: „Знаете, что? Если бомба попадет, так тому и быть“. И мы начали оставаться в доме. Наш дом был двухэтажным, мы просто уходили в дальнюю комнату, там мы в основном и жили. Однажды мы попали под бомбы, некоторые люди говорили, будто они знали, где должны бомбить в тот день, что якобы им известны цели, но мы никогда ничего такого не знали. Несколько раз мы слышали ужасно громкие взрывы – не самое приятное ощущение. Для меня важны были не пропущенные уроки, а то, что все мы вместе. С детства мне не нравилось засыпать одной, поэтому, когда во время бомбардировок все мы спали в одной комнате, я чувствовала себя, как в раю: и родители рядом, и мой брат. У нас часто бывали бабушки с дедушками и другие родственники и знакомые, мы часто собирались вместе, так что мне не приходилось сидеть одной, и это было замечательно. Запомнился один очень страшный момент. Раньше мы жили напротив большого здания почтамта, и однажды к нам пришли и сказали, что сегодня ночью его наверняка будут бомбить. Было уже десять вечера, мы готовились ложиться спать, и мои родители сказали: „Ладно, поедем к бабушке и дедушке“, они жили в десяти минутах от нас. Мы сели в машину, двинулись и по дороге проехали мимо очень высокого здания метрах в пятистах от бабушкиного дома по прямой. И буквально через пятнадцать минут после нашего приезда вдруг раздался страшный взрыв – разбомбили то самое

высокое здание, мимо которого мы только что проезжали! Вот это было страшнее всего. Когда ты еще ребенок, родители стараются оберегать тебя. Помню, однажды я сидела в гостиной и услышала, как самолет преодолел звуковой барьер, шум был громким, как от взрыва. Я воскликнула, обращаясь к папе: „Господи, что это было?“, а он ответил: „Пустяки, грузовик провалился в люк на улице“. Так они и стараются защитить тебя, и только потом понимаешь, как на самом деле все было страшно».

Джокович говорит о том времени как о «периоде, который в моей стране не любит вспоминать никто», но все же продолжает: «Это на редкость яркие воспоминания из моего детства, сформировавшие мой характер. То было время, когда моя страна оказалась разрушенной и беспомощной; три месяца никто не знал, что же будет дальше, и спрятаться, в сущности, было негде. Погибло много ни в чем не повинных людей, понесла серьезный ущерб инфраструктура, руины остаются до сих пор… И стране нужно время, чтобы восстановиться после таких колоссальных разрушений. Сначала мы прятались в подвале, думая, что там мы в безопасности, но на самом деле, когда бомбы попадали в дома, люди гибли даже в подвалах. Так что прятаться было бессмысленно. И вот после первых нескольких недель паники и неверия наша жизнь вернулась в привычную колею, хотя бомбы и продолжали падать. Сначала наша семья держалась вместе, а потом каждый из нас возвратился к своим обязанностям. Родители уехали работать в Копаоник, а я вернулся тренироваться на корт».

Как и двоюродная сестра Иванович, Новак так и не смог толком отпраздновать свой двенадцатый день рождения 22 мая 1999 г. «Я отметил его на корте, как все другие дни рождения, – с улыбкой вспоминает он, – только в тот раз над головой летали не бомбы, а фейерверки».

Во время Открытого чемпионата США 2013 г. Джокович позволил себе решительно высказаться о том, должны ли США поддерживать авианалеты на Сирию, правительство которой подозревали в применении химического оружия против граждан страны. Яростная реакция Джоковича проистекает непосредственно из уроков, усвоенных им во время бомбардировок Белграда. Но во время самих бомбежек, когда одиннадцатилетний мальчишка играл в теннис днем и надеялся ускользнуть от бомб ночью, – понимал ли он, почему так происходит? Об этом Джокович высказывается однозначно. «Когда что-то случается, особенно плохое, каждый в первую очередь спрашивает: за что они наказывают меня, нас? Я задавался этим вопросом и нашел очень простой ответ: потому

что они могут себе это позволить. В этом и заключалась истина. Теперь я уже взрослый и всегда могу дать вам прямой ответ: нет весомых оправданий для какого бы то ни было акта насилия, результат которого – гибель множества людей. Чем можно оправдать тот факт, что погибли дети, распались семьи, были разрушены города, люди остались калеками? Хороших войн не бывает, и слава Богу, что в настоящее время многие выступают против них».

Сильно сказано. Его слова «потому что они могут себе это позволить» словно обнажают принципы внешней политики развитых стран. Об этом Джокович не говорил, но его заявление можно расценить следующим образом: в мире масса несправедливости самого разного рода, в нем с избытком хватает деспотов и диктатур, и тем не менее государства по обе стороны Атлантического океана выбирают, на какую страну напасть, а какую оставить в покое, по соображениям практической осуществимости и экономической выгоды. Этот крик души гражданина развивающейся страны вызывает значительный резонанс независимо от того, согласны мы с ним или нет.

Бомбардировки явно осложняли положение, но и без того 1990-е гг. не были благоприятным периодом для многообещающих сербских теннисистов. Из-за войны сначала 1991–1995 гг., затем 1998–1999 гг. и вдобавок экономических санкций сербская экономика не внушала надежд на скорое восстановление, а поскольку экономическая политика государственного контроля, существовавшая при Слободане Милошевиче, по-прежнему действовала, иностранные компании не имели ни желания, ни возможности осуществлять инвестиции в экономику этой страны. Все это означало, что финансировать карьеру профессионального теннисиста было очень трудно. Душан Вемич родился в 1976 г. В профессиональный спорт он пришел в 16 лет, в самый разгар войны, и был вынужден заниматься поисками необходимой спонсорской и прочей помощи. Он рассказывает:

«У компаний не было денег на спонсорство, нам требовались визы в каждую страну – иногда мы целое утро стояли в очереди за визой и не знали, получим ее или нет. Мы пропустили один или два европейских чемпионата только потому, что они проводились в Швейцарии, а мы не смогли своевременно получить визу. Федерация окончательно обеднела, так что нам приходилось многое делать самим. К счастью, в Сербии и поблизости проводились несколько отборочных турниров, и мы смогли участвовать в некоторых из них. Мы отчаянно сражались, добывая средства к существованию, и были благодарны за любую

помощь, какую получали, но ее оказывалось немного. В Сербии не было знаменитых теннисистов, кроме Бобо [Живоиновича], а он в то время занимался бизнесом и мало что мог сделать для нас. Тренерская работа проводилась в недостаточном объеме, нам не хватало физической подготовки – не знаю, повлияло бы это сильно на наши результаты, но правильные тренерские указания нам бы не помешали».

У Вемича есть причины благодарить теннис за то, что тот вытащил его из Белграда во время бомбардировок, – за день до их начала он уехал в США играть серию турниров Challenger. Однако душевного покоя это ему не принесло. «По прибытии я увидел по телевизору горящий Белград. Положительными эти ощущения не назовешь. Я пытался дозвониться в Белград родителям, но не мог этого сделать в течение нескольких дней. Такого никому не пожелаешь – не знать, что происходит на родине с твоими близкими. Каким-то образом мне удалось с помощью спорта совершить побег от реальности, но в целом это был неприятный опыт, хоть он и мобилизовал меня. Вероятно, я просто оказался удачливее многих друзей, оставшихся дома».

Вот в таких условиях Срджану Джоковичу приходилось искать деньги для занятий Новака теннисом. Много спортсменов и артистов высшего уровня вышли из небогатой среды, но, как правило, для них деньги находились. А у Джоковича источник финансирования отсутствовал.

Оценивать финансовые возможности, которыми располагала семья, можно по-разному. Джоковичам принадлежало два ресторана, где дела шли неплохо, и одного этого хватало, чтобы слова «мальчик из небогатой среды» вызывали сомнения. Ради объективности следует заметить, что Срджан никогда и не утверждал, что его семья бедна; он говорил, что им всегда хватало на жизнь, но мало что оставалось для дополнительных затрат вроде занятий их чада с тренером и поездок на турниры. И действительно, со стороны Срджана как главы семьи с тремя детьми было бы безответственно пожертвовать всем ради потенциальной карьеры только одного из сыновей. Вдобавок Срджану приходилось проявлять терпение и остерегаться подросткового «выгорания». Путь к вершинам тенниса изобилует историями детей, родители которых считали их умение играть в теннис ключом к неслыханному богатству, но многие такие дети столкнулись с указанным синдромом, в том числе потому, что не справились с ролью «дойной коровы» для всей семьи.

Так что когда Срджан рассказывает о приставленных к его горлу ножах и сделках с ростовщиками, требующими грабительские проценты, ему трудно не поверить.

Невольно возникает вопрос: может быть, отцу стоило пренебречь желанием двух других сыновей, Марко и Джордже, заниматься теннисом? Ведь денежные вливания даже в одного Новака оказались для семьи почти непосильными. В одном из редких телеинтервью Срджан сказал про своих второго и третьего сыновей: «Я пытался переубедить их, но безуспешно. Старший брат для них – безусловный кумир. Им даже не нужно ни на кого больше смотреть. Я убежден, что ребята станут хорошими теннисистами. Насколько хорошими, не знаю, но они стараются изо всех сил и хотят быть такими как Новак». Елена Генчич подтверждала его слова, замечая, что «Джордже был очень хорош, но Срджан говорил мне, что ему не нужны в доме два и тем более три профессиональных теннисиста – хватит и Новака. Он не мешал мне заниматься с Марко и Джордже, но просил не делать из них лучших. Я отвечала, что, вероятно, все равно уже поздно». Деян Петрович, который в течение 10 месяцев тренировал Джоковича в 2004–2005 гг., считает, что «Джордже наделен многими теми же качествами, что и Ноле», но не обладает полным набором достоинств старшего брата. Теннисные обозреватели в целом придерживаются мнения, что Марко вряд ли станет профессиональным игроком, а вот Джордже мог бы. Генчич, Петрович и другие никогда не считали Джордже ровней Новаку, но, с другой стороны, есть немало игроков, далеких от уровня Джоковича, которые хорошо зарабатывают теннисом.

Генчич рассказала историю, помогающую уяснить, как сам Новак относится к деньгам и той роли, которую они играют в его семье. Она вспоминала:

«Когда Новак начинал приобретать известность, его игру пришел посмотреть дед Влада, и Новак спросил, не видела ли я его. Я подсказала, где он, и когда Новак нашел деда, то попросил у него взаймы. Новак знал, что денег у Влада не много, а у самого Новака они уже были – к тому моменту он вошел в мировую двадцатку, – однако он счел необходимым попросить у деда взаймы, чтобы показать, насколько тот для него важен. Для деда возможность одолжить сумму внуку была вопросом самолюбия. Уже на следующий день Новак передал мне деньги, чтобы – как и предполагалось – вернуть деду долг. В результате все остались довольны: дед – тем, что сумел одолжить внуку некоторую сумму, Новак – тем, что провернул эту операцию. Он тонко чувствовал такие моменты».

Финансовый вопрос разрешился лишь после того, как Джоковичу исполнилось шестнадцать, и с одной из компаний в сфере менеджмента была заключена сделка, обеспечившая ему

гарантированный доход.

Когда Джокович достиг 12–14 лет, Елена Генчич начала постепенно выпускать его из-под контроля, но этот процесс был медленным и не поддающимся точной хронологии. Особенностью того времени стало появление вокруг Новака сразу нескольких тренеров, заинтересованных в таком подопечном, причем с некоторыми из них Джокович должен был общаться в одно и то же время. Большинство этих людей, как и следовало ожидать, претендовали на кусок принадлежащего Джоковичу пирога. Возможно, ситуацию усугубило то, что семья Джоковича не всегда спешила признать помощь, полученную от этих тренеров: порой люди, получив что-то, вспоминают только о том, как трудно было этого добиться им самим, забывая о том, что сделали остальные.

Генчич и другие считали, что Новаку необходимо теннисное окружение с более выраженной конкуренцией, если он хочет взойти на вершину. Генчич рассказывала:

«По утрам Новак отрабатывал технику, но я считала, что после обеда ему четыре раза в неделю необходимо играть тренировочные матчи из трех сетов. К тому моменту ему было одиннадцать или двенадцать лет, и мне не удавалось найти игроков, которые соглашались бы играть с ним. Я приглашала мальчишек на пару лет постарше, но они, проиграв первый сет, обычно заявляли: „Мне еще уроки делать“ или уходили под каким-нибудь другим предлогом, потому что не хотели проигрывать младшему. И я разрешила Новаку играть с теннисистами намного старше его, с рейтингами, и вначале все шло хорошо, потому что никто не отказывался сыграть с малышом, старшие игроки не возражали. Но потом Новак начал обыгрывать и старших. И я сказала Срджану и Дияне: „Надо отправить его туда, где у него будут спарринг-партнеры“».

Самым очевидным местом была Америка, но Генчич убеждала родителей не отправлять Джоковича туда. Она заметила, что мальчик очень привязан к семье, что он из тех, кто не сможет подолгу жить вдали от матери и братьев, и что рядом с родными он чувствует себя в большей безопасности. В то время лидером Европы в области теннисных тренировок стала Испания, главным образом потому, что почти на всей территории этой страны можно большую часть года играть на открытом воздухе, вдобавок школа Санчес-Касаль в Барселоне приобрела мировую известность (позднее Энди Маррей провел там два года). Но хотелось найти что-нибудь еще ближе к дому.

Генчич предложила Ники Пилича, скандального югославского левшу, который в 1973 г. отказался играть в матче

Кубка Дэвиса, поскольку уже был заявлен на турнире профессионалов, произвел фурор – в итоге 81 профессиональный теннисист в том году бойкотировал «Уимблдон». Пилич был всего тремя годами моложе Генчич, вдвоем они выступали в турнирах профессионалов. Позднее он переехал в Германию и основал в Мюнхене школу для учеников старше 13 лет, планирующих перейти из юниорского тенниса в профессиональный спорт.

«И я позвонила ему, – вспоминает Генчич, – и сказала: „Нико, у меня есть отличный ученик. Ему двенадцать. Можно отправить его к тебе?“ Он ответил: „О, нет, Елена, ты же знаешь, я с такими малышами не работаю“. „Ну, пожалуйста, всего одну неделю, только одну. Посмотри на него, а если не захочешь, он вернется ко мне, а ты дашь пару советов, как мне ему помочь. Только помни, пожалуйста, что денег у них нет. Но он окупит все твои расходы, потому что я уверена: когда-нибудь он будет лучшим“. Он вздохнул: „Ох, Елена, Елена… ладно, присылай“».

Через неделю после того, как Джокович приехал в школу Пилича, тот позвонил Генчич: «Елена, почему же ты не прислала его ко мне раньше?» По словам Генчич, она ответила: «Нико, если бы я прислала его раньше, ты сказал бы: „Я нашел и натренировал великого чемпиона!“, а мне этого не хотелось».

Версия Пилича несколько отличается – впрочем, это неудивительно. Он рассказывает так:

«Она [Генчич] несколько раз спрашивала меня, можно ли ему приехать, но я советовал подождать еще немного. Так что Новак прибыл ко мне лишь в возрасте 12 лет и 10 месяцев в сопровождении дяди Горана. Поначалу я был о нем невысокого мнения. Я заметил, что у него что-то не ладится с игрой. Ракетку он держал неправильно: у него была слишком утрированная западная хватка, и хватка для бэкхенда тоже. Двигался он нормально, с координацией тоже было все в порядке, как и с подачей, но ничего выдающегося, да еще редко играл с лета. Мне пришлось объяснять, какие я хочу видеть удары справа и слева, и для парня с такой координацией, прекрасной моторикой, отличными глазами и ногами он схватывал все очень быстро. Еще мы играли в футбол, и у него здорово получалось».

Из этого рассказа напрашивается вывод, что тренировки Генчич оставляли желать лучшего и что Джокович к моменту прибытия в Мюнхен был талантом, точнее, алмазом, которому требовалась тщательная огранка. В целом это толкование выглядит, может быть, верно, но не совсем справедливо. Методика обучения детей в возрасте 5–12 лет слегка отличается от той, которую применяют в условиях подростковых скачков роста. Вдобавок Пилич признает, что при первом знакомстве он,

само собой, держался настороженно: «На меня мало кому удается произвести впечатление с самого начала, – говорит он. – Тысячи людей отлично играют в теннис, но мало чего добиваются, потому что у них нет характера, нет психологической устойчивости, мотивации и воли к победе. В действительности победа – итог множества слагаемых. Но думаю, [Джокович] никого бы не впечатлил, потому что техники у него не было». А может, это свойство присуще всем экспертам, убежденным, что их первоочередная задача – исправить результаты трудов предыдущего тренера?

Но по прошествии четырех месяцев даже Пилич, которого трудно впечатлить, понял, что ему достался особенный ученик. Жена Пилича Мия родом из Сербии, она часто втягивала Новака в разговоры, особенно во время первых встреч, когда Новак жил у Пиличей (отдельное жилье ему досталось только после того, как он был принят в школу). И во время этих бесед, и на теннисном корте Пилич заметил «поразительную сосредоточенность» ученика. Он рассказывает: «Новак вел себя очень профессионально и всегда заранее являлся на тренировки. Помню, мы договорились с ним встретиться в два, а без двадцати два моя жена, встретив Джоковича, спросила, куда он идет. Он ответил, что разминаться. Она похвалила его: „Молодец!“ и в ответ услышала: „Я же не хочу рисковать своей карьерой!“. В то время ему было 13 лет и два месяца».

В первые два года Джокович бывал в Мюнхене наездами, прежде чем поселиться там надолго. Это значило, что частично он тренировался у Пилича, но вместе с тем продолжал тренироваться в Белграде.

Одним из его белградских тренеров был Богдан Обрадович, который работал в белградском клубе «Партизан» в перерывах между поездками с Ненадом Зимоничем. Поскольку базой Генчич был тот же «Партизан», Обрадович впервые увидел будущую суперзвезду десятилетним, в 1997 г. «Он держался так профессионально, – вспоминает Обрадович. – Ему было незачем говорить о подготовке к теннису – он являлся заранее, разогревался и бегал, как настоящий профессионал, в свои 10 лет». Обрадович поддерживал тесную связь с Пиличем, что обеспечивало некоторую целостность теннисного образования мальчика, тем более что Обрадович также признавал необходимость выправлять ему технику.

Обрадович тренировал Джоковича до его первого международного титула – выигранного личного первенства Европы в Сан-Ремо, где состязались участники младше 14 лет. Там Джокович дал интервью итальянскому теннисному журналу,

в том числе ответил на вопрос, кто его тренер. Он мог бы назвать Елену Генчич, поскольку она по-прежнему оказывала на него значительное влияние, но назвал Богдана Обрадовича, а потом гордо показал Обрадовичу статью с этим ответом.

В апреле 2000 г., когда режим Милошевича уже близился к бесславному финалу, промышленник Джордж Антели основал теннисный клуб в 500 м от футбольного стадиона Маракана и назвал его ТК Gemax. Такое же название носила компания, занимающаяся строительством дорог и сооружений, – Антели считался одним из богатейших людей Сербии. Он был увлечен теннисом, поэтому создание клуба было для него и бизнесом, и хобби. Мало того, он предложил финансовую поддержку всем участникам Кубка Дэвиса и Кубка Федерации, обеспечив их бесплатно зимними кортами, и распространил свою поддержку на всех сербских игроков, подающих надежды или способных подавать их в будущем.

Меньше чем через год после основания клуба Антели обратил внимание на трех 14-летних мальчиков, спонсором которых он был готов стать: Бранко Кушмановича, Бояна Божовича и Новака Джоковича. В том же 2001 г. уроженец Сербии Ладислав Киш, эмигрировавший в Австралию в возрасте 15 лет, вернулся на родину в качестве тренера одной из теннисисток высшего уровня – Драганы Зарич. Но поскольку она с трудом решала вопросы финансирования, так и не сумев к 24 годам пробиться в список 150 лучших, Антели спросил Киша, не хочет ли он стать тренером трех мальчишек. И в результате, что очень важно, Джоковичу был предложен контракт, по которому Киш стал его тренером. У Божовича уже имелся личный тренер (у которого неофициально тренировался и Джокович), в итоге клуб Gemax начал оплачивать работу Киша с Кушмановичем и Джоковичем.

Киш рассказывает, что во время первой тренировки Джокович подошел к нему и спросил: «Вы ведь прожили в Австралии десять лет? Я так хочу, чтобы вы общались со мной по-английски!» Когда Киш спросил, почему, ведь сербский язык родной для них обоих, Джокович объяснил: «Ну, мне же понадобится английский, когда я стану лучшим, мне придется давать разные интервью и пресс-конференции по-английски, значит, надо практиковаться уже сейчас». Даже сегодня, встречаясь с Кишем, Джокович приветствует бывшего тренера дружеским «G'Day, mate!», подражая его австралийскому акценту.

«Такой игрок – мечта любого тренера, – рассказывает Киш. – Он оказался замечательным учеником. Новака можно было даже попросить сделать что-нибудь неправильно, и он все равно делал это так хорошо, что неверное превращалось в верное – такой он

был способный. А его уверенность и вера в себя просто поражали: чего бы от него ни требовали, ему все удавалось. Новак ни на минуту не терял сосредоточенности. Однажды у него возникли проблемы с плечом, и физиотерапевт попросил его подержать палец на пупке, чтобы развернуть плечевые мышцы. Прошло десять минут, врач уже занялся его ногами, а тот все продолжал держать палец на пупке. Наконец физиотерапевт спросил, почему он не убирает палец, на что Новак ответил, мол, ему было велено положить палец, но никто не разрешил убрать его! О чем бы я ни просил Новака, он все исполнял как надо. Я воспользовался давней „тренировкой самоубийцы“, чтобы проверить, надолго ли его хватит: приносишь корзину мячей и гоняешь подопечного влево-вправо, вперед-назад, пока тот не выдохнется. Нам понадобилась помощь Срджана, чтобы собирать мячи и подкладывать их обратно в корзину, потому что Новаку всегда хватало сил больше чем на сотню мячей – и это в 14 лет! Обязанность тренера – следить, чтобы подопечный не перетрудил ноги, поскольку тогда возрастает риск травмы, но нет, этот парень мог работать без остановки. Отбив 120 мячей, он бросил ракетку и объявил: „Я выдохся“, и это было даже хорошо, потому что я уже собирался остановить его. Вот почему он сейчас способен подолгу носиться из угла в угол корта».

Джокович также заинтересовал Киша как личность: «Он был просто потрясающим, да он и сейчас такой, даже когда разрывается между тысячами людей, каждому из которых что-то нужно от него. В то время мне было 24 года, и я еще не вполне осознавал, что в моих руках – будущая первая ракетка мира. Думаю, мне выпал шанс поработать с ним, потому что я был новым лицом в Gemax, вот мне и повезло тренировать этого парня. Новак был просто подарком судьбы, наградой для любого тренера, и если уж говорить начистоту, то он играл бы ничуть не хуже, кто бы его ни тренировал».

Шесть месяцев, проведенных с Кишем, обеспечили Джоковичу тот запас прочности и стабильности, с которым он уже мог начать пробивать дорогу на международные юниорские турниры. Когда в 2002 г. их тренировки закончились, Джокович остаток зимы играл в клубе «Партизан» под надзором Богдана Обрадовича, а потом надолго переселился в Мюнхен.

Пилич отмечал у Новака ту же явную готовность учиться, которую видели Генчич и Киш. Джокович постоянно расспрашивал Пилича о теннисе, особенно о лучших игроках, с которыми Пилич работал – Борисе Беккере, Майкле Стиче, Горане Иванишевиче и других. В ноябре 2000 г. Иванишевич приехал в Мюнхен в совершенно разбитом состоянии: в том году

он проиграл 13 первых раундов и завершил турнирное расписание постыдным отказом от матча в Брайтоне после того, как в финальном сете против корейца Ли Хёнтхэк у него закончились ракетки. Пилич сообщил Иванишевичу, что у него есть парнишка, который войдет «как минимум в первую пятерку», и попросил «покидать с ним мячи пару минут». За полчаса Джокович ни разу не попал мячом в сетку. Пилич рассказывает, что Иванишевич был как завороженный, а сам Иванишевич признается, что партнер произвел на него неизгладимое впечатление. «Я перебрасывался с ним полчаса, – рассказывает он, – было сразу видно, что у него талант, что в нем есть нечто особенное, что позволяет ему быть на своем месте. Трудно было сказать, будет ли он лучшим или войдет в пятерку, десятку, в пятнадцать лучших, но его огромный потенциал был очевиден».

Обширные связи Пилича в мире тенниса сработали: на перспективного сербского мальчика приезжали посмотреть и другие известные игроки. Одним из них был Иван Любичич, хорватский игрок-интеллектуал, который работал с Пиличем, когда тот стал капитаном сборной Хорватии на Кубке Дэвиса. «Ники распознает потенциал игроков, как никто другой, – говорит Любичич, – он утверждал, что Джокович определенно будет игроком экстра-класса. Психологически Новак был готов к этому с самого начала».

Но лишь в июле 2001 г. способному ученику удалось по-настоящему впечатлить Пилича. Всего через два месяца после своего четырнадцатилетия Джокович завоевал титул чемпиона Европы среди юниоров до 14 лет в одиночном и парном разрядах. Только тогда у Пилича впервые появилось ощущение, что паренек, которого прислала к нему Генчич, способен стать лучшим в мире. «Я видел, что Новак уже играет на высочайшем уровне – ему надо улучшить подачу и чаще выходить к сетке, но на задней линии он очень силен. Я часто играл с ним сам, знал, какая у него хорошая реакция, как он следит за мячом, как реагирует на укороченные удары – все это было видно. Новак был прекрасно обучаем, трудолюбив и четко представлял себе, чего он хочет добиться. Ему был присущ профессионализм во всех отношениях».

Джокович провел в школе Пилича почти четыре года: два года наездами, еще два с постоянным пребыванием. Генчич утверждала, что Новаку вредно подолгу жить вдали от семьи, поэтому он часто возвращался в Белград, хотя это и напрягало семейный бюджет. «Когда Новак приезжал в Белград, – рассказывала Генчич, – мы тренировались в „Партизане“ или он

играл несколько матчей в Gemax, а потом, через три – четыре дня, я спрашивала, в состоянии ли он вернуться в Белград, и он обычно отвечал утвердительно». Приезды в Белград позволяли Джоковичу поддерживать связи со своими школьными товарищами, со многими из которых он дружит и теперь, что позволяет ему периодически спасаться бегством от мира тенниса.

Когда он только-только входил в подростковый возраст, одним из ближайших товарищей Джоковича по теннису был Боян Божович. «Мы стали лучшими друзьями, потому что все время проводили вместе», – говорит Божович в своем доме в Цюрихе, где сейчас руководит теннисной школой. Он продолжает регулярно поддерживать связь с Джоковичем. Эти двое были не только друзьями, но и партнерами в парной игре, и завоевали европейское золото в категории до 14 до 16 лет. Каким был Джокович в раннем подростковом возрасте? Божович рассказывает:

«Я видел, что он мечтает только об одном – стать лучшим из лучших, и ради этой цели жертвует всем. Он не хотел довольствоваться ничем, кроме как быть первым. Видно было, что у него на уме только теннис. Новак поставил перед собой единственную цель, и все, что он делал, было направлено на ее достижение. Помню, когда он выиграл первенство Европы в одиночном разряде, нам дали 10 дней отдыха, но он все равно ложился спать полдесятого или в десять. Все шли гулять или за мороженым, а Новак устраивал себе отбой не позднее десяти, потому что не хотел выбиваться из ритма. В 14 лет он тренировался по шесть часов в день. У него больше ни на что не оставалось времени, хотя он любил и футбол, и лыжи. С тех пор он почти не изменился, остался прежним. Харизма была у Новака всегда, но мне не важно, что он чемпион, – он мой друг, и я всецело доверяю ему».

Ненад Зимонич сыграл в развитии тенниса в Сербии более важную роль, чем принято считать. В наши дни Зимонича, похожего на ученого, с седоватой бородкой, обычно воспринимают как ветерана парной игры, но в некотором смысле он остается негласным отцом «золотого века» сербского тенниса. Примерно в то же время он стал играть роль в истории Джоковича.

Родившийся в 1976 г., Зимонич вошел в список 200 лучших теннисистов мира в одиночном разряде к концу 1998 г., а пару месяцев спустя пробился в сотню лучших теннисистов в парном разряде. В 1999 г. он играл в третьем раунде одиночных соревнований в Уимблдоне. В условиях нехватки талантливых

сербских спортсменов в эпоху, наступившую после распада страны, Зимонич один оставался лучом света. Обладая огромной, хотя и не бросающейся в глаза уверенностью в себе, он тем не менее не ставил перед собой цель блистать в мире тенниса. Однако он стал чемпионом Югославии среди молодежи до 16 и 18 лет в одиночном, парном и смешанном разрядах. Зимонич был ведущим теннисистом Сербии в 1990-х гг. и вместе с Душаном Вемичем и Деяном Петровичем составлял единственную сербскую тройку спортсменов, регулярно участвовавших в мировых турнирах профессионалов. Когда в спортклубе «11 апреля» заброшенный плавательный бассейн застелили ковром и превратили в теннисный корт, Зимонич играл показательный матч на официальном его открытии. Благодаря этому корту Ана Иванович и Янко Типсаревич смогли продолжить тренировки во время бомбардировок Белграда, а также усвоить навыки игры на кортах с твердым покрытием, поскольку почти все белградские корты того времени были грунтовыми.

Вопрос о том, как далеко мог бы пойти Зимонич, если бы не дипломатические препятствия на его пути, остается открытым. В некотором смысле его вклад в судьбу Джоковича объясняется тем, чему он научился сам, перенеся лишения конца 1990-х гг. Зимонич рассказывает:

«Когда началась война, мне пришлось тренироваться в других странах. Находясь в США, я видел, что сообщают о Сербии в средствах массовой информации. Все журналисты говорили о сербах, как о настоящих злодеях, а когда я звонил домой родителям, то слышал те же истории, но совершенно в другой интерпретации. Посмотришь CNN, не имея представления о Сербии, и невольно подумаешь: „Да что они за люди, эти сербы?“ Во-первых, мы потеряли возможность участвовать в турнирах и совершать поездки – на границе чиновники смотрели на нас, как на террористов. А потом начались бомбежки 1999 г., под которыми оказались наши близкие – вот это оказалось действительно тяжело. Иногда я находился в Белграде, иногда – за пределами страны, в этом не было ничего хорошего. Люди переживали по-настоящему трудные времена. Мне кажется, я многому научился на собственном опыте – сделал массу ошибок, почти не располагал поддержкой, зато многое узнал и понял. И мне захотелось передать свои знания, свой опыт, чтобы другим не пришлось тратить столько времени, как мне, на то, чтобы понять будни профессионального тенниса».

Зимонич узнал о многообещающем юном теннисисте Новаке Джоковиче еще до того, как тот стал одерживать первые победы.

«Отец мальчика Срджан часто обращался ко мне, – добавляет Зимонич. – Он спрашивал, какого я мнения о возможной учебе Ноле в школе Пилича. Я сказал, что, по-моему, это отличная мысль. Пилич сам был выдающимся теннисистом, он вырастил многих спортсменов. У нас в Сербии нет тренеров высокого уровня, так что эта поездка пойдет Новаку только на пользу. И на самом деле, все наши хорошие игроки тренировались за пределами Сербии».

Примерно в 2000 г. Зимонич понял, что подрастает поколение выдающихся сербских теннисистов. В начале 2001 г. у Сербии были два лучших в мире юниора – Елена Янкович и Янко Типсаревич, на Джоковича уже обращали внимание, как и на Деяна Катича, который в декабре 2000 г. завоевал чемпионский титул среди спортсменов младше 12 лет на турнире Orange Bowl. Были и другие перспективные юниоры – Илья Бозоляц, Виктор Троицки и Ана Иванович, родившиеся в 1985–1987 гг., а также Борис Пашански, к тому времени уже участвовавший в турнирах серии Futures. «Наверное, не все они смогут оправдать надежды, но если это удастся хотя бы пятерым, это будет начало золотого века», – рассуждал Зимонич.

В 2001 г. Зимонич, к тому времени входивший в лучшую двадцатку игроков в парном разряде, пригласил Джоковича на тренировку в клуб Gemax. Он вспоминает:

«Мы тренировали упражнение „двое на одного“, и мне запомнилось, что, несмотря на свои 14 лет, он вообще не ошибался, если не наносил удар в движении или на бегу. Уже тогда он был стабильным. Он был потрясающ. Я понимал, что он станет хорошим игроком, но понятия не имел, что настолько хорошим, таким сильным психологически, и что сделает такую блестящую карьеру. Некоторое время Новак тренировался с Ладиславом Кишем, затем в „Партизане“ с Марко Нешичем, потом с Богданом Обрадовичем, так что он сменил несколько тренеров. Физподготовку у него вел тот же тренер, что и у меня, Зоран Гребович, у нас был и общий физиотерапевт. Джокович и его тренеры наблюдали за мной, профессионалом высокого уровня, и старались перенять лучшее. На следующем этапе они хотели изучить, как тренируются лучшие теннисисты мира в одиночном разряде. С тех пор как Новаку исполнилось 15 или 16 лет, он всегда брал в поездки физиотерапевта. Джокович ездил с Милошем [Елисавчичем], который был и моим физиотерапевтом. Я взял Милоша в команду на участие в Кубке Дэвиса. Это говорит о том, насколько профессионально вел себя Новак. Он заботится обо всех мелочах, о том, чтобы избежать любых травм. Джокович делает невероятные вещи, например,

скользит по кортам с твердым покрытием, видно, какой он гибкий и какое натренированное у него тело. Поэтому травмы почти не преследуют его».

Зимонич был главной фигурой в сербском теннисе, когда Типсаревич в 15-летнем возрасте дебютировал на Кубке Дэвиса в Тунисе. Два года (в 2003 и 2004 гг.) Зимонич был игроком и капитаном сербской сборной и предоставил возможности дебюта или спарринга Джоковичу, Бозоляцу и Троицки. Высшей наградой для него в декабре 2010 г. стала победа Сербии на Кубке Дэвиса. Зимонич, которому к тому времени исполнилось 34 года, выглядел старшим и умудренным опытом в команде, состоявшей из 23-летнего Джоковича, 24-летнего Троицки и 26-летнего Типсаревича. Несомненно, некоторые воспринимали Зимонича просто как старшего брата, задача которого – держать в узде «зеленую» молодежь. И если Джокович был несомненным лидером команды, а Троицки выиграл победное очко, то Зимонич много сделал для того, чтобы заложить фундамент будущих величайших теннисных достижений своей родины.

Если Зимонич дал Джоковичу первый шанс на Кубке Дэвиса, то Пилич предоставил ему первую возможность участвовать в турнирах. Пилич гордился своим званием главного тренера теннисной ассоциации Германии DTB. Это означало, что он не только возглавлял организацию, в которую входило около 11 500 тренеров, но и имел право выдавать разрешения wild cards на участие в основной сетке турниров, проводившихся на территории Германии. Организуя турнир Futures в Обершлайссхайме (пригороде Мюнхена, где находилась его школа) в первую неделю января 2003 г., Пилич выдал такое разрешение Джоковичу. Это дало Новаку возможность сыграть свой первый матч в рамках профессионального турнира. Тогда он проиграл немцу Алексу Радулеску со счетом 7–5, 7–6, но для 15-летнего подростка это было неплохое начало.

Пилич также пользовался влиянием за пределами Германии и обратился за разрешением для Джоковича участвовать в четырех турнирах уровня Futures, проводимых в Белграде в июне и в июле. В конце июня, когда сливки теннисного общества собрались в Уимблдоне, а Роджер Федерер готовился завоевать свой первый титул Большого шлема, Джокович выиграл у Сесара Феррер-Виктория со счетом 6–4, 7–5 в финале турнира в белградском клубе «Црвена Звезда». Это был первый профессиональный титул Джоковича, и все, кто помогал ему, были очень горды тем, что этот титул завоеван на сербской земле.

По сравнению с нынешними юниорами молодой Джокович играл не в таком уж большом количестве международных

турниров. Первым из них был турнир под названием Les Petits As («Маленькие асы») для спортсменов не старше 14 лет во французском городе Тарб в феврале 2001 г. Там Джоковичу пришлось играть против шотландского паренька Эндрю Маррея, который был всего на неделю старше Новака. Маррей выиграл 6–0, 7–6. Сейчас, отвечая на вопрос о том, что он помнит о том матче, Джокович говорит: «Кудрявые волосы Энди и то, что меня разгромили». Вопрос, считается ли разгромом проигрыш второго сета на тайбрейке, остается спорным, но Джокович именно так и считал. Несмотря на это поражение, он завершил 2001 г. на второй строчке в рейтинге тура Tennis Europe Junior Tour в категории до 14 лет, опередив Маррея на одно место.

Джокович сыграл только три юниорских турнира Большого шлема, и хотя в конце 2002 г. он ездил во Флориду на три турнира, включая Orange Bowl, чаще всего он состязался в Европе, преимущественно в Сербии и Германии, по практическим и финансовым соображениям. Он понял, что значит представлять свою страну в командных турнирах, когда привел к победе Сербию и Черногорию на европейском юниорском первенстве на открытых кортах Сора del Sol. В 2003 г. он участвовал в юниорском Кубке Дэвиса в Германии. Джокович выиграл все свои пять матчей, и «Югославия» (на самом деле Сербия и Черногория) финишировала пятой.

Тремя юниорскими турнирами Большого шлема для Джоковича стали Открытые чемпионаты Франции и США в 2003 г. и Австралии в 2004 г. Он дошел до третьего круга в Париже, проиграл в первом круге в Нью-Йорке и вышел в полуфинал в Мельбурне. Сейчас, по прошествии десятилетия, любопытно посмотреть, кто одержал победу над будущей первой ракеткой мира: его соперником в Париже был Даниэль Химено-Травер, в Нью-Йорке – Роберт Смиц, в Мельбурне – Жослен Уанна. Кроме того, Джокович проиграл Гаэлю Монфису в третьем круге разминочного состязания в Мельбурне. Химено-Травер, Смиц и Уанна сегодня продолжают свои скромные – с отдельными взлетами – карьеры, но никто из них даже не приблизился к достижениям Джоковича. Это весьма полезный урок: попадание в список самых перспективных юниоров мира еще не гарантирует присутствие в мировых рейтингах в будущем.

В те выходные, когда Джокович вышел в полуфинал в Мельбурне, Сербия завоевала свой первый титул Большого шлема в основной сетке под именем «Сербия» (хотя, строго говоря, она по-прежнему оставалась Сербией и Черногорией, двумя последними югославскими республиками – сокращение YUG заменили на SCG в 2003 г., в отличие от современного SRB

только для одной Сербии; любые попытки остановить выбор на S&M отклонялись). Ненад Зимонич вместе с российской теннисисткой Еленой Бовиной одержал в финале победу в смешанном парном разряде над защищавшими чемпионский титул Леандером Паесом и 47-летней Мартиной Навратиловой со счетом 6–1, 7–6. На финал Зимонич пригласил в свою ложу 16-летнего Джоковича, и это приглашение выглядело естественно для игрока, предлагающего младшему товарищу разделить его радость. Они отпраздновали победу в мельбурнском ночном клубе, среди гостей был Марат Сафин, кумир Джоковича. Через год они вновь встретились в Мельбурне, но уже на Арене Рода Лейвера, в матче, который имел огромное значение для них обоих.

22 мая 2004 г. Джоковичу исполнилось 17 лет. Он занимал 515-ю строчку мирового рейтинга. Он только что выиграл подряд два турнира Futures и Challenger в Венгрии, мог рассчитывать перепрыгнуть 177 строк и всего через пару дней оказаться в рейтинге на 338-м месте. Впечатляющие результаты, но как же предсказание Генчич о том, что к семнадцатилетию он войдет в первую пятерку? «Может, я и ошиблась, – ничуть не смущаясь, отвечала Елена, – но у Новака было два очень важных года, когда ему следовало бы участвовать в международных юниорских состязаниях в Европе и Америке, а денег, чтобы отправить его туда, не было, вот он и пропустил их. Речь идет о том времени, когда Новаку было 14 или 15 лет. Так что да, Джокович припозднился на год, но я по-прежнему убеждена, что он станет лучшим. Я объяснила Новаку и его родным: „Не волнуйтесь, наберитесь терпения, он будет первым“». (На самом деле, вопреки предсказанию Генчич, он припозднился на три года: Джокович вошел в первую пятерку лишь 30 апреля 2007 г. Однако это был период сдвига, означавшего, что теперь игроки высшего уровня достигают расцвета позднее, чем одно-два десятилетия назад.)

В спортивной карьере Джоковича одна из самых знаменательных вех обозначилась за полгода до его семнадцатилетия.

За годы поиска средств для теннисной карьеры сына Срджан добился кое-каких успехов, и Новак, как мы видим, более чем оправдывал вложенные в него средства. Особенно плодотворной оказалась встреча с Амитом Наором. Израильтянин Наор пытался преуспеть в качестве независимого агента в области менеджмента и представительства игроков – непростая работа на рынке, где долгие годы доминировали три крупные силы: IMG, Advantage International (ныне Octagon) и ProServ (ранее SFx, сейчас Blue Entertainment). Наор уже работал с Иваном Любичичем,

предусмотрительным хорватом, звезда которого зажглась в 2003–2004 гг., после нескольких лет стабильных, но не слишком ярких результатов. И вот теперь Наору не терпелось подыскать кого-нибудь из теннисистов нового поколения.

Договор, который Наор заключил вместе со своим деловым партнером Аллоном Хакшуряном и немецким тренером, по совместительству агентом Дирком Хордоффом, положил конец финансовым трудностям семьи Джоковичей. Переговоры носили непростой характер, поскольку Срджан наотрез отказывался учить английский, и беседу в престижном отеле пришлось переводить Богдану Обрадовичу. Но важна суть, а она состояла в том, что Джокович и его родные не должны больше думать о поиске средств к существованию. Сообщалось, что сумма сделки составила 250 тыс. евро в год, но подтвердить это было невозможно. Подтверждения этому так и не были получены, а к таким цифрам следует относиться с определенным сомнением, поскольку они чаще всего оказываются выдумками средств массовой информации, которые отталкиваются от максимальных сумм в случае достижения определенных результатов. Но какой бы ни была точная цифра, с того момента уже не вызывало сомнений, что Джоковичи отныне принадлежат к числу успешных семей.

В сущности, эта сделка должна была состояться на пять лет раньше, именно тогда, когда Джоковичи остро нуждались в деньгах, – в конце 2003 г. Новак уже начинал зарабатывать приличные призовые суммы. Однако эта сделка усилила ощущение, что дела идут в гору. К примеру, Джокович получил wild card на участие в турнире ATP в Бангкоке в сентябре 2004 г. – в состязании, которое проходило под директорством Хакшуряна.

В 2008 г. Наор и Хакшурян заключили соглашение с голливудским агентством по работе с талантами CAA, в результате чего в то же агентство попал Джокович. Оно было заинтересовано в том, чтобы избавиться от засилья IMG/Octagon/SFx, а Наор и Хакшурян понимали, что в составе крупной структуры у них больше шансов добиться успеха, нежели опираясь лишь на собственные силы. Джокович работал с CAA до конца 2012 г., затем перешел в IMG, но первый крупный контракт ему помогли заключить Наор, Хакшурян и Хордофф.

В конце концов, в то время никто не мог гарантировать, что Новак и впредь будет покорять вершину за вершиной. В карьере Джоковича был период, когда существовала опасность, что он просто поплывет по течению. Это было непосредственно перед его семнадцатилетием и сразу после. Новак ушел из школы Пилича и работал с рядом тренеров в Сербии, но лишь в сентябре

2004 г. у него появился первый турнирный тренер.

Деян Петрович – австралиец сербского происхождения, который родился и вырос в Аделаиде, достиг 116-го места в парном рейтинге, но так и не вошел в список первых 150 игроков в одиночном разряде. Предпочитая выступать за Сербию, а не за Австралию, он отыграл в составе ее сборной три Кубка Дэвиса, воспользовавшись относительной нехваткой сербских игроков в период после распада Югославии. Можно сказать, что он был «крупноватой рыбой в мелковатом пруду».

Впервые Петрович встретился с Джоковичем в белградском клубе Gemax, когда Новаку было 14 лет и его тренировал Ладислав Киш, с которым Петрович в Австралии играл в паре. В клубе Gemax также находился Милош Елисавчич, физиотерапевт, работавший с сербской сборной Кубка Дэвиса и позднее сопровождавший в поездках Джоковича и Виктора Троицки. Елисавчич хорошо знал Петровича и предложил ему «прийти посмотреть на того паренька и высказать свое мнение». Петрович говорит: «Меня поразило, что его желание побеждать, его уверенность в себе были просто невероятны. В первый раз мы работали вместе, когда он выиграл в турнире Futures в белградской „Црвене Звезде“. Для его возраста это был феноменальный успех. Никогда не встречал человека с такой страстью к победам. Вне корта он любил шутить, но на корте полностью сосредотачивался. И всегда был готов учиться – он лучший ученик, какие мне попадались, лучший во всех отношениях».

Петрович продолжал участвовать в турнирах, надеясь продвинуться выше в рейтингах одиночек и пар, поэтому его встречи с Джоковичем были нерегулярными. Они тренировались вместе в клубе «Партизан», а в 16 лет Джокович отправился в Аделаиду за неделю до юниорских турниров в Австралии, которые должны были завершиться Открытым чемпионатом Австралии среди юниоров в одиночном разряде. «Мы очень много играли, – вспоминает Петрович. – Джокович вышел в полуфинал австралийского Открытого первенства среди юниоров, а позже в том же году вернулся в Белград примерно за неделю до турниров Futures и Challenger в Венгрии. Новак выиграл и тот и другой, и Срджан продолжал названивать мне с просьбами поработать с Новаком. В то время я еще был профессиональным теннисистом и участвовал в Кубке Дэвиса за сборную Сербии, поэтому сначала отказался».

Но у Петровича имелись планы на длительную перспективу. Он намеревался осесть в Сербии и открыть школу тенниса. В свои 26 лет Деян уже имел пару травм, но старался улучшить свой

одиночный результат – 157-е место, при этом он был одним из самых высокорейтинговых сербских теннисистов со времен Слободана Живоиновича. Несмотря на то, что теннису в Сербии недоставало популярности, Деян считал, что статус серба, участвовавшего в четырех турнирах Большого шлема, способен обеспечить ему успех. Но внезапно ситуация изменилась: быть может, для него наилучшим решением было бы оставить карьеру игрока и вложить все силы в тренерскую работу с молодым спортсменом, способным стать олицетворением сербского тенниса? Хорошо, такая возможность представилась на несколько лет раньше, чем известный теннисист мог предположить, – ну и что? Вот перед ним 17-летний игрок, который, по мнению многих, будет «следующей сербской знаменитостью». А что, если Новак дойдет до самых вершин, – разве можно придумать лучшую рекламу его будущей школы тенниса?

И Петрович отказался от продолжения собственной карьеры, чтобы стать первым турнирным тренером Джоковича. «Я заключил с Срджаном соглашение на три года и контракт на год, – рассказывает он. – Я прекрасно осознавал, что делаю это ради Новака и буду безмерно счастлив, если когда-нибудь увижу его на большой арене, но вместе с тем понимал: ради популярности тенниса в Сербии нам просто необходима суперзвезда. В первый раз Срджан обратился ко мне в мае [2004 г.], и я не то чтобы колебался, но мне понадобилось примерно три месяца, чтобы официально принять его предложение. Я вырос в Аделаиде, в детстве был знаком с Ллейтоном Хьюиттом – он жил в 500 метрах от меня и был младше, а я – местным заводилой, и в Новаке я видел нечто гораздо большее, чем когда-то в Ллейтоне».

За десять месяцев, которые Деян Петрович и Джокович проработали вместе, в жизни Новака наметились серьезные изменения к лучшему. Выражаясь языком цифр, он поднялся с 272-го места в сентябре 2004 г. на 94-е в июле 2005 г. И, что еще важнее, Петрович помогал Джоковичу одолеть зачастую кремнистый путь от турниров Futures (низший уровень профессиональных состязаний, хотя и с очень высоким уровнем игры) сначала до турниров Challengers (средний уровень для игроков, занимающих в рейтинге места с 60-го по 250-е) и до основных соревнований профессионального тура ATP, в том числе и Большого шлема. Петрович сам проделал такой путь в качестве игрока, и был одним из немногих сербов, реально знающих, что это такое.

Прогресс Джоковича в первые же четыре месяца был существенным. Он обыграл бывшего второго призера Открытого

чемпионата Австралии Арно Клемана в трех сетах в Бухаресте, одержав свою первую победу в профессиональном туре – лучшие дни Клемана остались позади, но он по-прежнему занимал 67-ю строчку в рейтинге (Джокович – 272-ю). Уэсли Муди разгромил Джоковича со счетом 6–1, 6–1 в первом раунде квалификационных состязаний следующего турнира – чемпионата Швейцарии на крытых кортах в Базеле, но месяц спустя Джокович прошел квалификацию на турнир Challenger в Ахене и выиграл его. Да, Джокович не победил никого из известных игроков того времени (правда, обыграл Станисласа Вавринку в первом раунде, но Вавринке было всего девятнадцать), однако он выиграл восемь матчей чуть больше чем за неделю и отдал лишь два сета. И, что еще важнее, к концу того же года Новак прорвался в первые 200 строчек мирового рейтинга. Вдобавок Петрович воспользовался своим все еще неплохим рейтингом в парном разряде, чтобы вместе с Джоковичем принять участие в состязаниях пар на турнире Challenger в Хельсинки – пара «ученик – учитель» добралась до полуфинала.

Марк Вудфорд, легенда парного разряда, позднее работавший с Джоковичем, рассказал примечательную историю, относящуюся к январю 2005 г. «Я был одним из директоров турнира на Открытом чемпионате Южной Австралии, – вспоминает он, имея в виду январские престижные состязания в его родном городе Аделаиде. – Новак тогда работал с Деяном. Я хорошо знал Деяна Петровича, и помню, как он пришел в офис и сказал: „Слушай, Марк, со мной здесь в Аделаиде парнишка, которого я тренирую. Ты уже видел его?“ Он назвал имя своего подопечного, но мне оно ничего не говорило. Деян спросил, не дам ли я ему wild card на участие в матчах основной сетки. Я ответил: „Слушай, я не могу дать wild card иностранцу“, потому что моей задачей было с помощью таких разрешений развивать интерес к теннису у местной публики и помогать молодым австралийским талантам. Но Петрович настаивал: „А как насчет квалификации?“ Я ответил: „Не могу, потому что работаю на теннисную ассоциацию Австралии, проводящую этот турнир. Ты же знаешь, как мало возможностей у наших игроков“. Но он не отступал: „Этого парня ждет успех“. Как директор турнира я слышал уйму подобных заявлений, поэтому откликнулся: „Да? Вот и отлично“. Деян продолжал: „Нет, ты не понимаешь: он на самом деле хорош“. И я сдался: „Ладно. Извини, но с основной сеткой ничего не получится. А что касается квалификации, то если никто не появится из-за того, что как раз сейчас проходят другие турниры, тогда может быть, но пока ничего не обещаю“. Потом

Петрович спросил меня, как бы ему раздобыть для Новака wild card на участие в других турнирах. Я сказал, что он правильно сделал, придя ко мне и спросив напрямик, ведь мало кто отважится открыто и смело заявлять о будущих успехах своих подопечных. Я посоветовал ему позвонить Колину Стабсу (бывшему директору Открытого чемпионата Австралии, который отвечал за показательный турнир перед чемпионатом в мельбурнском клубе Куйонг) и директорам других турниров, потому что если им прямо не сказать, что ему нужно разрешение, то они сами об этом не догадаются… Но Деян продолжал упорствовать: „Марко, я надеялся, что мне поможешь ты – ведь у тебя есть связи в Аделаиде“. Ноле ждал нас за углом, Деян познакомил меня с ним, я пожал ему руку. Так я впервые познакомился с Джоковичем, и слова Деяна всплыли у меня в памяти, когда два года спустя Новак обратился ко мне с просьбой поработать с ним».

Настойчивость Петровича оказалась не напрасной. Джокович получил wild card на участие в квалификационном турнире в Аделаиде, и хотя проиграл Брайану Бейкеру в двух сетах, однако этот опыт пригодился ему для следующего квалификационного турнира – Открытого чемпионата Австралии. Обыграв Франческо Пиккари и Станисласа Вавринку, он дошел до финального круга квалификации, где встретился с Уэсли Муди, южноафриканцем, который разгромил его в Базеле всего 10 недель назад. На этот раз Джокович был во всеоружии и, выиграв в решающем сете со счетом 6–4, впервые попал в основную сетку турнира Большого шлема.

И тут он обнаружил, что ему предстоит выступить против того самого человека, вместе с которым в присутствии Ненада Зимонича он праздновал победу годом ранее, – своего кумира Марата Сафина. Легко списать Сафина со счетов как беспечное дитя теннисных турниров, каким он был на протяжении большей части своей карьеры. Но с приближением своего 27-го дня рождения Сафин начинал понимать: если он хочет добавить новый титул к своему единственному (на Открытом чемпионате США в 2000 г.) перед тем, как забросит ракетку в угол и уйдет в политику, ему необходимо действовать. В 2004 г. он объединился с бывшим тренером Роджера Федерера Петером Лундгреном и чуть не обыграл Федерера в полуфинале теннисного Кубка Masters в Хьюстоне, проиграв с памятным счетом 20–18 на тайбрейке. Поэтому он был полон решимости добиться успеха на Открытом чемпионате Австралии 2005 г. Джокович немного напоминал ежика, очутившегося на пути надвигающейся боевой колесницы. Новак выиграл всего три

гейма, но оказался в положении звезды на Арене Рода Лейвера на первой ночной сессии юбилейного Открытого чемпионата Австралии. Матч обещал стать судьбоносным для обоих противников: Джокович впервые участвовал в матчах основной сетки турнира Большого шлема, а Сафин сделал первый шаг к своему первому и единственному титулу чемпиона Открытого первенства Австралии.

В теннисе принято говорить – и подтверждение тому можно встретить во многих сферах жизни, – что из поражений извлекаешь больше уроков, чем из побед. Джокович пережил гораздо более болезненное поражение двумя месяцами позже. Впервые выступая в Евроафриканской зоне 1 на Кубке Дэвиса, опытный игрок и капитан сборной Сербии Ненад Зимонич заявил, что он не справится с двумя своими обязанностями, поэтому остался играть в паре и был заменен Петровичем на посту капитана сербской сборной. Первый матч сборной завершился легкой победой над Зимбабве со счетом 5–0 в Нови-Саде, но в апреле в Белграде состоялся матч, от которого зависело, выйдет ли Сербия в плей-офф в Мировой группе 2006 г. Бельгийцы были гостями, Джокович в первый же день проиграл Оливье Рохусу, занимающему 33-ю строчку рейтинга, и этого проигрыша не следовало стыдиться. Но когда Янко Типсаревич отыграл два сета и вырвал победу у Рохуса в пяти сетах, что обеспечило команде счет 2–2 в матче, Джокович, уже достигший 142-го места в рейтинге, встретился в пятом, решающем поединке с бельгийцем Кристофом Влигеном, находящимся на 38 мест в рейтинге выше. Влиген выиграл в четырех сетах, ни на минуту не утратив спокойствия, и Сербия еще на год осталась во втором дивизионе командных соревнований (как потом выяснилось, еще на два года).

Несмотря на майскую победу в турнире Challenger в Сан-Ремо (там же, где он добился триумфа на европейском первенстве юниоров), рейтинг Джоковича был еще недостаточно высок для автоматического попадания в основную сетку Открытого чемпионата Франции и «Уимблдона» (рейтинг игрока должен быть не ниже 104-го, чтобы гарантировать ему попадание в основную сетку Большого шлема, но, как правило, 110-го места вполне достаточно, ввиду травм у высокорейтинговых игроков). Поэтому Джоковичу пришлось участвовать в квалификационном турнире. В Париже квалификация проводилась на той же неделе, когда Джоковичу исполнялось 18 лет, 22 мая 2005 г. Как и в Открытом чемпионате Австралии, он легко прошел три круга.

Зная, что его день рождения совпадает с квалификацией

Открытого чемпионата Франции, Джокович перенес дату своей вечеринки, которая состоялась в белградском клубе Calling. Вечеринка была шумной и многолюдной – свидетельство того, что деловое сообщество Сербии понемногу начинало оценивать потенциал Джоковича. Новак получил от спонсора автомобиль, хотя его пришлось вернуть спустя два месяца, а один из ведущих киноактеров Сербии, Сергей Трифунович, спел в подарок песню о победе Джоковича над Роджером Федерером и Рафаэлем Надалем – в ней говорилось, что придет время, когда Новак обыграет и этих двоих.

Но ни на Открытом чемпионате Франции 2005 г., ни в Уимблдоне этого не случилось. На турнире «Ролан Гаррос» Робби Джинепри стал первым, кто проиграл Джоковичу в основной сетке Большого шлема. Во втором круге, в матче против финалиста предыдущего года Гильермо Кориа, Джокович снялся при счете 1–1.

В Уимблдоне в квалификации Джокович обыграл Брайана Бейкера, Джимми Ванга и Уэсли Муди, потом выиграл у Хуана Монако и Гильермо Гарсия-Лопеса (проигрывая последнему два сета по ходу матча) и в третьем круге потерпел поражение в поединке с Себастьяном Грожаном.

Бесспорно, Джокович в возрасте 18–20 лет добился бы бóльших успехов, если бы остался с Петровичем. Новак говорит о себе, Петровиче и физиотерапевте Милоше Елисавчиче как о «золотой команде». Но поскольку в конце января 2008 г. Джокович уже выиграл турнир Большого шлема, а в 2011 г. стал первой ракеткой мира, трудно утверждать наверняка, что решение расстаться было ошибочным. Да, у него наметился застой, особенно в продвижении по рейтингам во время последующих восьми месяцев работы с Риккардо Пьятти и Иваном Любичичем, но теперь, по прошествии времени, становится ясно, что у итальянского тренера и хорватского теннисиста он учился тому, что помогло ему в дальней перспективе.

Петровича ничуть не смущает краткость его работы с Джоковичем.

«Десять месяцев – это много, – говорит он. – у нас сложились прекрасные отношения, Новак был мне как сын. Да, было замечательно участвовать в Кубке Дэвиса и очень больно отказываться от собственной карьеры игрока, но я плодотворно проработал с Новаком десять месяцев и ни о чем не жалею. Джокович ценит это, и это для меня важнее всего – я не нуждаюсь в денежных вознаграждениях, я рад тому, что смог побыть кусочком мозаики в критический период его теннисной карьеры

и помог Новаку быстро попасть в первую сотню рейтинга. Такие игроки, как Беккер, Федерер, Надаль и Джокович, – они одни на миллионы, они как бы с другой планеты, поэтому я счастлив, что смог поработать с одним из них».

Так было ли время, проведенное с Петровичем, последней главой детства Джоковича или же первой главой в его профессиональной карьере? Трудно сказать, и в конечном счете это не так уж и важно. На пути Джоковича к спортивной вершине было много препятствий, и Петрович определенно перевел его через очень важный и сложный участок пути. Однако можно согласиться с той точкой зрения, что Джокович, если бы он остался с мягким и добродушным Петровичем, не смог бы добиться более высоких результатов и что в конечном итоге Новаку нужна была более сильная и сплоченная команда. Участвуя в квалификации Открытого чемпионата Австралии, выиграв квалификацию и пройдя круг на Открытом чемпионате Франции, а также квалификацию и два круга в Уимблдоне, Джокович подготовил площадку для прорывного старта своей карьеры, который и начался в ближайший год.

Глава шестая
Отцы и сыновья

Для периода становления Джоковича с 2001 по 2010 г. (с 14 до 23 лет) характерна одна постоянно возобновляющаяся тема, или, возможно, незаживающая рана, поскольку она привносит в историю Джоковича неприглядный элемент, но без этого его биография не будет полной и правдивой. Эта тема – роль, которую играл его отец Срджан. В таких вопросах трудно сохранять скрупулезную беспристрастность, но в конечном итоге все становится ясно из контекста. Здесь присутствуют все элементы бурного «русского литературного романа» – гордыня, преданность семье, ненависть и жажда мести.

Срджан Джокович неизменно исходил из интересов старшего сына, но ему было бы гораздо проще, если б у сына обнаружились способности к футболу или лыжному спорту, потому что о теннисе Срджан ничего не знал, и в некотором смысле он растерялся. Но услышав, что его Новак не просто очень способный теннисист, но и потенциальный чемпион мира, Срджан поставил перед собой задачу сделать все возможное, чтобы профинансировать восхождение Новака на вершину славы, и преуспел в этом. Но жестокие уроки, которые ему пришлось усвоить на пути к цели, сделали жестким и резким его самого. Отпечаток этой резкости не мог не лечь и на действия тех, кто «строил» карьеру будущей суперзвезды. Будь Срджан доброжелательнее, относись к людям помягче, как это свойственно его старшему сыну, вероятно, его путь к заветной цели дался бы ему легче. Но сочетание равнодушного, а порой и враждебного окружения с неуверенностью Срджана в самом себе приводило к тому, что на ранних этапах истории Новака Джоковича его отец выглядел «злодеем второго плана», а иногда и первого.

Немало людей своими глазами видели буйный нрав Срджана. Кое-кто из очевидцев соглашаются говорить о нем охотнее других. Многие уверяют, что отец Новака был прав, по крайней мере, в большинстве случаев, но выбирал для этого неверные методы. Все высказывают скорее сожаление, чем гнев. Никто не пытается навесить лишнего на неуравновешенного отца любимца Сербии, и многие даже готовы признать железную целеустремленность старшего Джоковича отвагой. Как образно выразилась одна из жертв взрывного темперамента Срджана, «ради сына он совал голову туда, куда большинство людей

не отваживаются ступить и ногой».

Слово в защиту главы семьи будет произнесено позже, а пока стоит изложить несколько эпизодов, в результате которых Срджан Джокович приобрел столь неоднозначную репутацию.

Одним из первых с импульсивностью Срджана столкнулся Ладислав Киш – тренер Джоковича в белградском клубе Gemax. Согласно договоренности, финансирование тренировок взял на себя основатель и владелец Gemax, промышленник Джордж Антели. В чем именно заключалась договоренность, неизвестно, так как соглашение было конфиденциальным, но, видимо, условия были щедрыми по любым меркам, особенно по меркам нестабильной экономики Сербии всего через два года после бомбардировок НАТО. Предположительно, в условия входило трехразовое питание Джоковича в ресторане клуба, массаж, вся тренерская работа плюс поездки на турниры вместе с Кишем и одним из родителей в качестве сопровождающего – все это оплачивалось. Киш подписал контракт на тренерскую работу с Джоковичем и с еще одним перспективным юниором того же возраста – Бранко Кушмановичем. Киш вспоминает:

«Меня просто заездили. Утром я проводил на корте два часа с Новаком, затем два часа с Бранко, днем – опять два часа с Новаком и два часа с Бранко. Я уже ощущал сильную усталость – мальчишки умели играть, это ведь вам совсем не то, что стоять и бросать мячи из корзины целыми днями. И я попросил изменить дневное расписание с таким расчетом, чтобы Новак мог тренироваться вместе с Бранко. Новак играл лучше, но это не означало, что Бранко не мог тренироваться с ним. Их матчи всегда были упорными, хотя Новак и выигрывал в среднем в пяти случаях из шести. В итоге расписание изменили, чтобы три раза в неделю сводить их вместе на два часа днем. Но Срджану это не понравилось: он заявил, что его сын не будет играть с мальчиком слабее него. Я ответил, что такой порядок одобрили все и что гораздо лучше, если на всех тренировках я буду свежим. Но он только швырнул мне в лицо бумагу с соглашением. Если вдуматься, это же абсурд! А с кем тогда Новаку тренироваться теперь, когда он вторая ракетка мира, – с Рафой? Ничего подобного, для тренировок вовсе не обязателен партнер, который играет так же хорошо. Бранко подходил в качестве партнера Новаку, и сам Новак был не против, но Срджан не желал, чтобы его сын тренировался с более слабыми игроками. Сам Новак права голоса не имел».

По словам Киша, потом Срджан пришел к Антели и просил разрешить Елене Генчич сопровождать команду Джоковича в следующей поездке. Антели ответил, что об этом не может быть

и речи: он платит немалые деньги за одного тренера, Киша, и за одного сопровождающего родителя, и не собирается оплачивать работу еще одного тренера, тем более того, который тренировал Новака, когда тот был моложе 12 лет. Киш утверждает, что Срджан стоял на своем, и тогда Антели отделался от него – видимо, распорядился не пускать в Gemax никого из семьи Джоковичей, кроме Новака. «В тот день Новак уходил домой в слезах, – говорит Киш, – потому что мы действительно прекрасно сработались. Но на этом нашему сотрудничеству пришел конец».

Примерно в то же время еще одной жертвой характера Срджана стал Воин Величкович – теннисный обозреватель сербской национальной ежедневной спортивной газеты «Спортски журнал» (аналог французского ежедневного издания L'Equipe). В 2001 г. Величкович побывал на юниорском турнире специально из-за двух перспективных сербских юношей – Деяна Катича и Новака Джоковича. В предыдущем декабре Катич выиграл турнир Orange Bowl в категории до 12 лет (Orange Bowl – самый престижный юниорский турнир помимо четырех юниорских состязаний Большого шлема, кульминация юниорского спортивного года), поэтому на том этапе он опережал Джоковича. «Поскольку Катич выиграл Orange Bowl, а Новак не выиграл ничего, я вынес Катича в заголовок, – рассказывает Величкович. – Увидев это, Срджан позвонил мне. Он был в ярости, так как считал, что его сын должен быть первым во всем. Он страшно негодовал – вот так мы с ним познакомились». Отметим, что Катич так и не обрел настоящей славы: пробился в рейтинг 600 лучших теннисистов мира, но не сумел отличиться за пределами турниров серии Futures.

Нечто подобное произошло на Открытом чемпионате Австралии в 2004 г. среди юниоров. Джокович хорошо сыграл, дойдя до полуфинала в мужском одиночном разряде, но в миксте победил Ненад Зимонич в паре с российской теннисисткой Еленой Бовиной. «Да, это был всего лишь микст, – вспоминает Величкович, – зато первый титул Большого шлема у представителей этого поколения, а Новак всего лишь дошел до полуфинала в мужском одиночном разряде, поэтому мы без колебаний поставили на обложку Зимонича. Зато на первую страницу решили поместить их обоих. Тут же редактору нашего издания позвонил Срджан. Он рвал и метал, потому что его сына поставили на один уровень с тем, кто победил в смешанном разряде. „Да что это вообще такое, этот микст?“ – повторял он. Старшего Джоковича вечно что-то не устраивало».

Еще одним представителем сербской прессы, имевшим дело

с 12-летним Джоковичем, был Небойса Вискович. Постоянный комментатор финансируемой государством национальной телевизионной службы RTS, Вискович видел потенциал Джоковича и стремился оказать ему всемерную поддержку. Однажды он попытался воспользоваться своей работой в правительственном проекте, чтобы получить для Джоковича кредит в размере 100 тыс. долларов. Из этого ничего не вышло, написанное Висковичем письмо осталось без ответа, тем не менее он попробовал. Кроме того, он брал среднего брата Джоковича, Марко, с собой в Женеву, когда работал на RTS. Вискович рассказывает:

«Я работал над тележурналом и подготовил ряд материалов о Новаке. Мне казалось, что он способен стать выдающимся игроком, паренек занимал хорошую позицию в юниорских рейтингах, и я верил в него. Эксперты, с которыми я беседовал, говорили: „В нем есть что-то особенное, у него огромный потенциал“. В Сербии турниры не проводились, и Новаку приходилось много путешествовать по Европе, поэтому мне редко представлялся случай увидеть, как он играет. Но все, чье мнение хоть что-нибудь да значило, отзывались о нем только хорошо. Игроков высокого класса у нас не появлялось со времен Бобо Живоиновича, поэтому мне казалось, что будет полезно на будущее познакомиться с Новаком, пока он еще юниор. Новак сказал мне, что считает меня хорошим специалистом и ценит мое мнение, и это мне было приятно. Полагаю, он видел меня по телевизору».

Вискович считал, что состоит в дружеских отношениях с обоими родителями Джоковича, но вскоре он узнал: стоит только Срджану уловить малейшую критику в адрес своего сына, тот, от кого исходит эта критика, становится persona non grata, а вся его прежняя помощь вычеркивается из памяти.

Первые явные признаки конфликта появились в сентябре 2006 г., когда сербская команда отправилась в Женеву, играть со Швейцарией плей-офф Кубка Дэвиса. За месяц до того Срджан сделал заявление сербской прессе, не самым лестным образом отозвавшись о Роджере Федерере. Тогда же Срджан сказал Висковичу, что, комментируя игру, тот должен подыграть Джоковичу. «Он хотел, чтобы я просто делал вид, будто не замечаю удачной игры противника или молчал о ней, – вспоминает Вискович. – По сути дела, он ждал от меня поведения болельщика, а у меня совсем другие представления о том, как должен вести себя комментатор. Задача комментатора – быть объективным. Разумеется, когда на корте сербский теннисист, можно слегка перейти границу, потому что я желаю ему победы,

и мои зрители тоже, но все равно надо оставаться объективным».

Отказ Висковича сменить комментаторский стиль означал, что конфликты продолжатся, и очередной вспыхнул в 2008 г., во время полуфинала турнира Hamburg Masters, когда Джокович, к тому времени уже победитель Открытого чемпионата Австралии, сошелся в поединке с Рафаэлем Надалем.

Вискович комментировал этот матч из студии RTS в Белграде. Первый сет прошел в упорной борьбе, и в конце концов Надаль выиграл 7–5. Когда Вискович отключился на время двухминутного перерыва между сетами, в комментаторскую кабину ворвался Срджан, крича охранникам: «Я отец Новака Джоковича!» Вискович вспоминает: «Он влетел и заявил, что такой сербский комментатор, как я, – это позор нации, что я помешался на Надале и все такое. Я просто попросил его уйти или сказал что-то в этом роде. Микрофон был выключен – Срджану хватило ума сообразить, что такие сцены устраивать при включенном микрофоне нельзя, – и все равно он вел себя очень агрессивно. После его ухода я обнаружил, что с трудом способен сосредоточиться, я по-настоящему разволновался, и, поскольку у меня с собой было успокоительное, принял одну таблетку».

В следующий понедельник Вискович связался с Александром Тияничем, главным редактором RTS, и попросил его прослушать запись и высказать свое отношение к случившемуся. «Я ждал защиты, – продолжает Вискович, – но не получил ее. Редактор сказал, что сам во всем разберется, а это означало, что ссориться с Срджаном он не станет».

Очевидно, Вискович считал свое положение достаточно прочным, потому что пропустил мимо ушей просьбу Тиянича ничего не сообщать представителям прессы. Журналисты услышали о вторжении Срджана в комментаторскую кабину и раздули из этого эпизода скандал. В Фейсбуке была создана группа в поддержку Небойса Висковича, за несколько дней на нее подписались 10 тыс. человек. Трудно сказать, упрочило это обстоятельство положение Висковича в RTS или нет, – Тиянича и остальных руководителей телевидения наверняка так и подмывало уволить комментатора, у которого нарастает конфликт с отцом будущей спортивной гордости всей страны. Но в медийных кругах Вискович имел репутацию хорошего человека и специалиста, и неспособность студии обеспечить ему защиту выглядела некрасиво.

Однако в конечном итоге это мало что значило. Через девять месяцев в белградском клубе «Новак» торжественно начался Открытый чемпионат Сербии. Это был низкорейтинговый турнир

АТП, возникший на волне успеха Джоковича. Срджан, игравший важную роль в организации турнира, попросил студию RTS исключить Висковича из команды комментаторов – отстранить его не просто от комментирования матчей Джоковича, но и от всякой работы. Срджан подкрепил свою просьбу угрозой передать право вещания другой телестудии, если Висковича не отстранят. Редактор RTS подчинился, после чего Вискович уволился. Вискович говорит, что RTS, вероятно, опасаясь негативной реакции прессы, предлагала в качестве компенсации повысить ему зарплату, но он отказался, заявив, что в будущем это лишь усугубит проблемы.

Безусловно, такая тактика аукнулась Срджану. Вискович подрабатывал на молодой независимой спортивной станции «Спортклуб», основанной в 2006 г. и стремящейся расширить пакет своих прав на трансляции. «Спортклуб» нанял Висковича в качестве одного из своих ведущих теннисных комментаторов.

Примечательно, что, по словам Висковича, Срджан пытался надавить и на редактора «Спортклуба» и вынудить его не давать Висковичу комментировать матчи Джоковича, но, как ни парадоксально, частная станция сумела выстоять против Срджана, чего не удалось компании, финансируемой государством. В итоге Вискович теперь комментирует больше матчей, чем во времена работы на RTS, в том числе больше матчей Джоковича. «Спортклуб» приобрел права на трансляцию 54 турниров АТП в год, в том числе всех Masters 1000 и финалов мирового тура АТП, так что с его комментариями теперь проходит почти каждый матч, сыгранный Джоковичем вне рамок четырех турниров Большого шлема. («Уимблдон» – единственный турнир Большого шлема, права на трансляцию которого есть у «Спортклуба».)

Между Срджаном и Висковичем произошла еще одна стычка. В апреле 2010 г. Сербская федерация тенниса попросила Висковича провести церемонию открытия домашнего матча Кубка Федерации между Сербией и Словацкой республикой. Когда об этом узнал Срджан, он объявил Федерации, что этого нельзя делать. Учитывая, что Федерация крайне зависела от участия Джоковича в Кубке Дэвиса (а Сербия в тот момент еще владела этим трофеем), неудивительно, что кандидатуру Висковича отклонили. Оговоренную плату он получил, но узнал, что ведущим на церемонии не будет. Эта история вновь попала в прессу, и одна газета, «Курир», поместила на первой полосе два снимка: с Висковичем в роли «хорошего парня» и Срджаном в роли «плохого». Младший Джокович явно видел это, но капитан сербской сборной на Кубке Дэвиса Богдан Обрадович, бывший

тренер Джоковича и близкий друг Висковича, подробно объяснил суть проблемы и то, что ее главным виновником является отец Новака.

С 2009–2010 гг. Срджан ведет себя так, словно Висковича не существует, и Вискович отвечает ему взаимностью. «У всех спортивных журналистов Сербии проблемы с Срджаном, а у меня – самая большая», – объясняет Вискович.

Однако Срджан ссорился не только с тренерами и представителями СМИ. В апреле 2004 г., через три месяца после того, как Джокович дошел до полуфинала Открытого чемпионата Австралии среди юношей, игрок и капитан сербской сборной на Кубке Дэвиса Ненад Зимонич выбрал 17-летнего Джоковича в качестве четвертого номера своей команды для предстоящего поединка против Латвии. Играть предстояло на быстром корте с ковровым покрытием в белградском клубе Gemax. Зимонич по-прежнему выступал в одиночном разряде и за несколько недель до того выиграл турнир уровня Challenger. Для второй одиночки у него имелся Янко Типсаревич, к тому времени вошедший в число двухсот лучших игроков мира. Кроме того, у него был Деян Петрович, входивший в рейтинг 150 лучших игроков в парном разряде. Следовательно, необходимости в Джоковиче не было, но, уже попробовав его в качестве спарринг-партнера пару раз на выходных во время Кубка Дэвиса, Зимонич отобрал его в команду, чтобы дать возможность приобрести опыт.

Джокович был твердо уверен, что ему предстоит играть, и испытал страшное разочарование оттого, что выйти на корт ему не пришлось. «Удивительно, – вспоминает Зимонич. – Он думал, что будет играть в первый же день. Помню, как он признался, что разочарован – из-за того, что так и не сыграл. Я сказал: „Слушай, шанс сыграть у тебя еще будет, но начинать надо постепенно. Напряжение на Кубке Дэвиса слишком велико, ты еще молод, у тебя впереди полно времени, но даже когда играешь матч, который ничего не решает, все равно бывает тяжело“. А он твердил: „Когда я смогу сыграть? Что я должен сделать, чтобы заслужить такой шанс?“ Трудностей он никогда не страшился. Я никогда не видел, чтобы Новак боялся кого-нибудь, кем бы тот ни был, или опасался брать на себя ответственность. Даже тогда это было поразительно». Джокович смирился с таким решением, и в конце концов ему посчастливилось дебютировать на Кубке Дэвиса в ничего не решающем матче против Яниса Скродериса, который он завершил со счетом 6–2, 6–2, и Сербия победила 5–0.

Гораздо меньше был склонен мириться с подобными решениями Срджан. «Он считал моей самой досадной ошибкой

то, что я не дал Новаку сыграть в первый день, – рассказывает Зимонич. – Он не одобрил мое решение, и с этого момента мы не разговаривали. В следующий раз мы поздоровались только через год, когда Новак пригласил меня на вечеринку по случаю своего 18-летия и его родители встречали гостей. Новак шесть или семь раз просил меня: „Пожалуйста, приходите“. В тот раз я поздоровался с Срджаном впервые после матча на Кубке Дэвиса. Как только Новаку минуло восемнадцать, иметь с ним дело стало гораздо проще, поскольку большинство вопросов я мог решать напрямую, а не через Срджана. Я отношусь к Срджану с почтением, он уважает меня, однако мы почти не общаемся».

Деян Петрович рассказывает похожую историю. Он был тренером Джоковича с конца лета 2004 г. И вплоть до окончания «Уимблдона» в 2005 г. его привлекли к работе, чтобы помочь Джоковичу пройти турниры Futures и Challenger и попасть в основную сетку турниров Большого шлема. За 10 месяцев тренировок с Петровичем Джокович переместился с 272-го на 94-е место в рейтинге и на тот момент двигался вверх быстрее всех других игроков в туре АТП.

«Никто не знает толком, почему все кончилось, и сколь-нибудь убедительного объяснения у нас нет, – говорит Петрович. – Срджан играл в той истории заметную роль, он всегда был боссом. Его заслуга колоссальна независимо от того, нравится он вам или нет. Он всегда пытался дать Ноле все, обеспечить ему самое лучшее, что он только мог, и Новак знает об этом. Срджану присуще такое же стремление побеждать, как и Ноле, но Срджан – чрезвычайно жесткий человек. Его недостаток в том, что он „сжигает за собой мосты“. Пока ты на его стороне, тебе не на что жаловаться. С ним приятно выпить пива. Если ты ему нравишься, все идет прекрасно, но если нет – значит, нет, и тут уже ничего не поделаешь. Думаю, сам он о многом сожалеет».

Петрович рассказывает, что у него была устная договоренность о работе с Джоковичем в течение трех лет и контракт на один год, однако он так и не получил никакой компенсации за то, что его работа закончилась раньше запланированного срока. Но он, похоже, не в обиде, – австралийской невозмутимости и несклонности к конфронтациям в нем больше, чем сербского уязвленного самолюбия; он рад тому, что подал Джоковичу руку помощи на пути к вершине. Хотя Петрович отказался от собственной карьеры игрока, чтобы тренировать Джоковича, его главной целью всегда было создание школы тенниса в Сербии, и теперь она у него есть – в Крагуеваце, примерно в 130 км к югу от Белграда. Присутствие Джоковича

на верхних строчках мирового рейтинга сделало школе Петровича такую рекламу, какой можно только позавидовать. Вдобавок он некоторое время тренировал очередную восходящую сербскую звезду, Николу Милоевича – следовательно, был причастен к становлению двух игроков, способных изменить к лучшему положение тенниса в Сербии.

О том, в каких выражениях Джокович-старший увольнял его, Петрович говорит лишь намеками:

«Мне не свойственно ненавидеть кого-либо, поэтому я действительно не понимаю, почему Срджан порвал со мной именно так. Это было грубо, ему не следовало обращаться с такими словами к тому, кто пожертвовал своей карьерой и буквально вложил душу в его сына. Так нельзя заканчивать отношения. Срджан уволил меня, но ему было вовсе незачем делать это таким способом. У нас в Австралии принято действовать вежливо и дипломатично, я никогда не проявляю агрессивности, поэтому до сих пор не могу его понять. Но, насколько мне известно, так он разрывает любые отношения. У Срджана непростой характер, он легко взрывается. Если бы он не был таким вспыльчивым, если бы давал себе время задуматься, он не наговорил бы всех этих слов. Но он просто взрывается и не извиняется никогда. Просить прощения не в его характере. Я знаю, что он мгновенно вступает в конфликт, стоит кому-то негативно отозваться о его сыне. Но когда кто-то хочет сделать максимум для его сына и готов отдать за него почти все… Я не понимал и до сих пор не понимаю позицию отца в этом отношении. В конце концов Новак повлиял на него, потому что Срджан портил ему репутацию».

Взрослея, Джокович действительно все чаще брал командование на себя, но делал это постепенно и исподволь. Случай с Петровичем наглядно свидетельствует, что выступать против своего отца Новак даже не пытался, пока не обрел независимости. Петрович вспоминает:

«Мы жили в одном доме во время отборочного турнира [в Уимблдоне], и когда Джокович прошел квалификацию, я сказал: „Ну вот, теперь можно отметить квалификацию пивом“. А Новак очень редко пил в таких случаях. Тогда я и объявил, что это наш с ним последний совместный турнир. Мне предстояло встретиться с Срджаном после „Ролан Гарроса“, и я уже знал, что этот „Уимблдон“ для нас последний… У нас обоих навернулись слезы, мы обнялись. Я сказал: „Давай постараемся закончить на высокой ноте“. В тот год он дошел до третьего круга, так что мы и вправду оказались на высоте. Главным оставался Срджан, поэтому Ноле не мог принимать

решения. Он знал, скольким семья пожертвовала ради него, поэтому ни за что бы не сказал: „Нет, я не хочу переключаться с Петровича на Пьятти“».

Так был ли Срджан чудовищем? Почти наверняка нет, хотя его поведение зачастую казалось окружающим действительно чудовищным.

Сам Срджан никогда не давал интервью на английском и редко дает интервью на сербском языке. Однако он согласился на интервью продолжительностью один час с сербским телеканалом B92 через два месяца после того, как в декабре 2010 г. сербская сборная выиграла Кубок Дэвиса. Недовольный руководством Джорджо Антели и Слободана Живоиновича Сербской федерацией тенниса, Срджан принял участие в «дворцовом перевороте» с целью смещения промышленника и бывшего полуфиналиста «Уимблдона». Большая часть интервью касается Федерации и этого переворота, но на последних минутах Срджан говорит о себе и о той роли, которую он сыграл во благо старшего сына:

«Я не считаю себя заносчивым. Не считаю себя неприятным в общении. Я просто говорю то, что считаю правильным и справедливым. Говорю то, что думаю. Нам как семье нечего стыдиться. Нечего стыдиться и мне как главе этой семьи. Нечего скрывать. Если меня что-то задевает, я говорю об этом, и ожидаю, что люди правильно воспримут мои слова. Можете мне поверить, простые люди в городах по всей Сербии воспринимают это не только правильно, но и с воодушевлением, потому что я честно говорю то, что думаю. Я не прячусь за вычурными заявлениями какого-нибудь маркетингового агентства. Люди знают, как трудно жилось нашей семье последние 17 лет. Мы снимали квартиру, нам приходилось брать деньги в долг, потому что их нам не хватало, хотя временами у нас и был приличный доход. Затраты на карьеру Новака превосходили наши финансовые возможности. Мы занимали деньги у ростовщиков-грабителей под 10, 12, 15 % в месяц. И старались выплатить эти ссуды, а это было чертовски тяжело. Много раз бывало, что нам не хватало денег даже на покупку хлеба насущного. Тогда мы с женой продавали золотые украшения и десять лет спали на диване в гостиной съемной квартиры. Мы не могли позволить себе новый матрас, поэтому застилали диван старыми одеялами, чтобы прикрыть пружины, впивающиеся нам в грудь и спину».

Когда Срджана спросили, стоило ли так мучиться, он ответил: «Конечно. Никакой помощи мы не видели. Ни от кого – ни от государства, ни от городских властей, ни от теннисной федерации».

Здесь требуются пояснения. В начале XXI в. Сербия оправлялась от кровопролитной гражданской войны и от потери ведущего положения в стране, где она была самым влиятельным из шести субъектов федерации. Само собой, далеко не все деловые операции, имевшие место в Сербии, были совершенно чистыми, во многом бизнес велся подпольно, и многие жители страны, преуспевавшие в то время, избегали излишне пристального внимания к своим делам. Вот в такой ситуации Срджан и был вынужден выполнять свою задачу – финансово обеспечить стартовую площадку для карьеры сына. Ему пришлось продать свой белградский ресторан, чтобы высвободить наличные и финансировать юниорские поездки Новака. В конце концов он избавился и от пиццерии в Копаонике, но лишь после длительной судебной тяжбы из-за того, что много лет пользовался помещением, не внося арендной платы. Это упоминание – вовсе не намек на допущенные нарушения, а попытка объяснить, в каких трудных экономических условиях вынужден был работать Срджан и как несправедливо было бы обвинять тех, кто стремился действовать так же, как и все вокруг.

Беда в том, что своей резкостью Срджан не только наживал врагов, но и приобретал соответствующую репутацию. Он рассказывал, как однажды обратился за деньгами к какому-то чиновнику и был вынужден уйти ни с чем. Но есть и другая версия той же истории, свидетельствующая, что Срджан пожал то, что посеял. Согласно второй версии, у чиновника, о котором идет речь, имелась привычка записывать все разговоры. Срджан пришел к нему с двумя друзьями, и на каком-то этапе беседы чиновник покинул комнату, якобы для того, чтобы выяснить что-то, а на самом деле – чтобы послушать, какие разговоры в его отсутствие поведет Срджан с друзьями. Поскольку тон Срджана по адресу чиновника сразу сменился с вежливого и доброжелательного на пренебрежительный, дальнейший разговор закончился ничем – не говоря о том, что чиновник разругался с Срджаном из-за сказанного в его отсутствие. Правда все это или нет, неизвестно, но какое это имеет значение, если большинство знавших Срджана людей готовы поверить в подлинность этой истории? Такой уж сложилась репутация Срджана.

Примечательно, что большинство людей, испытавших на себе выходки Срджана, находят им на редкость сочувственные объяснения.

Воин Величкович, мягкий, почти кроткий теннисный корреспондент «Спортски журнал», рассказывает:

«Первое, что следует сказать о Срджане, – что он отличный

отец. Он вырастил троих сыновей воспитанными и почтительными, привил им чувство патриотизма. Срджан был совершенно уверен, что Новак добьется успеха, и страшно злился, когда другие в это не верили. Он рассчитывал на помощь правительства, Федерации, кого угодно, поскольку видел, что у его сына большое будущее. Вместе с тем ему казалось, что никому нет дела до того, что Новаку суждено стать по-настоящему выдающимся спортсменом, и в результате Срджан ожесточился. Этим в основном и объяснялись его не в меру яростные вспышки. Федерация действительно ничем не помогала ему в первые годы, но у нее и не было ни денег, ни заинтересованности, ни идей. Спортивные чиновники были просто не в состоянии что-либо предпринять. Они считали большим успехом, если вдруг у них появлялись три упаковки мячей. Этого вполне хватало многим игрокам, но не таким, как Джокович, Янкович и Иванович. Поэтому я понимаю досаду Срджана и особенности его характера. Для меня он – как спортсмен, который выходит из себя во время игры, а после матча глотнет пива, и опять все в порядке. Только Срджану требуется гораздо больше времени, чтобы все опять стало в порядке».

Несмотря на имевшие место серьезные столкновения с Срджаном, Небойса Вискович придерживается подобной же оценки:

«Джоковича сотворил его отец, и никто иной. В стране не было инфраструктуры, не было денег, он не получал помощи от государства и Федерации – только от своей семьи. В этом отношении я прекрасно понимаю Срджана, но он не может справиться с собой. Он не может просто забыть обо всем и радоваться, он по-прежнему всех ненавидит – столько ненависти в нем скопилось. Люди любят Новака, потому что он истинный представитель Сербии, но на его близких эта любовь не распространяется, потому что они представляют Сербию совсем другим образом. Ненависть произрастает из тех времен, когда Срджан просил денег, но никто не соглашался ему помочь. И он говорил: „Ладно, когда-нибудь Новак станет первой ракеткой мира, вот тогда и поглядим“. А теперь Новак действительно первый, и, с точки зрения Срджана, пришел час расплаты».

Уроженец Белграда Вискович выдвигает еще одну гипотезу. «Джоковичи родом из Косово, – говорит он, – а эти места не настолько космополитичны, как Белград, чуть менее современны, и тамошним семьям свойствен сугубо патерналистский уклад. Срджан обвинял меня в том, что я

недостаточно патриотичен. Возможно, причина опять-таки в Косово. Может, жители Белграда не так страстно преданы Сербии, как жители Косово, а может, жителям Косово так только кажется».

Лейтмотив большинства рассуждений о Срджане и его поведении – его решения почти всегда правильны, но… Иван Любичич говорит: «В большинстве случаев Срджан прав, но его манера доказывать правоту и добиваться своего ошибочна. В последнее время сам он изменился, но внешне это никак не заметно».

Боян Божович был партнером Джоковича, когда в раннем подростковом возрасте эти двое завоевали титул европейских чемпионов в парном разряде среди юниоров. Божович считает, что отчасти антипатия людей к Срджану нередко объясняется завистью.

«Срджану приходилось очень, очень трудно – и в жизни, и в борьбе за Новака, а в Сербии многие не прощают чужой успех. В Сербии слишком много людей, которым так и не удалось самим ничего добиться, поэтому они завидуют чужому успеху. Федерация не помогала Новаку, когда он стал лучшим юниором Европы, и Срджан разозлился. Теперь же все они охотно наживаются на его достижениях, и Срджану это не нравится. Новак хочет выступать за свою страну, Федерация его не волнует. Срджан – сильная личность, он сыграл важную роль в жизни Новака, отдал все, чтобы сын ни в чем не нуждался. Все в семье чем-то пожертвовали ради Новака. У каждого была своя работа – у матери, отца, дяди Горана. Марко и Джордже чуть-чуть ущемляли, но это обычное явление в семье с одаренным первенцем – ради него всегда приходится слегка обделять других детей. Тем не менее мне нравился Срджан. Он всегда был очень веселым, и до сих пор веселый, с моим отцом они часто шутили. Но у него имелась цель, и ему не было дела до других людей, – просто он упрямо шел к своей сокровенной цели».

Деян Петрович высказывает схожую мысль:

«Единственное, что по-настоящему заботит Срджана, – это Новак. И иногда, когда смотришь на Новака реалистически, Срджан начинает злиться. У него свое мнение – и точка. Он никогда не пытался подражать Ричарду Уильямсу [отцу Винус и Серены Уильямс] и изображать из себя тренера – за 10 месяцев моей работы с Новаком он побывал всего на трех турнирах. Иногда он был не прочь задать несколько вопросов, но никогда не вмешивался. Однако он не остановится, пока не добьется для сына того, что кажется ему необходимым. Стремление к успеху и вечный бой – вот благодаря чему Новак стал таким,

какой он сейчас. В Сербии недостает тренеров, поэтому Джоковичи всегда старались найти кого-нибудь получше. Срджан смотрел на меня как на способ для Новака продвинуться дальше. Я ладил с Новаком и много знал о теннисе, у меня самого были отличные тренеры, и если до того Срджан не отходил от Новака, всегда был при нем, то во мне он нашел единственного человека, которому смог сказать: „Вот мой сын, сопровождай его в поездках“. Понимаю, в какой-то момент он решил, что польза, которую я мог принести, полностью исчерпана, и расстался со мной, но вряд ли то, как он это сделал, помогло Новаку».

Ладислав Киш, еще один тренер, «потерявший» Джоковича из-за вмешательства Срджана, объясняет: «Про Срджана можно наговорить всякого, однако он действовал в интересах своего ребенка. Не думаю, чтобы Срджан когда-либо занимался самоанализом, ему и в голову не приходило, что он поступает неправильно. Но он очень рано понял, что представляет собой Новак, и был готов на что угодно, лишь бы заполучить все необходимое сыну. Собственно, в тренерскую работу Срджан никогда не вмешивался, в этом отношении мне не на что жаловаться».

В эпоху, когда две из шести бывших республик Югославии уже являются членами ЕС, а другие ожидают вступления в него, легко упустить из виду суровую реальность экономической и политической ситуации в те времена, когда Джокович был подростком. «Срджан находился в довольно тяжелом положении, – говорит Ненад Зимонич, ветеран «золотого поколения» Сербии, родившийся в 1976 г. и повзрослевший во время распада Югославии. – Экономика пребывала в упадке, против нас вводили санкции, получить визы в некоторые страны было невозможно. Будучи юниором, я сам очутился в таком же положении. Я не мог соревноваться, не мог участвовать в некоторых юниорских турнирах, потому что въезд в страны, где они проводились, был закрыт для меня. Да, трудные были времена! Срджану приходилось с боем отыскивать спонсоров, добиваться внимания, поэтому, когда он обвинял журналистов в том, что Новаку уделяют меньше внимания, чем он того заслуживает, возможно, он просто стремился сделать Новаку рекламу и тем самым помочь решить вопросы финансирования. Конечно, он часто обращался ко мне, спрашивал совета, – например, отправлять Новака в школу Пилича или нет».

Елена Генчич подчеркивала, что Джокович никогда не критиковал отца. На людях, по крайней мере. Новак настолько пропитался патерналистским духом своей семьи, что ему и в голову не приходило открыто выступить против родного отца.

И, кроме того, Новак был бесконечно признателен отцу за все, что тот делал для него.

А вот происходящее за кулисами – совсем другое дело. Известно, что Срджан был не в восторге от длительных отношений Джоковича с Еленой Ристич, сначала его подругой, а теперь женой, однако Срджан все-таки не разрушил эту связь. Значит, вполне возможно, что Джокович в семейном кругу умудрялся найти верные слова, чтобы утихомирить отца. И по крайней мере в трех случаях они стали известны за пределами семьи.

Первый эпизод произошел во время Открытого чемпионата Австралии в 2008 г., когда, по мнению многих окружающих, родные болели за Джоковича чересчур громко и активно. Джокович заметил это и одними губами произнес что-то, повернувшись к своей ложе, после чего приветственные крики стали заметно тише. Что именно Новак сказал, никто не знает, но заметно было, как легко он угомонил свою команду поддержки. Второй случай был через год, во время первого Открытого чемпионата Сербии в Белграде. На сей раз Джокович действовал не так незаметно – кое-кто утверждает даже, что он буквально сорвался на Срджане. В недвусмысленных выражениях Новак потребовал, чтобы отец ушел, и это требование слышали несколько представителей прессы. Срджан, не прекословя, удалился, а спустя некоторое время его видели вышагивающим по берегу реки и курящим большую сигару. Третий случай был на «Уимблдоне» в 2009 г., когда Джокович играл с Томми Хаасом и проигрывал по ходу матча. Джокович попросил всех своих сопровождающих, в том числе Срджана, покинуть ложу. Только его дядя Горан вернулся ближе к концу матча. На просьбу объяснить, что случилось, Горан ответил только, что это семейные дела, не предназначенные для публики. Даже если Джокович иногда втихомолку и радовался присутствию свидетелей, он никогда не говорил и не делал при посторонних ничего унизительного для своего отца, да и для любого другого члена своей семьи.

В истории Срджана Джоковича есть еще один человек, сыгравший значительную, хотя и не самую звучную роль, – это мать Новака Дияна. Ей было нелегко изображать незыблемую скалу, не дающую семье распасться, в то время как имя ее мужа частенько мелькало в заголовках национальной прессы, причем не всегда восхищенных. Но для широкой публики она всегда оставалась на вторых ролях. С журналистами она почти не общается – исключение сделала лишь в день своего пятидесятилетия, когда дала сербской газете «Блиц» интервью

как мать прославленного теннисиста, но в общем и целом ее только видно, но не слышно.

Партнер Джоковича по юниорским временам Боян Божович говорит: «Дияна очень сильная, уверенная в себе и практичная женщина. Она контролирует множество закулисных дел Новака. Порой ей приходится действовать довольно жестко». Деян Петрович рассказывает о Дияне: «Она была прекрасной матерью. Полагаю, иначе и быть не могло в доме, где трое мальчишек. Именно она следила, чтобы Новак правильно питался и хорошо одевался – в этом отношении она проделала прекрасную работу, честь ей и хвала. Двое младших братьев Новака – отличные ребята. Дияне было нелегко, но с Новаком ее связывают особенно прочные узы. В каком-то смысле Новак, вероятно, удерживает своих родителей вместе».

Было бы отрадно думать, что когда-нибудь Джокович достигнет таких высот, что Срджан сможет расслабиться, уже не чувствуя необходимости мстить или платить той же монетой тем, кто много лет назад не признавал талант его сына. Этот момент уже вполне мог бы наступить: с сентября 2011 г. Джокович в течение продолжительных периодов времени оставался первой ракеткой мира и был обладателем трех из четырех титулов Большого шлема, а также Кубка Дэвиса. Срджан мог бы с уверенностью заявить, что он «посмеялся последним». Однако осенью 2012 г. он оказался в отделении интенсивной терапии белградской больницы с респираторной инфекцией. Врачи затруднялись поставить диагноз, в течение нескольких дней его жизнь была в опасности. Но Срджан выкарабкался, а Джокович завершил год, победив Федерера в финале мирового тура АТП в Лондоне.

Многие отметили, что после болезни Срджан стал спокойнее. Возможно, но это еще надо проверить – например, замечания, сделанные Срджаном сербскому ежедневному изданию «Курир» в июле 2013 г., свидетельствуют, что пламя еще не погасло (он обвинял Федерера в попытке дискредитировать Джоковича, а также говорил, что Надаль соглашался дружить с Джоковичем лишь до тех пор, пока выигрывал у него). Теперь, когда у Срджана есть приличный дом и удобный матрас для сна, хотелось бы надеяться, что он сможет просто радоваться оставшимся годам блестящей спортивной карьеры сына, не воспринимая весь мир как своего врага, – но, быть может, это просто не в его характере. А все мы, кому не пришлось пробиваться по жизни в борьбе и «закаляться, как сталь» для того, чтобы покончить с угнетением, избавиться от каторжного труда или еще от чего-нибудь, – разве вправе мы обвинять отца в явной неспособности изменить свой

характер и способ действий, в результате которых его сын добился столь поразительных успехов?

Нет никаких сомнений в том, что Срджан сыграл важнейшую роль в восхождении сына на вершину славы. «Не разбив яиц, омлет не приготовишь», и на своем богатом событиями пути Срджан всегда был готов расколотить яйцо-другое. Но действительно ли ему требовалось разбивать их в таком количестве? Возможно, этот вопрос несправедлив, однако он возникает даже после самой беспристрастной оценки вспыльчивого характера Срджана Джоковича и его гораздо более сдержанного и обладающего чувством собственного достоинства старшего сына.

Глава седьмая
Ажиотаж начинается

В июле 2005 г., после того как Джокович покинул Париж, чтобы играть на травяных кортах Лондона, Срджан оформил смену тренера: вместо Деяна Петровича Новака стал тренировать Риккардо Пьятти. Теперь, по прошествии времени, этот шаг выглядит очень разумным, и нет никаких сомнений в том, что Джокович оказался в руках человека, который смог привить ему психологию победителя.

2005 год был поистине годом Любичича. Он начал его, едва не обыграв в трех финалах бесспорного мирового лидера Роджера Федерера. Затем он почти в одиночку обеспечил победу Хорватии в первом круге Кубка Дэвиса в Лос-Анджелесе над «командой мечты» – сборной США, в которую входили Андре Агасси, Энди Роддик и близнецы Брайан (Любичичу понадобилась помощь Марио Анчича в паре, но в целом это все-таки было шоу одного Любичича). В те первые несколько месяцев 2005 г. можно было с уверенностью утверждать, что Любичич, по сути дела, – вторая ракетка мира после Федерера.

Амит Наор, израильтянин, заключивший соглашение с Джоковичем, был также агентом Любичича. Наор, Пьятти, Любичич и Джокович собрались и решили, как будут действовать сообща. «У меня никогда не возникало проблем из-за того, что Риккардо работал с другими игроками, – говорит Любичич. – Я совершенно не против, я никогда не считал, что тренер мне нужен круглосуточно, семь дней в неделю, – мне просто требуется некоторая помощь. Метод работы Риккардо состоит не в том, чтобы рассказывать подопечному, что надо делать. Его задача – объяснить некоторые вещи и помочь понять их, так что всегда необходимо найти время, чтобы сесть, обдумать полученную информацию, и после того, как поймешь ее, можешь действовать самостоятельно, принимать решения и совершенствоваться как игрок».

Любичичу не составляло труда относиться к этой методике спокойно, ведь он был игроком старшего поколения. «В команде очень важно знать, кто на первом месте в списке приоритетов, а кто на втором, – объясняет он, – потому что невозможно тренировать сразу двух игроков номер один. Идеальное сочетание – один игрок высшего класса и один игрок помоложе, который может учиться у товарища, но вместе с тем имеющий уже достаточно высокий рейтинг, чтобы с игроком номер один

участвовать в турнирах, и в этом случае никаких проблем не возникает. Но в этом случае требуется понимание со стороны более молодого игрока».

С точки зрения логики все понятно, но что происходит, когда между двумя игроками возникает конфликт? Это извечная проблема тренеров, нанятых компаниями-производителями спортивной одежды, – тренеров, внезапно обнаруживающих, что два игрока, которых они тренируют, становятся прямыми соперниками; в этом случае тренер обычно не присутствует на стадионе. Такой стала реакция Пьятти, когда Любичич и Джокович играли друг против друга в хорватской столице Загребе в феврале 2006 г. Пьятти предпочел посмотреть этот матч по телевизору. Это был первый полуфинал Джоковича в профессиональном туре, и он взял первый сет на тайбрейке, прежде чем Любичич выиграл матч 6–7, 6–3, 6–4. «Помню, психологически было по-настоящему трудно, – вспоминает Любичич, – но, в конце концов, это ведь теннисный матч, и надо бороться, чтобы победить».

С Пьятти и Любичичем Джокович проработал почти год. За это время он добился умеренного прогресса, поднявшись с 94-го места в рейтинге на 63-е. Однако за кулисами прогресс был куда заметнее. Именно эта работа помогла Джоковичу в дальнейшем.

Во время одной из первых тренировок Пьятти заметил кое-что. «Мне показалось, что он как-то странно следит за мячом, – рассказывает итальянец. – Не помню, в чем именно заключалась эта странность, но я знал, что у Горана Иванишевича имелись проблемы с глазами, и когда их устранили, он выиграл „Уимблдон“. И я спросил Новака, проверяли ли ему когда-либо зрение. Он ответил, что нет, и я предложил ему пройти обследование во время следующего приезда в Сербию. Так он и сделал, и оказалось, что у него серьезная проблема, требующая решения». С тех пор Джокович носит контактные линзы, а иногда, вне корта, – стильные очки. Кроме того, с самого начала Любичич посоветовал Джоковичу поменять струны. Джокович пользовался синтетическими – и вертикальными, и поперечными. Любичич сказал ему: «Слушай, все лучшие игроки, кроме Рафы, пользуются сочетанием синтетики и жил!» Хорват предложил Джоковичу попробовать натуральные струны в сочетании с синтетическими и выбрать синтетику более высокого качества, чем та, которой Джокович пользовался раньше. Джокович внял совету.

В мае 2006 г. Джокович получил травму ступни. Наор обратился за помощью к израильскому физиотерапевту Рафи Виршувски, а тот в свою очередь связался с Тамиром Кфиром.

Кфир всю жизнь играет в теннис на любительском уровне, в своей профессии он приобрел имя благодаря ортопедическим стелькам и протезам. Понаблюдав за движениями Джоковича, Кфир решил разработать три разных комплекта ортопедических изделий: один для травяных кортов, другой для грунта, третий для твердого покрытия. Важность анализа и принятого решения Кфира трудно переоценить, если учесть, что Джоковичу приходится в значительной степени полагаться на гибкость лодыжек, поскольку он играет атакующим ударом на широком шаге (чуть ли не на шпагате) в тех случаях, когда большинство теннисистов рады, если им вообще удается вернуть мяч в игру. Свою исключительную работу ног Джокович продемонстрировал на Открытом чемпионате Австралии в 2011 г., выиграв подряд у Роджера Федерера и Эндрю Маррея в трех сетах. Сразу после финала Джокович бросил в толпу свои ракетку, рубашку, носки и обувь, но прежде чем бросить обувь, вынул ортопедические стельки. Когда его спросили, неужели его стельки особенные, он ответил: «Да. Это и есть секрет работы моих ног. Вы меня поймали!»

Любичич вспоминает:

«Меня поражало то, что он действительно знал, что ему нужно. У него были физические потребности, наличие которых он признавал. У нас был один тренер по общей физической подготовке, но очень быстро Джокович сообразил, что ему нужен другой подход. Тренер, с которым мы работали, Сальвадор Соза, брал за основу взрывную силу и мощь в чистом виде, а Новак всегда считал, что ему необходимо быть более гибким и мягким, что вы и видите на корте. Он всегда заботился о растяжке, о том, насколько он гибкий, а Соза действовал иначе. Думаю, Джокович очень быстро повзрослел. По-моему, каждый теннисист достигает момента, когда он мужает, и в случае с Джоковичем это произошло очень быстро. Со мной это случилось в 23 или 24 года, а с ним – в 17 или в 18, потому он и пошел в гору так стремительно. На самом деле он вовсе не шутник, каким кажется. Он всегда хотел стать как можно лучше. Как только он осознал, кто он такой и что он движется в верном направлении, он расслабился и дал волю этой стороне своей личности. Но когда был моложе, он действовал более профессионально – в смысле, не тратил время на ненужное. Он был на все сто сосредоточен на том, к чему стремился».

Пьятти говорит: «Разглядеть потенциал было проще простого. Когда мы только начали работать, я обратил внимание на его гибкость, на его настрой на корте, его технику, менталитет. Он был таким сосредоточенным и решительным. Да, он был

молодым, но в некотором отношении – на редкость зрелым и готовым дойти до самой вершины. В техническом отношении он был готов к этому и находился в хорошей физической форме. Я не сомневался в том, что это будущая первая ракетка; родители правильно подготовили его к этой роли».

Такие решимость и сосредоточенность – это замечательно, но их все равно требуется направить в верное русло. Любичич считает, что Пьятти справился с этой задачей. «Риккардо помогал Новаку взрослеть. Бывали моменты, когда Новак терялся. Это теперь он царь мира, и кажется, будто он всегда знал, что делает, а в то время все было по-другому. Он был личностью. Он ездил с другом в Австралию, а Риккардо сказал, что, возможно, не стоило бы этого делать. Таков был Риккардо, он пытался понять, что правильно для Новака. Новаку было восемнадцать, он должен был познавать мир, однако ему не понадобилось много времени, чтобы во всем разобраться. Думаю, он познавал себя. Он все больше и больше узнавал о том, что ему нужно, ему шел на пользу опыт общения с более сильным игроком, потому что в то время я был третьей ракеткой мира, и он видел, что требуется для достижения таких высот. Он не нуждался в разговорах о бекхендах и форхендах, хотя мы серьезно работали над его подачей – он плохо ей пользовался, и, пока мы тренировались вместе, мы с Риккардо давали ему советы».

Связь Джоковича с Любичичем представляет интерес ввиду их национальностей. В 2005 г. Любичич упрочил свое положение спортивного кумира в молодом балканском государстве Хорватия, выиграв рекордное количество матчей Кубка Дэвиса – 11 из 12 (семь из восьми в одиночном разряде) и принес Хорватии титул. Столь же впечатляющий результат Джоковича в одиночном разряде, когда Сербия выиграла Кубок Дэвиса в 2010 г., можно поставить точно вровень с достижением Любичича. В сущности, эти двое друзей бесспорно сделали больше, чтобы прославить Хорватию и Сербию, чем кто-либо из их соотечественников (возможно, за исключением футболистов, благодаря которым Хорватия заняла третье место на чемпионате мира по футболу в 1998 г.). Их роднит еще одно обстоятельство: обоим предлагали выступать за другую страну.

Любичич спасся от кровопролития в распадающейся Югославии, покинув свой дом в боснийской Баня-Луке, и после некоторого времени, проведенного в истерзанном войной Загребе, бежал в Италию под защиту одной семьи, согласившейся приютить одаренного молодого теннисиста. Боснийский хорват Любичич мог выбрать боснийское или хорватское гражданство,

а после пяти лет, прожитых в Италии, мог бы предпочесть выступать за эту страну. Поскольку клуб, за который он играл, аннулировал его вид на жительство, как только он уехал спустя три года, последний вариант так и не осуществился, хотя Любичич играл и под итальянским флагом за свой клуб. Сегодня он говорит: «Рано или поздно я бы, вероятно, оказался в ситуации, когда надо было решать, хочу ли я стать итальянцем, но дело в том, что вряд ли я бы на это согласился».

Предложение, сделанное Джоковичу, выглядело гораздо конкретнее. В апреле 2006 г. Сербия и Черногория, два последних государства бывшей Югославии, которые отказались называться Югославией в 2003 г., победили Великобританию в матче Евроафриканской зоны Кубка Дэвиса в Глазго. Вскоре после этого выяснилось, что во время этого матча между семьей Джоковича и представителями британских теннисных организаций велись переговоры о возможности для троих братьев Джокович получить вид на жительство и, таким образом, участвовать в розыгрыше Кубка Дэвиса за Великобританию. Подробности переговоров известны лишь фрагментарно, вдобавок неясно, кто к кому обратился. Представитель Теннисной ассоциации Великобритании (LTA Lawn Tennis Association; британская национальная теннисная организация – единственная в мире, в английском названии которой не упоминается страна!) в то время утверждал, что это Дияна обратилась в LTA, однако общепризнано, что именно LTA предложила семье Джоковича большие деньги за переезд в Великобританию.

Здесь важно понять предысторию. Британцы столкнулись с очередной потенциально унизительной ситуацией, в которой они, хозяева самого престижного в мире теннисного турнира, дающего LTA лишних 25–30 млн фунтов стерлингов в год, не располагали игроками, способными претендовать на титул чемпиона «Уимблдона».

Да, была успешная эпоха Хенмена-Руседски. И Тим Хенмен, и Грег Руседски занимали поочередно четвертое место в мировом рейтинге, но уже находились на закате спортивной карьеры, и хотя на горизонте появился перспективный шотландец Энди Маррей, не наблюдалось (и по-прежнему не наблюдается) недостатка многообещающих британских юниоров, которым так и не удался переход в профессиональный тур. Среди традиционалистов в британских теннисных кругах поднялся немалый шум, когда в мае 1995 г. Руседски начал выступать не за Канаду, а за Великобританию, но недовольные достаточно быстро умолкли (особенно после того, как в сентябре 1997 г. он дошел до финала Открытого чемпионата США). Руседски явно

представлял огромную ценность для LTA, помогая ей продвигать теннис среди британской молодежи и британской публики в целом, а его соперничество с Хенменом, вероятно, сделало обоих более успешными игроками, чем они могли стать в том случае, если бы трудились на своей ниве поодиночке. Следовательно, предложение кругленькой суммы теннисисту, который мог сыграть ту же взаимовыгодную роль с Энди Марреем, какую Руседски сыграл с Хенменом, выглядело оправданным с точки зрения LTA, не стесненной в средствах. С точки зрения семьи Джоковича, предложение также было заманчивым. В Сербии отсутствовали теннисные традиции. Страна, в которую прежде входило шесть субъектов, сжалась до размеров всего двух: Сербии и Черногории, и вскоре должна была лишиться последней, поскольку ее граждане проголосовали за отделение. Срджан уже несколько лет стучался во все двери в поисках финансирования и сталкивался с отказами гораздо чаще, чем с проявлениями заинтересованности. Согласно правилам Международной федерации тенниса (которая организует и проводит Кубок Дэвиса), трех лет жизни на британской земле Джоковичу хватило бы, чтобы участвовать в Кубке Дэвиса за Великобританию, даже если бы семья не получила британского гражданства, и этот квалификационный период мог оказаться еще короче, докажи кто-нибудь, что распад Югославии означает прекращение существования страны, где родился Джокович. Так что предложение финансирования и возможности тренироваться в стране с давними теннисными традициями должно было показаться привлекательным.

Но к тому времени у Джоковича уже был заключен контракт с Амитом Наором и Аллоном Хакшуряном, поэтому его финансовое положение было достаточно стабильным. Вдобавок у семьи не было абсолютно никаких связей в Великобритании. Великобритания для нее не имела эмоциональной притягательности, в отличие от семьи Руседски, мать которого первые шесть лет своей жизни провела в йоркширском городке Дьюсбери, а у самого Руседски был британский паспорт, вдобавок он несколько лет прожил в Южном Лондоне, прежде чем согласиться играть за Великобританию. В конце концов предложение было вежливо и спокойно отклонено.

Предложение играть за Великобританию может показаться мелкой подробностью в карьере Джоковича, а его решение даже чересчур правильным, – в конце концов, каждый может выбрать себе гражданство – в зависимости от гражданства родителей, дедов, места жительства и т. п., и сам Джокович вполне мог бы играть за Сербию, Черногорию или Хорватию. Однако эта

подробность важна для понимания роли Джоковича как национального кумира. Если бы он активно стремился получить другое гражданство, это наверняка подорвало бы доверие к нему как к знаменосцу Сербии. Но все свидетельствует о том, что он лишь выслушал предложение, но не имел никакого желания принять его.

В 2009 г., беседуя с британским журналистом Нилом Харменом, пишущим о теннисе, Джокович сказал:

«Британия предложила мне большие возможности, им нужен был кто-то, потому что Энди [Маррей] единственный и таковым остается. Досадно было видеть это после того, как они вложили столько денег. Но я уже не нуждался в деньгах, как прежде. Я начал сам кое-что зарабатывать – достаточно, чтобы позволить себе поездки с тренером, и я сказал: „Какого черта? Я серб, я горжусь тем, что я серб, и не хочу поступаться своей гордостью только потому, что в другой стране условия получше“. Если бы я играл за Великобританию, конечно, я играл бы точно так же, как и за мою родину, но в глубине души никогда не чувствовал бы себя в Великобритании своим. Решение это я принял сам».

Все сказанное выглядит правдоподобно – кроме последнего момента: наверняка решающим было мнение Срджана, так как Новак добился большей независимости от отца лишь позднее (даже в конце января 2007 г. Срджан не выдавал сыну карманных денег наличными, лишь разрешал ему пользоваться кредитной картой, чтобы отслеживать его расходы).

Первый тренер Джоковича, сопровождавший его на турнирах, Деян Петрович, также бывший капитаном сборной Сербии на Кубке Дэвиса в то время, когда было сделано это предложение (и сам имевший двойное гражданство – сербское и австралийское), убежден, что финансовые и функциональные возможности Великобритании никогда бы не заменили Джоковичу эмоциональной притягательности сербского гражданства. «LTA сделала щедрое предложение, – говорит он, – и семья всесторонне обдумала его. Предложение было на редкость заманчивым, и я рад, что его не приняли. Новак такой, какой он есть, он патриот до мозга костей. За 10 месяцев поездок вместе с ним я узнал, как много значит для него Сербия. После победы на первом Открытом чемпионате Австралии [в 2008 г.] он стоял на балконе здания городского совета в Белграде, чтобы поприветствовать тысячи болельщиков, собравшихся холодным зимним утром, и я помню, как он сказал мне, что это высшая награда для спортсмена. Он был бы лишен ее, если бы жил в Великобритании».

При знакомстве с газетами того времени выясняется, что за кулисами Джокович говорил, будто бы он рассматривает возможность переезда. Но британская пресса никогда не отличалась скрупулезностью и точностью, она зачастую опирается на слухи и в результате легко поддается влиянию видных фигур и мастеров манипуляции, раскручивающих идеи в СМИ. Еще важнее то, что Джокович прекрасно сознавал, чем пожертвовала его семья ради него, поэтому, вероятно, считал своим долгом хотя бы выслушать предложение. Если бы оно было сделано годом ранее, кто знает, как бы он отреагировал, но в конечном итоге и Новак, и Срджан выступили против.

Ненад Зимонич, ветеран-профессионал в сербской команде, игравшей в Глазго, убежден, что предложение LTA могло быть организовано семьей Джоковича. «Возможно, это был способ заявить нашей стране: „Слушайте, у вас здесь поразительный талант, вы должны помочь ему“. Может, этим предложением воспользовались как рычагом. Это нормально – думаю, в глубине души Новак не собирался менять гражданство, но, наверное, ожидал большей поддержки от своей родины, явно большей, чем он получал в то время. Поддержка со стороны народа была невероятной, но сербская ассоциация никак не помогала ему. Справедливости ради следует отметить, что и помогать ей было нечем – мне приходилось самому финансировать свои поездки».

Наиболее вероятным выглядит объяснение, согласно которому предложение оказалось привлекательным для семьи потому, что относилось и к двум младшим сыновьям – Марко и Джордже. Оба были способными теннисистами, хоть и не дотягивали до уровня Новака. Однако Срджан ясно дал понять, что иметь больше одного чемпиона мира в семье ему не по силам. Следовательно, чтобы у Марко и Джордже появился хоть какой-то шанс стать профессиональными теннисистами, им требовалась помощь извне, помощь такого рода, которую было невозможно получить от Сербии. Примечательно, что, как говорят, к LTA обратилась Дияна: поскольку большинство усилий Срджана касались Новака, Дияне оставалось только следить за тем, чтобы их второй и третий сыновья не оказались обделенными, следовательно, мотивация семьи могла быть непосредственно связана с ними, а не с Новаком. Мы узнаем это, только когда будет обнародована история семейных разговоров за обеденным столом.

Теперь, по прошествии времени, решение остаться в Сербии выглядит правильным. Когда в Глазго велись переговоры, Джокович был самым молодым из 70 лучших теннисистов мира, но не было никаких гарантий, что он достигнет высот, которых он

достиг. В этом смысле решение было смелым, его положение народного героя Сербии не пострадало.

К концу 2005 г. Джокович добился достаточных успехов, чтобы равновесие, о котором говорил Иван Любичич – между лучшим игроком и более молодым и слабым, который учится у опытного профессионала, – начало рушиться. Пьятти всегда ясно давал понять, что приоритетное значение для него имеет Любичич, и Джокович начинал сознавать, что ему нужен тренер, сосредоточенный исключительно на нем.

Первые трения возникли во время последнего регулярного турнира в году – турнира Masters в Париже, когда Срджан обратился к Пьятти с пожеланием уделять больше времени Джоковичу. Пьятти ответил, что Джокович – мечта тренера, но его первоочередная задача – работа с Любичичем, который находится на пике карьеры. И это было несомненное начало конца, потому что с этого момента Срджан занялся поисками нового тренера. «Я видел, что Новак недоволен мной, – говорит Пьятти, – но я работал с Иваном, и он был третьей ракеткой. Мне не хотелось попусту отнимать время у Новака, поэтому я полностью принял его желание найти своего тренера. Я в теннисе уже 30 лет, и он – лучший из всех, с которыми я работал. Тренировать Новака было невероятной привилегией». Джокович остался с Пьятти и Любичичем еще на полгода, но после турнира Masters в Риме в мае 2006 г. окончательно расстался с обоими.

Любичич признавал потребности Джоковича, поэтому разрыв получился дружеским: Любичич и Джокович не только остались близкими друзьями, но и продолжали общаться по несколько раз в неделю. Их дружба пережила множество взлетов и падений. На напряженном совещании теннисистов во время Открытого чемпионата Австралии в 2007 г., когда всех занимала проблема антидопинговых мер, Джокович снял очередное напряжение, отдав должное Любичичу за его острый вопрос, и предложил вручить своему лысому другу флакон шампуня в качестве приза за лучший вклад в дискуссию.

Выход Джоковича в четвертьфинал Открытого чемпионата Франции в мае 2006 г., когда из-за проблем с дыханием он отказался продолжать поединок с Рафаэлем Надалем, проиграв второй сет, позволил ему войти в список 50 лучших игроков мира и вновь подчеркнул необходимость в личном тренере. Любопытно, что Джоковичу позвонил премьер-министр Сербии Воислав Коштуница, чтобы поздравить его с успехом – сейчас уже легко забыть, каким событием казался Сербии выход в четвертьфинал Большого шлема.

В период подготовки к Открытому чемпионату Франции

агент Джоковича представил ему список возможных тренеров. В этом списке значился Мариан Вайда, словак, родившийся в 1965 г., достигший 34-го места в рейтинге в 1987 г. и выигравший в 1991 г. пару кругов Открытого чемпионата Франции. В дальнейшем он тренировал сборные Словакии на Кубке Дэвиса и Кубке Федерации, а также работал с отдельными игроками. Последним подопечным был его соотечественник, словак Кароль Кучера, закончивший свою карьеру после проигрыша Любичичу в финале Кубка Дэвиса в 2005 г., поэтому Вайда на тот момент был свободен. Джокович выбрал из списка его фамилию и попросил устроить встречу.

Вайда рассказывает, что он сомневался, стоит ли отправляться в Париж для встречи с Джоковичем и его сопровождающими, но 10-летняя дочь Наталия, сама увлеченная теннисистка, убедила его (она участвовала в юниорских состязаниях Большого шлема под фамилией Вайдова). Вайда и Джокович договорились, и так начались одни из самых продолжительных отношений между игроком и тренером в истории современного тенниса.

Уже через несколько недель Вайда почувствовал и потенциал Джоковича, и предстоящие трудности. Достигнув четвертого круга на «Уимблдоне», где он проиграл Марио Анчичу, Джокович завоевал титул на голландском грунте Амерсфорта, а затем отправился в Хорватию играть в курортном Умаге. Там он добрался до финала, выиграв девятый матч подряд после «Уимблдона», но в финале, на тайбрейке первого сета снялся из-за проблем с дыханием, дав тем самым возможность своему противнику, Станисласу Вавринке, выиграть свой первый турнирный титул. Как бы ни относился к этому событию теннисный мир, это была мелодрама в чистом виде. Во время первого сета Джокович несколько раз брал тайм-аут, чтобы перевести дыхание, в начале тайбрейка он обратился за медицинской помощью. Пришлось надавить на его грудную клетку, чтобы восстановить дыхание. После розыгрыша четырех очков тайбрейка, ведя в счете 3–1, он вдруг упал и лежал без движения. Подбежали отец и врач, проверили его состояние и усадили Новака на кресло у корта. Тем временем его мать-хорватка плакала на трибуне. Разочарование зрителей из-за неожиданно прерванного матча было несильным, и они тепло поаплодировали, когда Джокович принес им свои извинения в коротком выступлении на церемонии награждения. В конце концов, он был наполовину хорватом, а первый сет продолжался 73 минуты, дольше, чем некоторые финалы, где победитель добивается быстрой победы в двух сетах.

Матч на Кубок Дэвиса в сентябре 2006 г. против Швейцарии в Женеве стал одним из первых примеров интермедий, которым предстояло сопровождать выступления Джоковича в последующие несколько лет. Это была первая попытка Сербии войти в элиту турнира, мировую группу с 16 странами-участниками (невозможно выиграть Кубок Дэвиса, не состоя в мировой группе). Джокович всего лишь во второй раз в жизни играл против Роджера Федерера – неоспоримой первой ракетки мира, а Срджан впервые оказался вовлеченным в событие, которое получило общественный резонанс и имело последствия для его сына. В преддверии этого матча Срджан дал комментарии сербской прессе, в которых прозвучали уничижительные выражения в адрес Федерера. Большинство его высказываний было из области психологических манипуляций с целью оказать давление на противника, типичных для подготовительного этапа любых спортивных поединков один на один. Однако в результате эта атака Срджана скорее подняла настрой Федерера на борьбу. И это случилось тогда, когда швейцарский маэстро уже почти утратил интерес к победам на Кубке Дэвиса и начал воспринимать это соревнование как несколько выходных дней, которые можно провести со своими товарищами по теннису, нежели как ряд матчей на пути к одному из самых престижных теннисных призов.

После того как Федерер в первом матче турнира выиграл у Типсаревича в трех сетах, Джокович проигрывал 2–1 Станисласу Вавринке во втором матче одиночки. Если бы Вавринка выиграл, Сербия фактически проиграла бы весь матч уже в первый день турнира. Но Джокович взял четвертый сет на тайбрейке 7–3 и пятый 6–4. Однако в течение матча Новак несколько раз обращался за помощью к своему врачу, чем сильно раздражал Федерера. После того как Федерер и его бывший сосед по дому Ив Аллегро выиграли в трех сетах парную встречу против Зимонича и Ильи Бозоляца, все было готово к поединку Федерера с Джоковичем в обратной одиночке третьего дня соревнования. Федерер был явно на взводе, и хотя результат и без этого мог оказаться таким же, поскольку у швейцарца есть способность показывать искрометную игру независимо от обстоятельств, в этом редком случае он сводил личные счеты. Джокович смог взять только восемь геймов. На пресс-конференции после матча Федерер прошелся по Новаку и выдал каламбур: «да он просто анекдот» («he’s a joke»).

По прошествии времени стало ясно, что этот матч был последним, где Сербия и Черногория выступали в качестве одной страны, в дальнейшем речь шла только о Сербии. К тому времени,

как Сербия вновь приняла участие в этом турнире семь месяцев спустя, Джокович уже входил в первую десятку, на теннисную сборную возлагали огромные надежды. Интересно также отметить, что команда, которая играла в Швейцарии в сентябре 2006 г., была той же самой, которая выступала в финале против Канады в сентябре 2013 г. По сути дела, Сербия стала сильнейшей в мире в командных соревнованиях, располагая всего пятью игроками: Джоковичем, Типсаревичем, Троицки, Зимоничем и Бозоляцем. Иногда в небольшой стране, не имеющей возможности выбирать из большого количества игроков, может сложиться стабильная команда, так что наличие широкого выбора само по себе еще ничего не означает.

После язвительной критики со стороны Федерера в Женеве Джокович отправился в Метц, где выиграл турнир и вошел в первую мировую двадцатку. Он дошел до четвертьфинала на турнире Madrid Masters в закрытых помещениях. Там ему удалось поправить свои отношения с Федерером. Джокович завершил год на 16-м месте в мировой классификации. Еще один титул он завоевал в Аделаиде (там же, где Деян Петрович тремя годами раньше пытался получить для него wild card на участие в турнире), а затем встретился с Федерером в четвертом круге Открытого чемпионата Австралии. Хотя СМИ раздували шумиху вокруг этой встречи как матча-реванша, Федерер стремился только показать, что в Женеве он обыграл Джоковича не со злости, и он одержал очередную победу в трех сетах; Джокович на этот раз выиграл 10 геймов.

В истории Джоковича случались поворотные моменты, и одним из таких моментов стали в марте 2007 г. два американских турнира на твердом покрытии серии Masters. «Весь этот ажиотаж начался в 2007 г., когда Новак победил в Майами, – говорит Ненад Зимонич. – Эта победа вызвала такой интерес на родине, что когда через несколько месяцев мы играли [на Кубок Дэвиса] с Австралией, собралось 19 тыс. зрителей. Мы победили и прошли в Мировую группу. На мой взгляд, начать с самого низа, с пятой группы, дойти до верха за пару поколений и получить возможность выиграть Кубок Дэвиса на глазах у своих болельщиков – это невероятно».

В Индиан-Уэллсе, в калифорнийской пустыне, Джокович обыграл Энди Маррея в полуфинале и играл в финале против Рафаэля Надаля. Надаль победил 6–2, 7–5, но когда 11 дней спустя они встретились в четвертьфинале в Майами, Джокович одержал свою первую победу над Надалем – 6–3, 6–4. Затем он одолел Маррея и коварного аргентинского ветерана Гильермо Канаса и стал победителем турнира. В итоге Джокович вошел

в первую десятку рейтинга, а когда вернулся в Белград к следующему официальному матчу Кубка Дэвиса против Грузии, то уже занимал седьмое место в рейтинге.

Этот период восхождения Джоковича ознаменован первой из его попыток попросить помощи на стороне. Он проработал с Марианом Вайдой восемь месяцев, после чего они вдвоем – и вместе с Срджаном – решили, что Джоковичу требуется тренер, который дошлифовал бы его выходы к сетке. С его ударами с лета в целом все было в порядке, но агрессивный стиль игры в теннисе – это не только готовность играть у сетки, но и умение выходить к ней вовремя и с правильным подготовительным ударом с отскока.

После рассмотрения возможных кандидатур помощь пришла со стороны Марка Вудфорда. Этот южноавстралиец с тихим голосом известен как мастер парной игры, и вместе с Тоддом Вудбриджем они побили много рекордов. Но Марк был также незаурядным одиночным игроком: в 1996 г. он дошел до полуфинала Открытого чемпионата Австралии и часто выигрывал у более сильных теннисистов благодаря правильно выбранной тактике. Вудфорд был сверстником Вайды, несколько раз они играли друг против друга, поэтому когда к Вудфорду обратился один из агентов Джоковича, Аллон Хакшурян, тот задумался прежде всего о том, какое место в этом раскладе занимает Вайда.

«Когда мы собрались в первый раз, я сказал Мариану, что мне будет неловко, если он останется в стороне, – объясняет Вудфорд. – Я сказал, что действовать надо сообща, и хотел убедиться, что он нормально воспринимает то, над чем мы собираемся работать. Хакшурян объяснил, что Мариан остается в команде. Мариан подтвердил, что он будет продолжать тренировать Новака, и объяснил проблему: несмотря на то, что выход к сетке является жизненно важной составляющей игры Новака, он не пользуется этим приемом своевременно и осознанно и поэтому им нужна моя помощь. Меня это не смутило. Только я тогда понятия не имел, насколько сильным влиянием пользуется Срджан».

Вудфорд присоединился к команде Джоковича в марте 2007 г., перед самым началом турнира «Индиан-Уэллс». Австралиец вспоминает, какое впечатление Джокович произвел на него в первый день. «Он был как губка, – говорит Вудфорд. – Он жаждал информации. И никогда не стеснялся остановиться и спросить. Срджан понимал: если по ходу дела кое-что заимствовать у окружающих, постепенно добьешься своего. В этом надо отдать ему [Срджану] должное. Целью было стать

первой ракеткой мира – ошеломляющая цель, потрясшая меня, и для ее достижения требовалось постепенно собирать все необходимое. Быть источником информации было приятно – я ведь в свое время славился довольно приличными ударами с лета, но в то же время я понимал, что он спрашивает совета не только у меня».

Вне корта Джокович порой вел себя как веселый подросток (ему исполнилось 20 лет к тому моменту, когда Вудфорд проработал с ним четыре месяца). «Он любил вечера, – вспоминает Вудфорд. – По вечерам он давал себе волю. Я видел, что он уверенно движется в правильно выбранном направлении, но, думаю, каждому время от времени нужна передышка. Он всегда стремился стать более выносливым и сильным и продержаться в спорте дольше Роджера и Рафы – не просто соперничать с ними, а пережить их, – но за время работы с ним выдалось несколько вечеров, когда он просто развлекался. Я не любил тусовки, даже когда играл, но пару раз выходил на люди вместе с ним, и ему нравилось, что его узнают, – пожалуй, он даже наслаждался этим. Пару раз он надевал очки и выглядел в них по-настоящему стильно. Однажды я спросил его: „Ты что, плохо видишь?“ Он ответил: „Нет, но они классно смотрятся, верно?“ а по-моему, вид был слишком академический».

Вудфорд редко имел дело с Срджаном, главным образом потому, что тот почти не говорил по-английски. Появляясь на тренировках, Срджан говорил с сыном по-сербски, а с Вайдой – на смеси сербского и словацкого языков. «Дияна говорила по-английски гораздо свободнее, – вспоминает Вудфорд, – а Ноле поразил меня свободным владением английским языком. Он явно был сообразительным парнем».

Джокович понял, что ему не победить Федерера и Надаля, играя исключительно на задней линии, – необходимо было чаще выходить к сетке. Однако Вайда объяснил Вудфорду, что когда Джокович идет к сетке, где его раз или два обводит соперник, он обычно говорит: «Все, я больше так играть не буду». Проблема была не только в ударах с лета, но и в движении вперед, выборе позиции и точного момента для выхода к сетке. По-видимому, команда Джоковича набирала обороты, готовясь к короткому, но престижному сезону игры на травяных кортах, хотя попутно вносила поправки для игры на твердом покрытии и грунте.

Вудфорд говорит: «Я чувствовал, что он способен играть у сетки, но его удар с лета слева мне не очень нравился. Речь вовсе не шла о нюансах. Порой его терзали сомнения, и мы садились и разговаривали – не в целом об игре, а именно о его

отношении к выходу к сетке. Если ты не получаешь удовольствия, играя у сетки, ты не сможешь успешно воспользоваться этим приемом, когда это будет необходимо».

Результаты в тот период, когда к команде присоединился Вулфорд, были на зависть хороши: выход в финал «Индиан-Уэллс», победа над Надалем в Майами, имевшая огромное психологическое значение. Да, она состоялась на наименее любимом Надалем покрытии, но двумя годами ранее в Майами Надаль обыграл Федерера, так что этот результат Джоковича поистине способствовал подъему его боевого духа. Затем выигрыш всего турнира в Майами, триумфальное возвращение на родину на Кубок Дэвиса и титул в Эшториле, на грунтовом покрытии. Все шло настолько успешно, что Хакшурян начал выспрашивать у Вудфорда, не хотел бы тот уделять Джоковичу больше времени.

Однако череда побед Новака создала проблемы, с которыми сталкиваются все игроки, когда находятся в высокой спортивной форме. Игроки – как мужчины, так и женщины – строят свое турнирное расписание, планируя сыграть примерно 60–70 матчей в год; таким образом, если они рассчитывают пройти в среднем по три круга в турнире, им потребуется принять участие примерно в 20 состязаниях. Однако, если потом они начинают выигрывать турниры, следующие один за другим, такой график становится неподходящим и нецелесообразным. Но к этому времени теннисист уже официально заявлен на участие в турнирах и не может их пропустить, не заплатив штраф (за исключением случаев, когда он травмирован). Все это означало, что Джокович приближался к самому напряженному периоду теннисного года – к Открытому чемпионату Франции и «Уимблдону» – с организмом, начинающим проявлять признаки физического износа. Вудфорд рассказывает:

«Все, что делал Новак, он сравнивал с результатами Рафы и Роджера. Он начинал отлично на турнирах Большого шлема, но проваливался в четверть– и полуфиналах; физически его уровень с первого дня все время снижался. И он не переставал задаваться вопросом: как они выдерживают пять сетов подряд? Как им удается восстановиться после изнурительного матча? Как они умеют поддерживать физическую форму на протяжении всех двух недель турнира? Он начинал понимать, что ему необходимо уделять физподготовке больше времени, но он уже растратил много сил на турнирах, предшествовавших Открытому чемпионату Франции. Так что к моменту проигрыша Рафе в Париже в полуфинале он был сильно измотан. Все это время я пытался приобщить его к тренировкам над новыми приемами,

но трудно вытащить на корт еще на пару часов человека, который и без того едва дышит после сыгранных матчей».

Джокович и его лагерь собирались взять неделю отдыха после чемпионата во Франции, а затем, за неделю до «Уимблдона», – принять участие в турнире более низкого ранга на травяных кортах. Вудфорд убедил Джоковича сразу отправиться в Лондон и сыграть в запланированном турнире на стадионе Queen's Club, а отдых устроить себе уже в последнюю неделю перед «Уимблдоном». Расчет был таков: Джокович так или иначе устанет, но в Queen's Club он получит возможность сыграть на траве несколько серьезных матчей, а уж потом отдохнет непосредственно перед «Уимблдоном».

К сожалению, расчет не оправдался. Хотя Джокович сыграл всего два раза и проиграл Арно Клеману (который играл на травяных кортах куда лучше, чем было принято считать); в Лондоне зачастили дожди, поэтому турнир растянулся на пять дней. Затем началась подготовка к «Уимблдону», где Джокович прошел до полуфинала через несколько марафонских матчей, в ходе которых ему пришлось сыграть девять тайбрейков. В итоге он стал легкой добычей Надаля в полуфинале.

Это были отличные четыре месяца, начавшиеся в Индиан-Уэллсе, и к концу «Уимблдона» Вудфорд был готов согласиться поработать с Джоковичем еще пару месяцев, по крайней мере, до конца Открытого чемпионата США. Но этого не произошло. Находясь дома в США, Вудфорд почувствовал некие сомнения со стороны агентов Джоковича. Большинство лучших игроков отдыхали после «Уимблдона» по меньшей мере три недели, прежде чем вернуться на североамериканские корты с твердым покрытием. Но у Джоковича было запланирован турнир в хорватском Умаге, и он не хотел отказываться от выступления на родине матери, тем более после того, как ему выдали wild card на участие. Во втором раунде он проиграл Виктору Троицки в решающем сете 7–5. В течение матча усталость вконец одолела Джоковича. Он выходил к сетке все более и более неосмотрительно, пытаясь сократить продолжительность розыгрыша очков, и в конце концов уступил соотечественнику-сербу.

«У меня были причины считать, что этот проигрыш взбесил Срджана, – философски рассуждает Вудфорд, – и мне хотелось понять, почему Новак действовал так опрометчиво».

«В планы не входило действовать именно так, но это имело смысл – когда ты устал, то не затягиваешь розыгрыш очков, а сокращаешь его. Вот и он торопился выйти к сетке и попадал под обводку. Ко мне обратились, чтобы я помог ему с игрой

у сетки, и вот что из этого вышло. Внезапно от агента пришло следующее известие: „Спасибо, мы думаем, что уже получили все, что нам требовалось“, и на этом все закончилось. Сейчас я вижу, как он своевременно идет к сетке, и знаю, что имею к этому отношение. Нет, я не смотрю на него с мыслью: „Это сделал я“, потому что я был одним из многих, кто ему помогал. Но финал был странным, определенно слишком резким, и, думаю, в конечном итоге его срежиссировал Срджан. Жаль, что я не смог проводить на корте больше времени, но я видел, насколько велика нагрузка Джоковича, и не хотел усугублять ее. Оглядываясь назад, я думаю: будь у меня больше времени для тренировок, получили ли бы мы результат раньше? На самом деле неизвестно».

Вудфорд также отмечает, что Джокович «всегда стремился получить информацию, которая помогла бы ему улучшить игру». Следующим источником ценных советов стал один из величайших теннисистов мира Джон Макинрой. В трех турнирах подряд: в Монреале, Цинциннати и на Открытом чемпионате США – Макинрой помогал ему советами относительно ударов с лета. И вновь результаты оказались хорошими.

Он выиграл турнир серии Masters в Монреале, одолев Роддика в четвертьфинале, Надаля – в полуфинале, а Федерера – в финале. Этот финал стал первой победой Джоковича над Федерером и психологической вехой в борьбе с только что коронованным (уже в пятый раз) чемпионом «Уимблдона».

Джокович проиграл Карлосу Мойя на следующем турнире в Цинциннати, но получил удачную сетку на Открытом чемпионате США. Здесь он выбил Мойя в четвертьфинале, а затем в полуфинале, вместо Надаля его противником был Давид Феррер, который выбил Надаля еще в четвертом круге (известно, что на этом этапе своей карьеры Надаль обычно терял форму после серии турниров на североамериканских кортах с твердым покрытием). Победа в трех сетах над Феррером открыла путь Джоковичу к его первому финалу в турнире Большого шлема, где его ждал Федерер, а также Мария Шарапова и Роберт Де Ниро, вместе со зрителями приветствовавшие 20-летнего дебютанта.

Будь Джокович более опытным, в тот день он, вероятно, обыграл бы Федерера. Теоретически швейцарец находился на пике своей карьеры и уже третий раз в текущем году играл в финале турнира Большого шлема. Он бесспорно являлся лучшим игроком в мире, и о нем уже поговаривали как о величайшем теннисисте всех времен. Однако в его игре

были уязвимые места. Многие были поражены, когда ему понадобилось пять сетов в матче с Надалем в финале «Уимблдона», а в финале Открытого чемпионата США игре Федерера уже явно недоставало былой уверенности. В первом сете он играл справа одними выигрышными ударами, в частности, когда Джокович сделал брейк при счете 6–5 и вел 40–0. Но Джокович, уже имевший два сетбола при счете 5–4, упустил еще пять сетболов и сделал двойную ошибку на первом сетболе у Федерера на тайбрейке. Во втором сете у Джоковича было два сетбола при счете 6–5, но он проиграл и этот сет тоже на тайбрейке. В третьем сете у Джоковича были шансы, но к тому времени Федерер уже стал отрываться, измотанность Джоковича становилась все заметнее и Федерер выиграл в трех сетах.

После этого финала многие говорили, что Джокович показал, что не умеет пользоваться возникающими возможностями. Это слишком суровая оценка человека, участвовавшего в своем первом финале Большого шлема, да еще в 20-летнем возрасте. Но когда после матча Федерер признался, что перед финалом нервничал из-за расстройства желудка, от которого у него началась «нервная трясучка и холод в руках», стало ясно, что у Джоковича действительно была тогда редкая возможность победить «гроссмейстера», но он ее упустил.

Позднее Федерер признался также, что в разговоре у сетки после матча он посоветовал Джоковичу «так держать» и сказал, что им предстоит еще много сражений в будущем. Им предстояло сойтись на очередном турнире Большого шлема всего через четыре месяца, и Джокович собирался показать, что действительно извлек урок из этой упущенной возможности на Открытом чемпионате США.

Примерно в середине 2007 г. Джокович заявил о себе способом, с которым с тех пор испытывал некоторые трудности. Сама серьезность и усердие на корте, вне корта он умеет веселиться, отличается наблюдательностью и явно хорошо разбирается в людях. Должно быть, он также наделен актерскими способностями, потому что, как выяснилось, он искусно пародирует других теннисистов.

Как у лучших комиков и пародистов, у него имелось несколько классических номеров, благодаря которым сложилась его репутация, и они были действительно превосходны. Съемочная группа «Би-би-си» запечатлела его пародии на Марию Шарапову, Рафаэля Надаля, Горана Иванишевича и Ллейтона Хьюитта на тренировочном корте лондонского Клуба королевы перед самым «Уимблдоном» 2007 г., после чего разошелся слух о его способностях пародиста. Лучшее выступление Джоковича

состоялось после победы над Карлосом Мойя в четвертьфинале Открытого чемпионата США в 2007 г., когда во время интервью на корте его попросили кого-нибудь спародировать. Зрителям, которые еще не успели разойтись, Джокович показал Марию Шарапову, Рафаэля Надаля и Энди Роддика, вызвав бурю восторгов. Но, вероятно, более показательны частные видеоматериалы, выложенные на YouTube и демонстрирующие, как Джокович выдает ряд пародий в мужской раздевалке. Некоторые из его персонажей малоизвестны, так что узнать их могут только другие теннисисты или турнирные фанаты, но его внимание к деталям поразительно. Как лучшие карикатуристы, он подмечает какой-нибудь жест или даже нервный тик, и утрирует его, порой создавая совершенно иное впечатление от человека, которого пародирует. В своей пародии на Роджера Федерера он утрирует женоподобные жесты – часть образа Федерера на корте, но в целом производит впечатление именно того Роджера Федерера, которого изображает.

После пародии на Шарапову, показанной на Открытом чемпионате Австралии 2008 г., Джокович прекратил свои шоу. «Я подавал при счете 4–4, 30–30 в важном матче, – объяснял он съемочной группе CBS, – и тут один парень говорит: „Эй, Новак, покажи Шарапову, нам это нравится, посмеши нас“». Стало ясно, что подобные интермедии грозят затмить основное действие. Кроме того, Джокович сказал, что его товарищи, профессиональные игроки, негативно отреагировали на его выступления, и он не хочет создавать напряженную атмосферу в раздевалках и комнатах отдыха. Он признается, что Рафаэля Надаля оскорбил спародированный жест, которым он поправляет шорты и никак не может избавиться от этой привычки. Разумеется, не стоило ожидать, что Надаль будет кого-то благодарить за высмеивание, но на турнирах он сам известен как любитель шуток и розыгрышей, и вдобавок он умеет посмеяться над ними, как он сделал, стоя на пьедестале, после победы над Джоковичем в финале турнира Masters в Риме в 2009 г.: после вручения призов проигравшего Джоковича попросили изобразить Надаля, Джокович исполнил просьбу, но явно стеснялся делать это в присутствии пародируемого. И дважды публично повторил, что не хочет обидеть его.

Возможно, эти пародии играют для Джоковича важную роль как способ расслабиться. «Он чрезвычайно серьезен, когда речь идет о теннисе, – говорит его бывший тренер Деян Петрович, выросший в Австралии, – но он не из тех людей, которые способны постоянно быть серьезными. Любовь к шуткам у него в крови. Отчасти причина тому – сербский менталитет: мы, сербы,

любим пошутить. Он наделен поразительной способностью сохранять во время матча стопроцентную серьезность, не думая ни о чем, кроме победы. Просто так его мысли нигде не витают».

Сербский теннисный комментатор Небойса Вискович подтверждает: «Юмор ему необходим, это его способ выпустить пар». В равной степени можно утверждать, что теннису как виду спорта, все более ориентированному на нудные обмены ударами с задней линии, параллельный юмор необходим, чтобы понять, каким чувством юмора обладают ведущие теннисисты.

Сегодня Джокович говорит: «Я ощутил, что происходящее временами приобретает характер принуждения: от меня требуют пародировать, даже когда я не в настроении делать это. Поначалу я показывал пародии на тренировочных кортах в конце тренировок. Это был способ расслабиться, повеселиться и развлечь тех, кто приходил посмотреть на меня. Пошли слухи, и все вдруг стали просить меня выступить перед камерами, на стадионах. Первые раза два это было забавно, а потом превратилось в обязательную программу, и мне просто больше не захотелось ничего показывать. Я не хотел, чтобы люди гадали, хочу я обидеть кого-нибудь или нет, потому что такого у меня и в мыслях не было. Я рад, что мои коллеги все понимали правильно и смеялись вместе со мной».

Возможно, ощущение того, что ему удалось донести свою мысль, позволило ему возобновлять пародии по настроению. В 2013 г. к нему определенно вернулось желание пародировать окружающих. Он изображал Шарапову на показательном турнире перед «Уимблдоном», и особую пикантность его действиям придало то, что это происходило во время матча против Григора Димитрова – болгарина, который как раз начинал встречаться с Шараповой. Димитрову пародия понравилась, но Шарапова мягко упрекнула Джоковича во время пресс-конференции перед началом «Уимблдона», сказав, что уже избавилась от многих жестов, составляющих костяк пародии. Очевидно, в этом и заключается проблема: пародии Джоковича вынуждают игрока обращать внимание на свои привычки и, следовательно, побуждают игроков (по крайней мере, некоторых) избавляться от них.

Если вспомнить, каким успехом пользовались среди взрослых профессионалов пародии бывшего иранского теннисиста Мансура Бахрами на Джона Макинроя, Бориса Беккера и других, то станет ясно, что на искусство Джоковича всегда будет спрос, особенно когда он покинет большой теннис. Но поскольку Джокович разделяет дело и потеху, место пародий в его расписании всегда будет строго ограниченным.

Победа над Грузией в апреле выводила Сербию в плей-офф за выход в Мировую группу Кубка Дэвиса уже второй год подряд. Но на этот раз сербам предстояло играть против Австралии, ведущим теннисистом которой оставался Ллейтон Хьюитт. Этот матч, в сущности, ознаменовал рождение сборной Сербии как мощной команды современного Кубка Дэвиса, но не потому, что сербы доминировали в матче с Австралией, а потому, что обрели не только главную арену для проведения домашних матчей, но и свой духовный дом.

Победа Джоковича в Майами в начале апреля породила резкий всплеск зрительского интереса, поэтому, выбирая место проведения домашнего матча, выигрыш которого открывал дорогу в Мировую группу, Сербская федерация тенниса остановилась на Белградской Арене (Beogradska Arena). Это было новое здание, и в проблемной истории его строительства словно отразился весь ухабистый путь развития Сербии как страны и сербских теннисистов как личностей. Затея выглядела рискованной, поскольку вместимость арены для баскетбольных соревнований была рассчитана на 20 тыс. зрителей, и для теннисного турнира в рамках Кубка Дэвиса она должна была быть приблизительно такой же. После опыта предыдущего матча, проходившего в апреле на компактном, импровизированном крытом корте, вмещавшем только пару тысяч зрителей, требовалась немалая смелость, чтобы надеяться распродать 17 тыс. билетов всего пять месяцев спустя. Но выход Джоковича в финал Открытого чемпионата США подогревал ожидания, и сербский дом Кубка Дэвиса открылся аншлагом.

Строительство этой арены было запланировано в конце 1980-х гг., когда Белград подал заявку на проведение чемпионата мира по баскетболу в 1994 г. В 1989 г. было принято решение провести чемпионат в Сербии, но при условии, что игры будут проходить на вновь построенной арене. Работы начались в 1992 г., но в результате распада Югославии и экономических санкций против страны Белград в 1993 г. был лишен права принять чемпионат мира по баскетболу. Тем не менее осуществление проекта началось на одном из самых привлекательных земельных участков Нового Белграда, района сербской столицы, расположенного на левом берегу реки Савы, активно застраиваемого под коммерческую недвижимость. Поэтому строительство всеми силами необходимо было продолжать, и когда Белград был выбран местом проведения чемпионата мира по настольному теннису в 1999 г., строительные работы возобновились. Однако город лишился права проведения и этого чемпионата после бомбардировок НАТО весной 1999 г., в итоге

создалось впечатление, что будущую арену «сглазили».

К тому времени она уже была вполне готова для некоторых мероприятий. Первым из них стал политический массовый митинг в рамках предвыборной кампании президента Сербии в 2000 г. Позиционируя себя как создателя современной Сербии, Слободан Милошевич провел на арене свой последний митинг. Выборы он проиграл, и несмотря на то, что всячески пытался цепляться за власть, был в конечном итоге вынужден уйти в отставку, когда его дальнейшее пребывание на посту стало невозможным из-за уличных протестов, кульминацией которых был марш ста тысяч человек и поджог здания государственного телевидения. Речь Милошевича на Белградской Арене была его последним публичным выступлением.

Когда Международная федерация баскетбола утвердила проведение чемпионата Европы по баскетболу (EuroBasket) 2005 г. в Белграде, у города появился стимул достроить арену. Ее открыли для баскетбольных соревнований в 2004 г. На ней в 2005 г. провели чемпионаты Европы по баскетболу и волейболу, но затем арену пришлось закрыть, поскольку она не соответствовала требованиям безопасности современного сооружения для проведения спортивных состязаний. Поэтому до момента, когда ее выбрали местом проведения матча Сербии против Австралии в плей-офф Кубка Дэвиса, арену использовали в лучшем случае для полудюжины мероприятий.

С тех пор она стала главным местом проведения теннисных матчей, причем теннисистки Сербии установили рекорд посещаемости на Кубке Федерации: посмотреть на матч Иванович, Янкович и других против сборной Японии в феврале 2009 г. собралось около 19 тыс. зрителей. С тех пор на той же арене проводились состязания по дзюдо и гандболу, другие спортивные мероприятия, ряд музыкальных событий, в том числе конкурс песни «Евровидение» в 2008 г. – после того как в 2007 г. его выиграла Мария Шерифович с песней «Молитва».

В наши дни арену спонсирует «Комбанк», поэтому официально она называется «Комбанк Арена». Благодаря тому, что она расположена возле главного шоссе из Белграда в Нови-Сад, арену видно с земли, а также с воздуха, поскольку маршруты многих рейсов, следующих в белградский аэропорт «Никола Тесла», пролегают неподалеку от арены.

В преддверии матча с Австралией Сербия сменила капитана команды Кубка Дэвиса. Неизвестно, действительно ли Срджан Джокович употребил свое закулисное влияние, чтобы добиться этих перемен, однако он явно имел к ним какое-то отношение, хотя инициатива исходила в основном от игроков. Деян Петрович

стал капитаном в начале 2005 г., после того как Ненад Зимонич решил, что быть и игроком, и капитаном – это слишком для команды, которая находится в двух шагах от Мировой группы и всеми силами стремится туда попасть. Петрович остался капитаном и после того, как Срджан уволил его с должности тренера Новака летом 2005 г., но с приближением матча с Австралией насчет Петровича, который в начале своей карьеры играл под австралийским флагом, возникли вопросы: подходит ли он сербской команде? Кроме того, Петровича считали слишком спокойным и отстраненным для того, чтобы быть идеальным капитаном. Игрокам он нравился, но некоторые находили его спокойствие чрезмерным.

В итоге по инициативе Типсаревича предложение было сделано Богдану Обрадовичу. Обрадович, работавший со всеми сербскими игроками, стал капитаном, а начальником команды назначили Ники Пилича (капитаном команды на Кубке Дэвиса может быть только гражданин данной страны, а на других тренеров это правило не распространяется, поэтому Пилич мог оказать помощь Сербии; он имел двойное гражданство – сербское и немецкое – и единственный из всех был капитаном команд двух стран, завоевавших Кубок Дэвиса, – Хорватии и Германии).

Матч не получился упорным, и Джоковичу не пришлось демонстрировать свою лучшую игру. Команду Австралии, в сущности, представлял один человек: Хьюитту необходимо было выиграть обе своих одиночки, а затем, вместе с ветераном Полом Хенли, взять парную встречу. Хотя после первого дня счет в матче и был 1–1, Янко Типсаревич проделал для Сербии всю черную работу, измотав Хьюитта на корте в течение пяти сетов. Хьюитт матч выиграл, но когда в субботу они с Хенли проиграли Джоковичу и Зимоничу в четырех сетах, игра фактически закончилась. Хьюитт не смог выйти на корт в первой обратной одиночке, и Джокович без труда справился с пушечной подачей австралийского левши Криса Гуччоне. Победа Джоковича 6–3, 7–6, 7–6 вызвала взрыв радости у зрителей. Сербия впервые вошла в элиту командного тенниса как Сербия (а не как Югославия): у нее появилась молодая команда, явно способная совершенствоваться, а также свой оплот – спортивная арена.

А тем временем семья Джоковича в Белграде задумалась о том, как заработать на успехе Новака. Большую часть его юности семья с трудом наскребала деньги на финансирование карьеры старшего сына, и вот теперь пришло время подкрепить эти усилия, сделав инвестиции в будущее.

Первым внешним признаком перемен стал ресторан «Новак», который открылся на расстоянии квартала от Белградской Арены.

Он существует и по сей день и украшен статуей Джоковича, подаренной ему в Шанхае на турнире ATP Masters в Шанхае в 2007 г. Всем восьми игрокам, выступавшим в финале, тогда подарили скульптуры, в точности копирующие их, но стилизованные под древнекитайскую терракотовую армию. Джокович привез свой подарок домой, чтобы установить его перед первым собственным рестораном.

Второй ресторан стал частью теннисного центра, который Джокович открыл в исторической части Белграда, начав таким образом осуществлять планы создания теннисного наследия. Ему также хотелось открыть школу тенниса, но поначалу он столкнулся с трудностями при получении земельного участка в Белграде. Тогда ему предложили участок в Крагуеваце, городе в 130 км к югу от Белграда. Мэр Крагуеваца считал, что напал на золотую жилу, объединившись с семьей Джоковича, но поскольку выбранный участок представлял собой общественный парк, который посещало множество семей и детей, оказалось, что желания мэра идут вразрез с пожеланиями людей. Народ победил, а Джокович вернулся к тому, с чего начал. Тогда он приобрел земельный участок в Белграде, которым воспользовался, чтобы заполучить права аренды на принадлежащую городу землю, где проводились студенческие игры. Город согласился вложиться в строительство комплекса, и теперь Джокович владеет школой тенниса и рестораном на земле, которую арендует у Белграда. Здесь же в 2009–2012 гг. проходил Открытый чемпионат Сербии в рамках АТП-тура.

В этой школе уделяют много внимания не только теннису, но и развитию личности учеников. Возможно, это звучит шаблонно, как из хорошего пособия по пиару, но если вспомнить, какая доля спортивного сектора Сербии в 1990-х гг. попала в руки бандитов и прочего сомнительного народа, а также принять во внимание мировоззрение самого Джоковича, такая забота о развитии личности ребенка становится понятнее.

Возможно, кое-кто считает школу прибыльным предприятием Джоковичей, а не попыткой вложиться в теннисное будущее Сербии. Верно и то и другое: в сущности, таким и должен быть бизнес – чтобы в выигрыше остались все стороны! Сербский теннисист и деятель старшего поколения Ненад Зимонич говорит: «Нам необходимо воспользоваться поколением превосходных теннисистов, которые у нас сейчас есть, чтобы сделать вклад в будущее». Во многих отношениях именно этим и занимается Джокович. Экономика Сербии сейчас в лучшем состоянии, чем в середине 1990-х гг., однако там еще далеко до крупных вложений в такие объекты далеко не первостепенной важности,

как теннисные школы. Следовательно, Джоковичу имеет смысл инвестировать средства на благо тенниса в Сербии, а если это в итоге еще и приносит прибыль лично ему и его семье, значит, такое положение дел должно устраивать всех.

В середине 2007 г. было нетрудно видеть в Джоковиче «золотого мальчика» сербского спорта. Он действительно подавал большие надежды, но в стране были еще и две «золотые девушки», которые в том году оказались несколько впереди Джоковича.

К Елене Янкович и Ане Иванович многие теннисные наблюдатели относились как к одного поля ягодам. Яркие и общительные, они сравнительно быстро достигли вершины, но затем слегка съехали с нее и с тех пор находятся в тени Джоковича.

Янкович, которая почти на три года старше Иванович, в 2001 г. была первой ракеткой мира среди девушек (в то же время, когда Янко Типсаревич был первым среди юношей), но продвигалась наверх гораздо медленнее. Ей был 21 год, когда ее выход в полуфинал Открытого чемпионата США 2006 г. возвестил, что на нее стоит обратить внимание. В 2007 г. она завоевала второй для Сербии титул Большого шлема (после триумфа Ненада Зимонича в парном миксте на Открытом чемпионате Австралии 2004 г.), выиграв в паре с Джейми Марреем микст в «Уимблдоне». По итогам года она заняла третье место в рейтинге.

Иванович – практически во всех отношениях современница Джоковича. Всего пятью с половиной неделями моложе, она в возрасте 16 лет показала свой потенциал, пройдя один круг на турнире профессионалов в Цюрихе в 2004 г. Вдобавок она произвела на всех впечатление самообладанием и уверенностью под мантией обаятельной вежливости и миловидности. Иванович всерьез заявила о себе, играя на грунте в мае 2007 г. Тогда она выиграла турнир в Берлине – в то время главный «разминочный» турнир у женщин перед Открытым чемпионатом Франции, а затем в «Ролан Гарросе» дошла до финала, где уступила Жюстин Энен. Выход Иванович в полуфинал «Уимблдона» означал, что к середине июля у Сербии появился представитель в пятерке сильнейших теннисисток мира, а в женском мировом рейтинге по итогам 2007 г. числились уже и Янкович, и Иванович. Поразительный результат для страны, все еще оправляющейся от травм, полученных в 1990-х гг.!

Теперь, задним числом, нетрудно понять, что и Янкович, и Иванович в каком-то смысле задавали темп для Джоковича. В намерения теннисисток это не входило, они играли за себя,

но роль Иванович в жизни Джоковича особенно заметна. Во время триумфальных для сербского тенниса выходных в январе 2008 г. Иванович играла в финале Открытого чемпионата Австралии, и хотя проиграла Марии Шараповой, тем не менее поднялась на второе место в рейтинге. На следующий день Джокович там же выиграл мужской титул и занял третью строчку мирового рейтинга. Позднее Иванович выбила Янкович в полуфинале Открытого чемпионата Франции, а затем обыграла Динару Сафину в финале и одним махом взяла титул Большого шлема, поднявшись на первое место в рейтинге.

Однако сразу после победы в Париже Иванович получила травму большого пальца на правой ноге, упустила момент и уже не смогла вернуть свою прежнюю форму. Несмотря на все старания в течение многих лет и отдельные хорошие результаты, она уже не походила на игрока, способного вернуться в первую мировую десятку, а тем более тройку, или завоевать еще один титул Большого шлема. Но даже если она больше не выиграет ни одного турнира, она все равно очень многого добилась. Ее стремительное падение свидетельствует о том, что во многом своим успехом она была обязана уверенности в себе, а этот хрупкий ресурс каким-то образом исчез у нее после восхождения на вершину в июне 2008 г.

История Янкович подобна предыдущей. Ее лучшим годом также стал 2008-й, в августе которого она добралась до первых строчек мирового рейтинга, вышла в свой первый финал Большого шлема на Открытом чемпионате США и завершила год в звании сильнейшей теннисистки мира. Однако у нее никогда не было по-настоящему мощного удара, вроде форхенда, которым Иванович крушила соперниц. Янкович изматывала противниц, возвращая все мячи и контратакуя, но, потратив массу усилий на то, чтобы добраться до вершины рейтинга, она, по-видимому, обессилела к тому моменту, когда оказалась там. За четыре первые недели 2009 г. Янкович лишилась первого места в рейтинге и так и не сумела вернуть его. В последние годы она выступает успешнее, чем Иванович: 2013 г. она завершила в первой десятке. Однако Янкович остается одной из трех теннисисток, которые стали первыми ракетками мира, не завоевав ни одного чемпионского звания Большого шлема в одиночке, и не похоже, что она когда-либо сможет восполнить этот пробел (две другие теннисистки – это Каролина Возняцки и завершившая спортивную карьеру Динара Сафина).

Последующие достижения Джоковича затмили успехи Иванович и Янкович, но эти две женщины заслуживают в истории его успеха не просто краткого упоминания. Одна из самых

серьезных проблем для перспективных спортсменов в любом виде спорта – надежды и ожидания, которые возлагают на них поклонники и соотечественники в целом. Наличие двух «заслонных лошадей», отвлекающих на себя все внимание, пока Джокович пробивался в высший эшелон мужского тенниса, стало для него большим преимуществом. А поскольку он ладит с обеими – особенно с Иванович, благодаря времени, проведенному вместе в детстве, – это означает, что любое соперничество между ними носит дружеский и конструктивный характер, а не превращается в ожесточенную борьбу за внимание общественности.

В результате победы в Монреале в августе Джокович поднялся на третье место в мировом рейтинге. Таким образом, он возглавил группу преследователей Федерера и Надаля, однако двоевластие этой пары было таким подавляющим, что даже выход в финал Открытого чемпионата США не мог улучшить позицию Джоковича в рейтинге.

По крайней мере, Джоковичу было гарантировано место участника в завершающем год турнире Tennis Masters Cup в Шанхае (ныне финал мирового тура АТП). На пути в Шанхай он выиграл еще один турнир – обыграл Станисласа Вавринку в финале в Вене, а затем проиграл Давиду Налбандяну в полуфинале турнира Masters в Мадриде. Однако он не сумел достойно завершить сезон в Шанхае, проиграв все три матча в своей группе – Давиду Ферреру, Ришару Гаске и Рафаэлю Надалю. Джокович уехал из Шанхая с собственной терракотовой статуей, но год, который принес ему пять чемпионских званий, оказался смазан. Тем не менее он был рад передышке после своего самого удачного года – передышке, которая продлилась целых восемь недель, поскольку он решил не играть в «разминочном» турнире перед Открытым чемпионатом Австралии.

Бесспорно, Джокович стал достойным победителем Открытого чемпионата Австралии, но, как гласит давняя, проверенная временем поговорка, даже самым лучшим нужна толика удачи. За неделю до начала австралийского первенства в Мельбурне возникли серьезные сомнения в том, сможет ли Федерер участвовать в нем, – он провел ночь в сиднейской больнице с жалобами на желудок. Симптомы болезни не поддавались диагностике, но позднее выяснилось, что это был мононуклеоз.

Выход Федерера на старт в Мельбурне – сам по себе значительное достижение, однако в появлении Федерера было что-то от Эль Сида – легендарного испанского героя, который

отправился на бой, несмотря на тяжелые ранения, чтобы внушать ужас врагу. В своих предыдущих 14 турнирах Большого шлема Федерер как минимум доходил до полуфинала и в десяти случаях завоевывал главный приз. Так что определенно стоило выступать, и к тому времени, когда в сетке осталась последняя четверка, казалось, что все идет к очередному финалу Федерер-Надаль.

Всю черную работу за Джоковича опять проделал Янко Типсаревич, некогда лидер нового поколения сербских теннисистов, которого в предыдущие 12 месяцев полностью затмили Джокович, Иванович и Янкович. Субботой раньше Типсаревич заставил Федерера играть пять сетов в матче третьего круга с 63 геймами и продолжительностью 4 часа 37 минут. Федерер выиграл решающий сет 10–8, но продержался в основном благодаря своим 39 подачам на вылет, которые хоть и избавили его от лишней беготни, но изнурили его и без того истощенный организм. Но это не значило, что он мог стать для Джоковича легкой добычей, и когда в первом сете Федерер подавал на сет, мало кто мог предположить, что он проиграет. Однако Джокович выиграл три гейма на одном дыхании, и Федерер начал делать невынужденные ошибки. Как только Джокович спас сетбол на своей подаче в третьем сете, он неудержимо рванулся к победе: 7–5, 6–3, 7–6. Примечателен один из комментариев Джоковича после матча: «До сих пор удивляюсь, как мне удалось сегодня справиться с напряжением», – сказал он, вероятно, имея в виду, что его проигрыш Федереру в финале Открытого чемпионата США четырьмя месяцами ранее породил опасения у зрителей и, возможно, у него самого насчет его игрового темперамента.

Еще одной огромной удачей стало то, что днем ранее Надаль потерпел поражение в первом полуфинале, в матче с колоритным французом Жо-Вильфридом Тсонгой. Для «несеянного» француза это был поистине показательный выход, он рвался в бой против Надаля и отдал испанцу всего семь геймов, играя блестяще. Так что после трех лет господства Федерера и Надаля в финалах Большого шлема в одиночном разряде (это был первый финал Большого шлема после Открытого чемпионата Австралии 2005 г., в котором ни одного из них не было) турнир завершался поединком молодого претендента с почти неизвестным новичком.

Неожиданно Джокович оказался фаворитом. Он не только был посеян на турнире под третьим номером и занимал третье место в мировой квалификации, но и уже имел опыт игры в финале Открытого чемпионата США четырьмя месяцами ранее. Для француза же все это были совершенно неизведанные воды. Но когда Тсонга выиграл первый сет двумя невероятными

ударами справа (один был обводящий удар после смэша Джоковича, другой – глубокая свеча в ответ на рывок Джоковича к сетке), стало казаться, что это – день француза.

В этом матче, не оставившем о себе воспоминаний как о грандиозном финале, были моменты яркой игры и царила замечательная атмосфера, которую создавали два выразительных теннисиста и их преданные болельщики. Это интересно само по себе. И в то время, и позднее этот финал воспринимался многими как нечто вроде незапланированного перерыва в восхитительном соперничестве Федерера и Надаля. Вероятно, свою роль сыграло и то, что оба финалиста были в черном. Правда, спереди на майках имелись рисунки, но на экране телевизора они выглядели одинаково (в то время они одевались у одного поставщика спортивной одежды), и цветотерапевтам мира стоило бы задуматься, не оставил бы этот финал более приятные воспоминания, если бы хоть на одном из теннисистов была одежда более теплых тонов.

Возможно, на восприятие этого матча повлияло также и то обстоятельство, что впервые после встречи Ллейтона Хьюитта с Давидом Налбандяном в финале «Уимблдона» 2002 г. в финал турнира Большого шлема вышли два теннисиста, демонстрирующие более или менее одинаковую технику (это была своеобразная прелюдия к будущим поединкам Джоковича и Маррея – неизменно увлекательным, но не всегда легким для просмотра). Какой бы ни была причина (или причины), телезрителям с трудом удавалось отличить одного игрока от другого во время обмена ударами с задней линии, и, возможно, именно этим объясняется тот факт, что несмотря на бесподобный теннис, который временами демонстрировали финалисты, этот матч не оставил яркого воспоминания у специалистов и болельщиков тенниса.

Джокович смог изменить ход матча, перехватив инициативу. В седьмом гейме второго сета он сделал брейк, приняв подачу соперника ударом слева на вылет, а через несколько минут мощной подачей взял второй сет. На протяжении третьего сета Тсонга пытался чаще идти к сетке после своей подачи – эта тактика принесла ему успех в матче с Надалем тремя днями ранее, – но Джокович уже играл активно на приеме и принимал подачу француза точными обводящими ударами. Серб дважды сделал брейк и вышел вперед в матче 2–1. После пяти геймов четвертого сета Джокович взял медицинский тайм-аут из-за проблем с мышцей бедра, а к этому времени залихватский стиль игры Тсонги покорил сердца большинства нейтральных зрителей на Арене Рода Лейвера, и перспектива пятого сета в матче

представлялась вполне реальной. Когда у француза был брейк-бол на подаче Джоковича при счете 5–5, атмосфера наэлектризовалась. Но Джокович, хотя и сыграл с лета слишком коротко, угадал направление ответного удара Тсонги, отыграл брейк-бол ударом с лета по диагонали и выиграл чемпионский титул на тайбрейке 7–2 с общим счетом в матче 4–6, 6–4, 6–3, 7–6.

Когда Тсонга на матчболе сыграл справа в аут и мяч приземлился в коридоре, Джокович рухнул на землю, и, переживая миг победы, распростерся на слове «Мельбурн» за задней линией корта. В этом ощущалась некоторая символичность: Мельбурн стал местом его первого в жизни матча в основной сетке турнира Большого шлема, и он же оказался местом, где Новак завоевал свой первый титул Большого шлема. Мельбурну предстояло также сделаться оплотом Джоковича: здесь успех сопутствовал ему чаще, чем в каком-либо другом месте.

У сербов появился первый чемпион Большого шлема, причем пока только мужского пола, ведь Моника Селеш выступала под флагом Югославии и была этнической венгеркой, а чемпионский титул «Ролан Гарроса» Ана Иванович завоевала только четырьмя месяцами позднее. И когда Срджан, Дияна, Марко и Джордже обнялись в ложе для игроков, а Джокович и Тсонга – возле сетки, семья окончательно убедилась, что все жертвы, принесенные, чтобы помочь Новаку взойти на вершину, были не напрасными.

Глава Восьмая
Современная Сербия

В 1989 г. Европу составляли 27 стран, не считая Исландии, двух средиземноморских островных государств Мальты и Кипра, а также горстки таких карликовых, как Монако, Андорра, Лихтенштейн, Сан-Марино и пр. Благодаря тому, что бывшие республики СССР получили независимость, а также в результате распада Югославии на шесть стран на территории Европы в настоящее время существует 42 государства (Чехословакия распалась надвое, но Западная и Восточная Германия объединились, так что с точки зрения математики эти изменения можно не брать в расчет). Людям простительны трудности, связанные с запоминанием новых стран, и зачастую только во время спортивных событий – таких как отборочные матчи чемпионатов Европы и мира – у новых государств появляется шанс продемонстрировать свой флаг широкой аудитории.

Сербия по-прежнему считается одной из малых стран Европы, но в то же время одним из больших «новых» государств. Численность ее населения, немногим превышающая 7 млн, сопоставима с численностью населения Швеции и Швейцарии (средняя численность населения одной страны Европейского союза составляет 18,5 млн человек). Ее ВВП едва достигает одной седьмой от среднего по ЕС. После приватизации экономики, ранее в основном контролируемой государством, в последние 25 лет (на самом деле – 15, поскольку войны в 1990-х гг. препятствовали внешним инвестициям) Сербия вполне преуспевала, привлекая немало зарубежного капитала, и в первое десятилетие нового века добилась приличного уровня экономического роста. Но в 2012 г. страна впала в рецессию, ее экономика, в которой преобладает сектор услуг, остается нестабильной. Европейский союз – крупнейший торговый партнер Сербии, но это приносит ей далеко не одни радости, поскольку начиная с 2011 г. в странах еврозоны бушует финансовый кризис.

Сербия подала заявку на вступление в Евросоюз, и, если переговоры завершатся успехом, она, скорее всего, войдет в него к концу десятилетия. Однако самым существенным препятствием для безболезненной интеграции выглядят не экономические причины, а скорее адаптация к некоторым гуманитарным нормам, принятым в ЕС. Возникают такие специфические проблемы, как курение. Не то чтобы вступление в ЕС обязывало Сербию запретить курение в общественных местах, хотя такой запрет

является в наши дни нормой в Западной Европе. Достаточно лишь в течение одного дня заглянуть в любые белградские кафе и рестораны, чтобы понять, насколько Сербия далека от этой нормы. А если подняться на более высокий уровень рассуждений, то стоит задать такой вопрос: способны ли носители сербского менталитета чувствовать себя как дома в экономическом сообществе, где преобладают германские народы из северной и западной части Европы (немцы, британцы, датчане, голландцы) и где страны Южной Европы являются источником экономических бед? Этот вопрос в последние годы вызывает немалую тревогу у греков и жителей Пиренейского полуострова.

Если Сербии предстоит интегрироваться в ЕС, ей придется отказаться от пережитков враждебного отношения к хорватам и этническим албанцам, проживающим в Косово. На личном уровне это не представляет проблемы, так как многие поколения сербов, хорватов, боснийцев и даже жителей Косова жили бок о бок и по сей день остаются добрыми друзьями. Но по-прежнему существующие трения между сербами и албанцами, особенно в косовской столице Приштина, говорят о том, что до полной нормализации отношений еще весьма далеко.

И когда сербская и хорватская национальные футбольные команды играют друг против друга, эти матчи нередко больше похожи на войну, чем на спорт. В 1999 г. эти две сборные впервые встречались в Белграде (Сербия – по-прежнему под названием «Югославия», хотя к тому времени в ее составе оставалась лишь Черногория и в команде преобладали сербы). Матч происходил в атмосфере нескрываемой вражды. Сербские фанаты кричали хорватским «усташи», что было не совсем беспочвенно, поскольку красно-белая «шаховница» – шахматная доска на хорватском гербе, входящая в эмблему этой команды, – первоначально была эмблемой усташей, которые в начале 1940-х гг. уничтожили сотни тысяч сербов. В добавление к напряженной обстановке во втором тайме на стадионе погасли прожекторы, отчего на трибунах едва не началась паника. В конце концов освещение наладили, и матч закончился со счетом 0–0 к облегчению местной службы охраны порядка.

Два месяца спустя обе команды вновь сошлись в Загребе, причем обеим требовалась победа, чтобы сохранить шансы выйти в финальную часть чемпионата Европы 2000 г. Местные болельщики развернули гигантский транспарант с надписью «Вуковар 91» в напоминание сербам об их зверствах. Вдобавок перед матчем на поле было организовано шествие хорватских героев войны. Главным моментом стало удаление с поля сербского игрока Зорана Мирковича, который в ответ

на оскорбление хорвата Роберта Ярни схватил того за мошонку. В большинстве стран Мирковича осудили бы болельщики за то, что он подвел национальную команду в важнейшем отборочном матче. Однако Мирковича провожали с поля как героя, особенно после того, как он изобразил сербское приветствие из трех пальцев, направляясь в раздевалку. Его оскорбили, он отомстил, и его поддержали соотечественники, независимо от последствий его поведения для судьбы сборной в этом турнире.

Можно возразить, что эти матчи проходили в том 1999 г., когда закончилась война в Косово, и с тех пор многое изменилось. Но когда Сербия и Хорватия дважды встречались в 2013 г. на отборочных матчах чемпионата мира по футболу, было видно, что все остается по-прежнему. Во время первой встречи в Загребе в марте сербских болельщиков не пустили на стадион «Максимир» во избежание столкновений между фанатами обеих команд. Исполнение сербского гимна было встречено криками «Вуковар, Вуковар», а хорватские фанаты, как после хорошей репетиции, с одной трибуны кричали «убей, убей», а на другой завершали фразу – «сербов».

Конечно, все это не было санкционировано на официальном уровне, однако хорватские власти никак не препятствовали появлению огромного транспаранта с текстом: «В трудные времена, в суровой борьбе мы с честью защищали наш дом. Защитники нашей земли погибли не напрасно – вот наша земля, над ней реет наш флаг». Хорватия выиграла 2–0, что, вероятно, смягчило некоторые последствия. Шесть месяцев спустя в ответном матче обе стороны все-таки учинили потасовку, в которой участвовало 10 человек. В самом конце встречи хорват Йосип Шимунич был удален с поля за откровенную грубость по отношению к сербскому игроку Миралему Сулеймани. Сербские фанаты, на протяжении всего матча выкрикивавшие оскорбления в адрес хорватов, стали метать в покидавшего поле Шимунича петарды. А сама игра закончилась нулевой ничьей на радость службе безопасности на стадионе.

Было бы неверным полагать, что столь яростное соперничество не встречается больше нигде в Европе – конечно, встречается. Но отцы-основатели нынешнего ЕС стремились по мере сил создать культуру экономической взаимозависимости, чтобы подобное соперничество не занимало главенствующего места во взаимоотношениях между странами. Быть может, это еще одна сфера приложения сил для Джоковича, умеющего показать пример того, как неожиданное и мучительное поражение можно переносить с достоинством, не стремясь отомстить.

Важно также отметить, что футбол занимает в сербской

культуре особое место, поэтому в международных состязаниях по другим видам спорта подобного напряжения не возникает. Всего один раз со времен югославских войн 1990-х гг. Сербия и Хорватия играли друг против друга на Кубке Дэвиса. Это было в хорватском Сплите в июле 2010 г., где Сербия победила 3–1: в четвертом матче Джокович обыграл в трех сетах своего давнего друга Марина Чилича. Болельщики обеих команд страстно поддерживали своих соотечественников, но ситуация никогда не грозила выйти из-под контроля. Сербский ветеран в парном разряде Ненад Зимонич рассказывает: «У Коле никогда не возникало проблем во время игр в Хорватии. Он участвовал в турнирах в Загребе и Умаге, и хотя считается, что такой матч Кубка Дэвиса с Хорватией связан с высоким уровнем риска, безопасность обеспечивали сербские и хорватские службы вместе, и все прошло очень хорошо. Участники оказались подлинными спортсменами, с четкими представлениями о честной игре и спортивном поведении. Хорватские болельщики, конечно, расстроились, когда мы выиграли, но признали нашу победу. Это совсем не та публика, что на футболе. Соперничество есть всегда, но, думаю, многое зависит от взаимного уважения и спортивной чести».

Теннис – нередко с осуждением – называют спортом аристократов, но в данном случае аристократизм поклонников тенниса дал возможность возникнуть из яростного соперничества благородному спортивному зрелищу. Вероятно, это еще одна причина, по которой Джокович является национальным героем другого типа, нежели сербские футболисты. И не только потому, что своим характером он разительно отличается, скажем, от Синиши Михайловича (бывшего сербского футболиста, ныне тренера национальной сборной), но и потому, что Джокович выступает в том виде спорта, в котором ценится умение проигрывать достойно.

Вместе с тем было бы неправильно обходить молчанием вспышки насилия между сербскими и хорватскими болельщиками на Открытых чемпионатах Австралии в последние годы. В 2007 г. со стадиона «Мельбурн Парк» было выдворено 150 фанатов, которые дрались и бросали друг в друга стеклянные бутылки на территории парковой зоны, популярного места среди австралийских семей и туристов. Единственной причиной драки был проходивший в тот день матч Марина Чилича из Хорватии с сербом Ильей Бозоляцем. Следующие конфликты случились в 2009 и 2010 гг.: один – в день поединка серба Типсаревича с хорватом Чиличем, другой – возле корта, на котором серб Виктор Троицкий сражался с испанцем Альберто Мартином.

Все «сербские» и «хорватские» участники потасовки 2007 г. тем же вечером давали интервью местному телевидению и говорили с ярко выраженным австралийским акцентом – свидетельство того, что эта вспышка насилия имела мало отношения к современной Сербии и гораздо больше – к этническим конфликтам в среде эмигрантов. Тем не менее в ней отразились скрытые националистические настроения, до сих пор существующие в Сербии.

Вопросы расизма в связи с Сербией возникают часто, но подходить к ним надо с осмотрительностью.

Сербия подверглась строгому наказанию УЕФА после того, как ее молодежная сборная по футболу проиграла англичанам в Крушеваце в октябре 2012 г. Этот матч сопровождался постоянным расистским скандированием и завершился массовой дракой с участием игроков и тренеров после финального свистка. На темнокожего футболиста английской команды Дэнни Роуза на протяжении всего матча сыпались расистские оскорбления; при каждом попадании к нему мяча неслись вопли «убей его, убей его», было зарегистрировано еще несколько не столь вопиющих эпизодов. УЕФА определила меру наказания четырем сербским игрокам (и двум английским), оштрафовала сербскую футбольную ассоциацию на 85 тыс. евро и постановила, что следующий домашний матч молодежная сборная Сербии проведет за закрытыми дверями. Некоторые в Западной Европе (особенно в Англии) сочли это наказание чересчур мягким, и, возможно, они правы, но в этом случае требуется учитывать контекст.

Спортивный обозреватель Джонатан Уилсон, избравший своей специализацией восточноевропейский футбол, указывает на некорректное различие, якобы существующее между расизмом, объектом которого являются чернокожие, и расизмом, направленным против цыган. Он подчеркивает, что Сербия никогда не была империей, не участвовала в работорговле и почти не имела дела с чернокожими, зато для нее с давних пор характерна дискриминация цыган, кочующих и оседлых, к которым относились и как к жертвам, и как к агрессорам. «Люди в западноевропейских странах не приемлют пренебрежительного отношения к проблеме расизма, направленного против чернокожих, – говорит Уилсон. – Но им, в свою очередь, можно поставить в вину то, что они недооценивают степень расизма, направленного против цыган, точно так же как сербы смотрят сквозь пальцы на расизм против черных. Ни то ни другое неприемлемо. Любой расизм – прискорбное явление: нельзя уделять основное внимание

проблеме только того расизма, который более известен западноевропейцам. С другой стороны, Футбольному союзу Сербии нельзя использовать в качестве предлога отсутствие должного внимания к проблеме расизма по отношению к цыганам, чтобы не обращать внимания на расистские тенденции по отношению к темнокожим спортсменам».

Той же точки зрения придерживается корреспондент «Би-би-си» в Белграде Гай Де Лони. Вскоре после печально известного матча молодежных сборных Сербии и Англии он сделал вывод: «Здесь, возможно, существует иное отношение к расизму. После матча в Крушеваце я беседовал с часто путешествующими сербскими журналистами, знающими английский язык. „Да ладно, – говорили они. – Несколько дразнилок в адрес черного игрока – это не расизм, они просто пытались заставить игрока нервничать“. Такая точка зрения изумила меня, но, возможно, это связано с моим британским воспитанием».

Хотя о роли спорта в Сербии рассказано в следующей главе этой книги, здесь хотелось бы привести другой пример из области спорта – историю с Синишей Михайловичем и Патриком Виейрой. Их случай наглядно показывает всю сложность проблемы расизма в Сербии, несмотря на то, что этот громкий публичный скандал произошел в чрезвычайно напряженной атмосфере за пределами Сербии.

Ссора вспыхнула во время матча Лиги чемпионов в 2000 г., когда римский «Лацио» играл против лондонского «Челси». В «Лацио» играл Михайлович, неуравновешенный и упрямый сербский националист, в наши дни тренирующий национальную сборную Сербии. После матча чернокожий французский полузащитник «Челси» Патрик Виейра обвинил Михайловича в том, что во время игры тот назвал его «черным дерьмом». Михайловича, известного своими провокационными заявлениями, у которого (как у Джоковича) отец серб, а мать хорватка, считают на родине чем-то вроде национального героя. После того как хорваты в 1995 г. отвоевали Вуковар, ему удалось скрыться из города не без помощи сербского преступного авторитета и полевого командира Аркана. В итоге всегда есть опасность, что о Михайловиче будут судить по его репутации, а не на основании фактов, однако его слова в свое оправдание заслуживают внимания.

Михайлович заявил, что Виейра оскорбил его, обозвав словом «zingaro», означающим «цыган». В Италии это слово служит презрительной кличкой в отношении не только цыган, но и выходцев из южнославянских народов. Михайлович объяснил Джонатану Уилсону:

«Да, я оскорбил Виейру, но лишь в ответ на его оскорбления. Он назвал меня „цыганским дерьмом“, а я ответил, что он „черное дерьмо“. Я горжусь тем, что я цыган, поэтому я не в обиде и не понимаю, с какой стати он обиделся на то, что я назвал его черным. Виейра провоцировал меня с первой минуты, и каким бы ни был цвет его кожи, я не намерен терпеть такое отношение к себе. Я – это я, и я отреагировал бы точно так же даже на улице. В футбол я играю с пятнадцати лет, и все это время меня били по ногам, в меня плевали, меня оскорбляли. В футболе такое случается. Если я расист, тогда и Виейра тоже».

Интересно, что Виейра так и не понес наказания, хотя слово «zingaro» или «zingara» – бесспорно расистское, в то время как УЕФА отстранила Михайловича от участия в двух матчах. Этот факт подкрепляет мысль Уилсона о том, что расизм в отношении афроамериканцев считается более тяжким грехом, чем расизм, направленный против цыган, по крайней мере, в кулуарах европейского футбола. Хотя это ни в коей мере не оправдывает поведение Михайловича, трудно не согласиться с его логикой, по которой одна форма расизма ничем не лучше другой. Во время следующего домашнего матча «Лацио» Михайлович сделал заявление прямо на поле, из центрального круга: он признал свою ошибку, выразил сожаление и добавил, что не придерживается расистских взглядов. Это заявление было вызвано тем, что одна крайне правая итальянская группировка восприняла его расистские высказывания с одобрением, и Михайлович хотел подчеркнуть, что никак не связан с ней. Тут надо заметить, что по итальянским законам он мог угодить в тюрьму на три года, так что отречение от расизма могло носить в какой-то мере тактический характер.

Другие замечания, сделанные Михайловичем по поводу инцидента с Виейрой, показывают, что его главная претензия заключалась в том, что Виейра вынес на публичное обсуждение то, что следовало оставить на поле, заговорил о случившемся на пресс-конференции. Отсюда следует, что Михайлович придерживается средневекового, а то и бандитского нравственного кодекса, согласно которому честь надо защищать, а за оскорбления – мстить. Поскольку соотечественники-сербы демонстрируют любовь и привязанность к Михайловичу и высоко ценят его, остается лишь гадать, не вредит ли этот скрытый трайбализм интересам страны, стремящейся стать членом современного европейского экономического сообщества.

Но следует принять во внимание и более широкий смысл, который вкладывает в свое высказывание Джонатан Уилсон. Расизм по-прежнему остается проблемой европейского футбола,

и, несомненно, она значится в списке задач, которые предстоит решить Футбольному союзу Сербии. Однако Уилсон считает, что Футбольному союзу простительно то, что его внимание отвлекли дела поважнее.

В октябре 2010 г. в Генуе состоялся отборочный матч чемпионата Европы между командами Италии и Сербии. Матч начался с опозданием, и уже через несколько минут его пришлось остановить, потому что сербские хулиганы разбушевались, но, если обратиться к контексту, можно увидеть, что на фоне футбольного поединка происходило много чего другого. В частности, транспарант «Косово – это Сербия» на трибунах. Кроме того, матч состоялся в то время, когда Хиллари Клинтон (в то время госсекретарь США) вылетела в Белград для переговоров по проблемам Косова. Некоторые болельщики были разгневаны тем, что сербский вратарь Владимир Стойкович перешел в клуб «Партизан», а раньше играл в «Црвене Звезде», – поступок, который многие сербские националисты расценили как предательство. Сложите все перечисленное вместе, и вы поймете: для того чтобы держать футбол в стране на плаву, Футбольному союзу Сербии приходится бороться с хулиганством и организованной преступностью, с практикой договорных матчей, коррупцией и систематическим насилием, в том числе и на этнической почве. Это не оправдание расовой дискриминации в сербском футболе, а скорее объяснение, почему у Футбольного союза Сербии могут найтись более приоритетные задачи.

Если элементы расизма до сих пор сохраняются в сербском обществе, каково же тогда отношение там к другим меньшинствам? По западноевропейским меркам взгляды на гомосексуализм выглядят архаичными, хотя недавние дискуссии об однополых браках показали, что и в Западной Европе (особенно в Великобритании и Франции) многие до сих пор неоднозначно воспринимают сексуальные отношения между людьми одного и того же пола. Когда гей-парад в Белграде, намеченный на сентябрь 2013 г., отменили уже третий год подряд, власти поспешили заявить, что это решение было принято из соображений безопасности после угрозы проведения альтернативных маршей со стороны правых и военизированных групп. Если учесть, что Сербия претендует на членство в ЕС и ее законодательство находится под пристальным вниманием со стороны Европейской комиссии, вероятно, это был наиболее разумный выход из ситуации. Но в действительности отмена гей-парада была широко поддержана по всей Сербии, где православная церковь по-прежнему играет видную роль, а это

говорит о том, что терпимость к сексуальным меньшинствам находится здесь в зачаточном состоянии.

Одна из национальных черт, в которой часто обвиняют сербов – и многие охотно признают справедливость этого обвинения, – комплекс жертвы. По мнению Уилсона, сербы «упиваются ролью жертв Европы», и в своей увлекательной книге «За кулисами» (Behind the Curtain) он пишет: «Неуверенность в себе – определяющая характеристика сербского футбола: сборная Сербии чаще других европейских команд проигрывает, теряя по ходу игры хладнокровие, а с ним и преимущество». Он полагает, что этот комплекс жертвы проистекает из поражения Сербии в Косово в 1389 г., в результате которого некогда независимая страна оказалась во власти Османской империи: «Это поражение занимает центральное место в сербской психике: сербы – несправедливо угнетенные, но блистательные неудачники».

Корреспондент «Би-би-си» в Белграде Гай Де Лони усматривает первопричину в не столь давних временах, но тем не менее утверждает, что ощущение себя жертвами остается совершенно реальным для сербов.

«Отчасти оно вызвано тем, что происходило с сербами во время Второй мировой войны. В Хорватии фашисты-усташи уничтожали сербов десятками и даже сотнями тысяч. Об этом не забыли, и когда в начале 1990-х гг. хорватский национализм возродился, сербы, живущие в Хорватии, были в ужасе. Конфликт, казалось, погасший в 1945 г., возобновился в 1991 г. Даже когда речь заходит о Гаагском военном трибунале, в Сербии считают, что с сербами обходятся гораздо строже, чем с другими преступниками, особенно с точки зрения условий освобождения под залог. Они видели, как Хорватия и Косово тратили миллионы на защиту своих военачальников и добивались оправдательных приговоров, в итоге главными злодеями оставались сербы. Но они не забудут отметить, что во время конфликта в числе перемещенных лиц сербов было больше, чем людей любой другой национальности».

Де Лони также отмечает, что «принято считать, что сербы ленивы, однако все они помешаны на физической активности. Молодежь, демонстрирующая склонность к какому-либо виду спорта, рискует попасть в спортивный лагерь, иногда даже при отсутствии каких-либо способностей».

Все это спекулятивные точки зрения, основанные на опыте общения с ограниченной группой лиц, едва ли являющиеся результатом сколько-нибудь углубленного социально-антропологического анализа. Большинство тех, кто приезжает

в Сербию, встречают здесь дружелюбных, если не эмоциональных людей, в большинстве своем занятых хлопотами повседневной жизни куда больше, чем переживанием по поводу заниженной самооценки, проявлениями расизма или национального превосходства. Есть одна характерная особенность, которую наверняка отметят гости Сербии: стойкое ощущение «это мой город, а ты здесь гость», которое побуждает местных жителей брать расходы на себя, когда приезжим кажется гораздо более разумным оплачивать все из своего кармана. Но этот недостаток легко простить, так как он объясняется желанием оказать радушный прием.

Сербия, по сути, вполне готова к тому, чтобы интегрироваться в европейское сообщество. Она говорит на том же языке, что и многие ее соседи, поэтому ей легко навести мосты для общения с соседними государствами (не только с бывшими югославскими республиками, но и с Россией на севере и на востоке). Вдобавок она уже сейчас представляет собой серьезный объект для инвестиций со стороны многих ведущих международных компаний. Учитывая добросовестное отношение сербов к работе, можно предположить, что есть все условия для того, чтобы Сербия, правильно разыграв свои карты, смогла существовать в условиях европейской экономики гораздо успешнее, нежели такие страны, как Греция, Португалия и даже Испания и Италия.

Глава девятая
В болезни и в здравии

В 1961 г. Нобелевскую премию по литературе получил Иво Андрич. Запоздалой награды удостоилась его книга «Мост на Дрине», написанная в 1945 г., но переведенная на английский лишь в 1959 г. Для романа, награжденного Нобелевской премией, это сочинение на редкость малоизвестно, хотя ситуация может измениться, когда его экранизация, выполненная Эмиром Кустурицей, выйдет в конце 2014 г. (в мире искусства Кустурица играет почти такую же роль, как Джокович в мире спорта: этот сербский кинорежиссер объясняет миру, что Сербия – не только олицетворение зверств, хотя Кустурица действует в этом плане гораздо грубее и резче Джоковича).

В книге рассказывается изобилующая трагическими событиями история боснийского города Вишеграда, находящегося у самой боснийско-сербской границы; повествование охватывает период протяженностью 300 лет – начиная с того момента, когда в начале XVII в. через реку Дрину был построен мост. Это беллетристика, но прочно опирающаяся на исторические факты. Многие называют этот роман неплохим прологом к сложной и яркой истории Балкан: хотя Вишеград – боснийский город, многие его проблемы типичны для всех бывших югославских республик. В 1878 г., по соглашению, согласно которому Сербия и Черногория обрели независимость, Босния перестала быть частью Османской империи и сделалась частью Австро-Венгерской. В этом слегка сокращенном отрывке из книги описывается, как отразилась эта передача на жизни сонного городка:

«[С осени армия начала уходить], в то же время начинали прибывать чиновники, мелкие и крупные служащие с семьями и прислугой, а за ними ремесленники и разные специалисты, каких никогда раньше не было в наших краях. На первых порах они наплывали случайными волнами, занесенные попутным ветром, чтобы побыть у нас какой-то срок, живя жизнью, которой здесь жили от века, и силами цивильной власти продлить еще на некоторое время оккупационный режим, установленный армией. Между тем с каждым месяцем число чужеземцев-новоселов возрастало. Но не столько многочисленность пришельцев поражала местных жителей, повергая их в недоумение и растерянность, сколько их непонятные и безграничные планы и неистощимое рвение и настойчивость

в их осуществлении… казалось, они вознамерились невидимой, но все более ощутимой сетью законов, предписаний и установлений опутать самую жизнь вместе с людьми, животными и неодушевленными предметами; все переделать и изменить вокруг себя, начиная с внешнего облика города и кончая поведением и нравами людей от колыбели до могилы… Занимались они с виду все какими-то пустячными и просто бессмысленными делами. Обмеряли луговину, метили деревья в лесу, обследовали отхожие места и сточные канавы, смотрели у лошадей и коров зубы, проверяли аршины и гири, расспрашивали людей про болезни, про количество и названия плодовых деревьев, про породы овец и домашней птицы»[1].

Андрич объективно излагает точку зрения местных жителей на историю модернизации Вишеграда новыми австрийскими правителями. Можно смотреть на это как на попытку насадить немецкий порядок и дисциплину, чуждые балканской культуре с ее позицией «живи и не мешай жить другим». И правда, этот милый и сонный образ жизни, где домам ни к чему номера, потому что «и так все знают, где дом священника или башмачника», крайне притягателен как противоядие безликости существования в большом городе. Но современное промышленно развитое общество возникает только с появлением очень большого количества людей, образ жизни которых в определенной степени диктуется гражданскими властями, и то, что Андрич описывает как происходившее в Вишеграде, в конечном итоге сделалось типичным для всех Балкан.

Почему все это имеет отношение к истории Джоковича? Потому что ему присуща черта, отличающая его от соотечественников-сербов. Поговорите с кем-нибудь из них, да и с любым жителем Балкан, и они охотно признаются в такой национальной черте, как ощущение себя жертвой. И не переводя дыхания заведут разговор о том, как несправедливо с ними обошлись в Гааге, когда давали оценку преступлениям во времена войн в Югославии в 1990-х гг. Как будто им позарез необходимо либо винить кого-нибудь, либо упиваться собственной ролью жертвы. В романе «Мост на Дрине» Андрич описывает группу женщин, провожающих сыновей в армию: «Казалось, причитания и слезы были им так же дороги, как и тот, по которому они так убивались». Именно это имеет в виду английский футбольный обозреватель, журналист Джонатан Уилсон, когда пишет в своей книге «За кулисами» о том, что сербы «упиваются ролью жертв Европы» и считают себя «несправедливо угнетенными, но блистательными неудачниками».

Пожалуй, углубляться в вопросы национальных черт

и стереотипных представлений слишком рискованно, однако ясно, что в психике Джоковича нет места для виктимности, рыданий и роли «блистательного неудачника». Он слишком рано понял: если он хочет достичь вершин в теннисе, ему необходимо быть дисциплинированным и абсолютно профессиональным в подходе к своему делу. Елена Генчич рассказывала, как в шестилетнем возрасте он явился на первую тренировку с полностью собранной сумкой (не забыл даже банан!). Ники Пилич назначил Джоковичу тренировку на два часа дня и обнаружил, что тот начал разминаться за двадцать минут до того. Марк Вудфорд, проработавший с Джоковичем три месяца в 2008 г. в роли консультанта, говорил, что Джокович «впитывал, как губка, всю информацию, которая могла ему пригодиться».

Интересны и слова Деяна Петровича. Этот выросший в Австралии серб так описывает свою первую встречу с 14-летним Джоковичем:

«Первым, на что я обратил внимание, были его профессионализм и преданность спорту. Впервые мы встретились в „Партизане“ [белградском спортивном клубе, где Джокович иногда тренировался], я пришел на 15 или 20 минут раньше и увидел, как он бегает вокруг корта, делает растяжки – таким он и был, перфекционистом во всем. Я увидел, что он не „из Сербии“ – будь он типичным сербом, пришел бы вовремя или опоздал на несколько минут. Сразу же было ясно, что он не похож на местных. Он всегда говорил мне, что обучение в теннисной школе Пилича в юном возрасте, да еще на таком важном этапе спортивной карьеры сотворило с ним чудо – научило помнить, что лежит у него в сумке, приходить вовремя, разминаться, растягиваться. Но у него, вероятно, уже имелись все эти задатки».

Вместе с тем через всю историю Джоковича тянется тема болезни, или, точнее, не оптимального состояния здоровья. Она достигла кульминации в 2008–2009 гг., когда во время сразу нескольких матчей Джокович брал медицинский тайм-аут или вообще отказывался продолжать игру, и стала главной темой послематчевых интервью с ним на Открытом чемпионате США.

Если не считать матча против Мохамеда Мамуна из Египта на турнире Futures в 2003 г., Джокович снимался в середине игры 11 раз: четыре раза на турнирах Большого шлема, два раза на Кубке Дэвиса, дважды на турнирах серии Masters 1000 и три раза на состязаниях более низкого уровня. Частота отказов постепенно снижалась по причинам, которые вскоре получат объяснение: его отказ продолжить четвертьфинальный матч на Открытом чемпионате Австралии в 2009 г. стал для него

восьмым и с тех пор повторялся всего три раза (на момент выхода этой книги из печати). Как бы то ни было, Джокович все равно опережает по этому показателю других теннисистов из первой мировой десятки. Томаш Бердых и Жо-Вильфрид Тсонга снимались во время своих матчей по четыре раза каждый, Рафаэль Надаль и Хуан Мартин дель Потро – по два, Роджер Федерер – один (хотя он дважды вообще снимался с соревнований).

Статистических данных по количеству обращений игрока к врачу во время матча в открытом доступе нет, но к 2008 г. Джокович приобрел известность как теннисист, который берет медицинский тайм-аут так часто, что это стало производить впечатление тактической уловки. Рикардо Пьятти, тренировавший Джоковича с июля 2005 г. по май 2006 г., говорит, что зачастую здесь и вправду не обходилось без тактики. «Иногда ему становилось трудно дышать носом, – вспоминает Пьятти. – Перед отъездом в Америку я предупредил его, что там будет очень жарко и влажно и что ему придется нелегко. В Цинциннати и вправду стояла страшная жара, а во время первого круга Открытого чемпионата США было еще и влажно, а он играл пять сетов против Гаэля Монфиса. Я посоветовал ему позвать врача, если ему станет трудно дышать, да и отдохнуть заодно». В начале пятого сета после обмена ударами Джокович упал и позвал врача. Пьятти утверждает, что Джокович просто последовал его совету, чтобы выиграть время. Ему повезло: врачу понадобилось 12 минут, чтобы прибыть на корт; к тому времени Новак немного остыл и дышал уже свободнее, поэтому после массажа ноги он вернулся на корт и обыграл француза 7–5 в пятом сете.

Пьятти отвез Джоковича в Милан к отоларингологу, лечившему итальянского футболиста Андреа Пирло, у которого была такая же проблема. Специалист выяснил, что у Джоковича двойное искривление носовой перегородки, и посоветовал операцию. Эта операция состоялась в ноябре 2005 г. после завершения теннисного сезона и в целом оказалась успешной, хотя медицинские тайм-ауты продолжались.

В сентябре 2006 г., во время матчей плей-офф на Кубок Дэвиса в Сербии, играя в день открытия против швейцарца Станисласа Вавринки, Новак проигрывал 1–2 по сетам, и по окончании третьего сета позвал врача, чтобы тот сделал ему массаж ног. Встреча в итоге закончилась победой Джоковича в пяти сетах, но товарищ Вавринки по команде Роджер Федерер при виде того, что он счел чистой симуляцией, пришел в такое негодование, что сперва обыграл Джоковича в своем матче 6–3, 6–

2, 6–3 и обеспечил тем самым общую победу своей сборной, а затем обрушился на серба с обвинениями. «Не верю я этим его травмам», – заявил он на главной пресс-конференции после матча, вызвав смешки у собравшихся журналистов. «Не вижу ничего смешного, – добавил он с укоризной, – я не шучу. По-моему, это просто анекдот, эти его травмы. Правила существуют для того, чтобы соблюдать их, а не злоупотреблять ими. Но он проделывал свои штучки столько раз, что мне просто надоело смотреть, как он сперва притворяется, а потом снова скачет как кролик. Я с радостью пожал ему руку, потому что я действительно рад, что обыграл его». Позднее в неофициальной беседе со швейцарскими журналистами Федерер признался: «В пятницу я был раздражен, когда он ломал комедию в матче против Вавринки. 95 % игроков пользуются этими передышками честно, а он – нет, так что правила пора менять».

Хотя Джокович отрицал, что симулировал в матче против Вавринки, и через несколько недель в Мадриде они с Федерером помирились, он уже попал под подозрения. Всякий раз, когда в разгар матча он брал медицинский тайм-аут, журналисты и комментаторы гадали – кто-то вслух, кто-то про себя, – что за травма на этот раз: настоящая или тактическая? Вопрос встал ребром на Открытом чемпионате США в 2008 г., когда Джокович, играя в четвертом круге против Томми Робредо, дважды звал врача, жалуясь на бедро, голеностоп, желудок и проблемы с дыханием. Джокович выиграл матч в пяти сетах и вышел в четвертьфинал. Его соперник должен был определиться в тот же день после матча между Энди Роддиком и Фернандо Гонсалесом.

Когда Роддик выиграл этот матч, в интервью на корте его спросили про предстоящий четвертьфинал, ведь у Джоковича столько жалоб на здоровье. Интервьюер стал перечислять их и начал с травмы лодыжки, но тут остроумный Роддик перебил его: «А разве не обеих лодыжек? И спины, и бедра? А судороги?» и тут же продолжил: «Птичий грипп? Сибирская язва? Атипичная пневмония? Кашель и простуда? Если у него что-то болит – значит, болит. Он – самый отважный человек на свете. По-моему, это вам решать. Я могу особо не волноваться – у него уже сейчас около 16 травм».

В четвертьфинале Джокович обыграл Роддика в четырех сетах, хотя ему повезло, что обошлось без пятого: в четвертом сете Роддик подавал на сет, но дважды допустил двойную ошибку, позволив сербу соскочить с крючка. Так что теперь пришла очередь Джоковича давать интервью на корте. «Это некрасиво – заявлять во всеуслышание, что у меня 16 травм

и что я притворяюсь, – сказал он. – Против меня уже ополчились, считая, что я притворяюсь всегда». Джокович покинул корт под неодобрительный гул – всего через год после того, как зрители в «Флашинг Медоуз» восхищались его пародиями, в том числе подражанием нервным тикам Роддика. Как большинство бурь в стакане, и эта утихла довольно быстро. Роддик сказал, что он пошутил, Джокович извинился за слишком болезненную реакцию, и на этом все закончилось.

Но проблема никуда не исчезла. На следующем турнире Большого шлема, Открытом чемпионате Австралии в 2009 г., эти двое вновь встретились в четвертьфинале, и на этот раз выиграл Роддик, а Джокович снялся во время четвертого сета, ссылаясь на «судороги и боль во всем теле». Так, меньше чем за четыре года Джокович прерывал свои матчи восемь раз. Да, ему хватало обаяния, чтобы извиниться и помириться за кулисами, однако он приобретал репутацию игрока, у которого не хватает духу сражаться, или, на более циничный взгляд, который предпочитает отказывать противнику в победном ударе, покидая корт до завершения матча. На пресс-конференции после этого матча на чемпионате Австралии его спросили, не лучше ли ему научиться больше доверять собственному организму, чтобы играть, не обращая внимания на мелкие неудобства. Джокович ответил:

«Вам легко говорить. Окажись вы на моем месте, я бы с удовольствием послушал, что вы думаете о теннисе. Но я уже два года как профессиональный теннисист. Нет никаких сомнений в том, что у меня есть стимул, воля и желание играть до конца и защищать свой титул. Это не вопрос: все перечисленное у меня есть. Разум требует от меня продолжения. Я мог бы сняться еще до конца второго сета, потому что почувствовал себя по-настоящему плохо. Я продолжал играть в надежде, что врач мне сможет помочь. Но боли не проходили».

В последующие два года Джокович вернул себе физическую форму и здоровье. Причем настолько, что в 2011 г. выиграл три из четырех турниров Большого шлема и одолел Надаля в знаменитом финале продолжительностью 5 часов 53 минуты на Открытом чемпионате Австралии в январе 2012 г. Следовательно, можно было предположить, что поворотный момент в отношении теннисиста к собственному здоровью наступил где-то в 2009–2010 гг. и сыграл ключевую роль в истории его успеха. Но это не вполне верное предположение. Если что-то и произошло в 2009–2010 гг., то лишь то, что он наконец-то решился взять под серьезный контроль проблемы,

мешавшие ему то в большей, то в меньшей степени с тех пор, как он начал играть, – проблемы здоровья.

Елена Генчич первой заметила, что весной, с началом сезона цветения, у маленького Новака всегда начинается аллергический ринит. Матчи на грунтовых кортах давались ему с особым трудом. «Я водила его к разным врачам, – рассказывала она, – и один сказал, что у него искривление носовой перегородки. Поэтому родители организовали соответствующую операцию. После этого ему стало гораздо легче. Еще я твердила: „Не тренируйся там, где растет амброзия“, поскольку это растение плохо действовало на него». По-видимому, из этого следует, что Джокович перенес две операции на носовой перегородке: одну предложила Генчич, когда он был еще ребенком, другую – Пьятти, когда ему было 18 лет. Некоторые недомогания, которые якобы замечала Генчич, выглядят как цитаты из записной книжки знахарки. «Когда в Будапеште во время турнира серии Challenger ему стало очень плохо, – рассказывала она, – оказалось, что он отреагировал на котовник, растущий возле корта. Меня спросили, что делать, и я сказала: „Делать промывания соленой водой из Адриатического моря“».

Более серьезное беспокойство у Генчич вызывало то, что Джокович всегда недоедал, и вплоть до своей смерти в 2013 г. она тревожилась, что он по-прежнему питается не так, как следовало бы. Она утверждала, что, даже когда он стал подростком, она готовила ему обеды и звала: «Ноле, Ноле, приходи поесть». А он говорил: «Еца, ты только никому не рассказывай, но я съел все чевапчичи» (чевапчичи – типичное балканское мясное кушанье, вероятно, турецкого происхождения). Кроме того, Генчич водила его к гомеопату, который посоветовал Джоковичу не употреблять глютен. Ровно то же самое сказал ему другой врач, но теперь Новаку было уже за двадцать, и, судя по всему, он решил прислушаться, и его организм ответил на это большой благодарностью. Проблемы со зрением обнаружились у него лишь в возрасте 18 лет – благодаря наблюдательности одного из тренеров.

Иными словами, мальчик с превосходной моторикой, врожденными способностями к теннису и жгучим желанием стать первым в мире был наделен организмом, который частенько мог его подвести. Многие люди, наблюдавшие за Джоковичем, когда он еще только готовился покорять свои вершины, считают, что именно в этом была причина всех предосторожностей, медицинских тайм-аутов и отказов от продолжения матчей, что так раздражало зрителей, журналистов и соперников.

Ненад Зимонич был игроком и капитаном сербской сборной

на Кубке Дэвиса, первым позвал Джоковича в команду. Он рассказывает: «Новак всегда был мысленно нацелен на первое место в мире. Он думал о победе на турнирах Большого шлема и других крупных турнирах, всегда заботился о своем здоровье и организме, поэтому не желал рисковать, когда чувствовал, что есть хотя бы малейший шанс заработать травму. Поиски причин, вызывающих проблемы с аллергией и глютеном, а также достижение уровня физической формы, необходимого для состязаний на высоком уровне, шли медленно, но верно. Когда он впервые выиграл Открытый чемпионат Австралии, он был еще очень молод и не слишком силен физически».

Такого же мнения придерживается Иван Любичич – близкий друг Джоковича и его спарринг-партнер на тренировках с Риккардо Пьятти. «Новак стал сильнее физически, – говорит Любичич, – а чем крепче вы физически, тем сильнее психологически. Я не говорю, что он стал другим человеком; я вижу, что он иначе стал действовать в определенных ситуациях, но это по-прежнему он. Он чрезмерно заботлив по отношению к себе, поэтому люди иногда считают, что он притворяется или симулирует, а он просто бережет себя. Иногда его действия понимают превратно. Не думаю, что он когда-либо симулировал травму, просто в некоторых обстоятельствах его реакция выглядит преувеличенной, но это, по-моему, нормально».

Но даже если действия Джоковича можно объяснить осторожностью, это не значит, что они шли ему на пользу. В начале 2007 г. он обратился за помощью к Марку Вудфорду, ранее превосходно выступавшему в парном разряде и полуфиналисту в одиночке Открытого чемпионата Австралии. Джокович тогда хорошо чувствовал свое слабое место – выход к сетке, и кроме того, ему все еще не хватало опыта участия в самых важных матчах. Вудфорд был тренером Джоковича в 2007 г., когда тот вышел в полуфинал «Уимблдона». «Он начинал сознавать, что должен уделять больше времени физической подготовке, – рассказывает Вудфорд. – Он постоянно сравнивал себя с Рафой и Роджером и спрашивал: „Как им удается продержаться пять сетов?“, „Откуда они берут дополнительные силы?“. Он уже хорошо выступал в турнирах Большого шлема, но не выдерживал физического напряжения и сходил с дистанции в четверть– и полуфиналах, потому что к этому времени его уровень падал по сравнению с первым днем соревнований».

Отыграв пять матчей в растянувшемся по времени дождливом «Уимблдоне» 2007 г. и испытывая нехватку времени для нормального восстановления между играми, Джокович

обнаружил, что у него на мизинце левой ноги воспалился волдырь. Вудфорд объясняет:

«Он несколько раз брал медицинский тайм-аут и из-за этого постоянно терзался сомнением, поступает ли он по-спортивному честно, а когда дошел до полуфинала, то обнаружил, какое воспаление образовалось у него на мизинце стопы. Я увидел этот палец и ужаснулся – трудно было понять, как ему вообще удавалось передвигаться. Он начал говорить о том, чтобы отказаться от матча с Надалем, потому что едва ходил и совсем не спал. Мне хотелось умолять всю команду, чтобы она убедила его идти до конца. Я сказал Ноле: „Если ты каждый раз будешь отказываться от матча, когда не в силах играть, ты не узнаешь, в каком состоянии твой противник – может, у него ситуация такая же, как у тебя, и он может сняться в любую минуту“. И я посоветовал ему дать себе шанс. От частых матчей палец, конечно, распух еще больше, и наверняка у него в голове крутились мысли: „Я не могу быть на уровне, а если я не могу с ним играть на равных и победить, то я не должен выходить на матч“. Тогда я заявил: ты должен выйти и сыграть, хотя бы попытаться – это же полуфинал «Уимблдона», здесь нельзя не играть! Наверное, он сделал обезболивающий укол, потому что вышел на матч».

Более того, он выиграл первый сет, но как только Надаль сообразил, что Джокович двигается с трудом, то усилил нажим, и когда в третьем сете испанец повел 4–1, Джокович смирился с поражением.

Но все попытки, потраченные на то, чтобы убедить Джоковича выйти на корт ради этого матча, обернулись для Вудфорда острой критикой со стороны его соотечественников-австралийцев. «Друзья приходили ко мне и говорили: „Как ты можешь продолжать работать с тем, кто уходит с полуфинала в „Уимблдоне“? Что ты ему говоришь? Как ты допустил такое?“. Мы в Австралии придерживаемся следующей позиции: раз уж ты вышел на корт, значит, можешь играть. И играешь. Мне пришлось объяснять, что все не так просто, как кажется. Я видел его упертость – он словно спрашивал: „А как поступают Роджер и Рафа в таких случаях?“, потому что сам должен был сделать то же самое или даже больше. Но в тот раз он просто был еще не готов».

Еще два прерванных матча пришлись на начало 2008 г. После только что выигранного Открытого чемпионата Австралии Джоковича чествовали в Белграде, где он вышел на балкон резиденции президента, чтобы поприветствовать несколько тысяч взбудораженных поклонников. Почему-то в то холодное

февральское утро он вышел на морозный зимний воздух в одной тенниске и легких брюках. Этим ли была вызвана простуда, сразившая его по прибытии в Москву спустя неделю для участия в первом матче Сербии в Мировой группе Кубка Дэвиса против России, неясно: тогда вся сербская команда болела, и находившийся далеко не в лучшей форме Ненад Зимонич был вынужден в первый день выступать в одиночке, хотя не играл синглы уже много лет. Весь тот день Джокович просидел на скамейке, но на следующий день составил пару Зимоничу, и они выиграли свою встречу. Затем Джоковичу было необходимо обыграть Николая Давыденко, чтобы довести матч до решающего пятого поединка. Джокович играл блестяще, взял два первых сета, но уступил в третьем. А затем он снялся, сославшись на простуду. Ни капитан Богдан Обрадович, ни руководитель команды Ники Пилич не ожидали, что он примет решение покинуть корт – Джокович просто остановил матч. Непонятно, было ли в его планах отыграть только три сета и остановиться. Однако случившееся подтвердило его репутацию спортсмена, который способен отказаться от дальнейшей борьбы, если она затягивается слишком надолго.

Играя против Федерера в финале в Монте-Карло, он покинул корт из-за «проблем с дыханием» после пяти геймов второго сета. Этот уход вызвал новую волну нападок и, вероятно, подготовил почву для его стычки с Роддиком на Открытом чемпионате США пять месяцев спустя.

Если и был момент, когда Джокович осознал, что может чего-то добиться, не прекращая матчи, то он наступил на Открытом чемпионате Австралии в 2010 г. Год спустя после отказа продолжать четвертьфинал против Роддика Джокович сыграл еще один четвертьфинал и проиграл его Жо-Вильфриду Тсонге в пяти сетах. На этот раз у Джоковича имелись все причины сняться: его мучили острые желудочные спазмы, начавшиеся во время четвертого сета, когда он вел в сетах 2–1. В один момент он неожиданно взял перерыв на посещение туалета, чего нельзя было делать по регламенту. Судья на поле Уэйн Маккьюэн подал судье на вышке знак, что эту самодеятельность следует оставить без внимания, потому что знал: если не разрешить Джоковичу сбегать в туалет, может случиться постыдный инцидент прямо на корте. Джоковича вырвало в раздевалке, и он вернулся, чтобы закончить матч, проиграв его 6–1 в пятом сете, поскольку его силы быстро таяли. История гласит, что это был его последний проигранный матч в Мельбурне – вплоть до поражения в матче со Станисласом Вавринкой в четвертьфинале 2014 г.

На этот раз на Открытом чемпионате Австралии вместе

с Джоковичем присутствовал не Мариан Вайда, а Тодд Мартин. Мартина, бывшего финалиста чемпионатов Австралии и США, привлекли в качестве консультанта, чтобы помочь Джоковичу выигрывать решающие матчи финальной части турниров Большого шлема. А поскольку Вайде хотелось проводить больше времени дома, Мартину пришлось опекать Джоковича в этой поездке в Австралию. О матче с Тсонгой в январе 2010 г. Мартин рассказывает:

«По-моему, у Новака открылось чувство ответственности. Он, безусловно, мог играть и сражаться на самом высоком уровне, но появились вещи и поважнее. Чтобы достичь того, к чему он стремился, он должен был преодолеть несколько психологических барьеров, и одним из них стала австралийская жара – тяжелейшее испытание для сердечно-сосудистой системы. Прежде всего, ему требовалось взглянуть на себя в зеркало и задаться вопросом: „Хочу ли я всегда оставаться третьим или хочу пробиться выше?“ Я считаю, хоть и не знаю наверняка, что он ответил утвердительно на вторую часть вопроса и начал работать усерднее.

Похоже, я застал его в интересный период карьеры. С одной стороны, он столкнулся с трудностями после очень стабильного и крутого взлета. А с другой стороны, после невероятной упорной работы в детстве, после того как ему удалось добиться неоспоримого мастерства, Новаку наконец представилась возможность расслабиться. Ему было действительно легко пребывать третьим в рейтинге, он отлично играл в защите, у него не было прямой необходимости учиться другим, еще не освоенным элементам игры, и вообще – сколько еще труда он хотел вкладывать в теннис? На какие жертвы он был готов для соблюдения дисциплины вне корта, чтобы на самом корте всегда показывать лучшую игру? На площадке он был великолепен. В каждый матч он вкладывал сердце и душу. Но это, в сущности, не так уж трудно. Надо вкладывать сердце и душу в тренировки и соблюдение режима в повседневной жизни – вот это действительно серьезные испытания, которые под силу только великим. Я бы сильно удивился, если бы узнал, что он сейчас не тренируется больше, чем когда я был с ним, если он не держит себя в более суровых ежовых рукавицах в отношении диеты, режима сна, всего того, чего не видят люди, которые смотрят матчи по телевизору. Сейчас он прекрасно справляется с австралийской жарой».

Во время этого матча изменилось не только отношение Джоковича к своей профессии. На острове Кипр в работе специалиста по альтернативной медицине, сербского врача Игоря

Четоевича наступил перерыв, и он включил телевизор. Была середина утра, Четоевич поймал прямую трансляцию теннисных соревнований, Джокович играл с Тсонгой на ночной сессии Открытого чемпионата Австралии. Четоевич не был поклонником тенниса, но сербские друзья посоветовали ему посмотреть игру Новака. Наблюдая за матчем, Четоевич поразился, когда услышал, как комментатор говорит о кумире его родины: «Новак опять мучается астмой».

Четоевич, специалист по аллопатической медицине, придерживающийся холистического подхода к заботе о здоровье, говорит, что он никак не мог понять, откуда у Джоковича могла появиться астма. «Мои наблюдения и опыт в сфере традиционной китайской медицины, – рассказывает он, – говорят о том, что дело тут не в астме. Мне известно, что большинство симптомов астмы, как правило, проявляются по утрам, а матч Новака проходил вечером. Кроме того, будь у него действительно астма, он не сумел бы сыграть два прекрасных сета до того, как у него сбилось дыхание. Я заподозрил, что в случае Новака проблемы с дыханием – результат дисбаланса пищеварительной системы, а именно – аккумуляции токсинов в толстом кишечнике. В традиционной китайской медицине легкие и толстый кишечник взаимосвязаны».

Человек, посоветовавший медику посмотреть на игру Джоковича, сумел связаться с теннисистом и установить контакт. В результате сербский спортсмен и сербский медик встретились в июле 2010 г. во время матча сборных Хорватии и Сербии в Сплите в четвертьфинале Кубка Дэвиса. Четоевич провел кинезиологическое обследование мышц Джоковича и для подтверждения результатов подключил пациента к «прибору биологической обратной связи», который может определить уровень стресса, токсинов из окружающей среды и регистрировать мозговые импульсы и симптомы пищевой аллергии. По результатам обследования Четоевич пришел к выводу, что организм Джоковича отрицательно реагирует на глютен, а также на молочные продукты и помидоры – настоящий подарок для сына хозяев пиццерии! (Некоторые, в том числе и сам Джокович, задаются вопросом: не переел ли Новак пиццы в детстве?) Таким образом подтвердилось давнее предположение гомеопата, к которому Джоковича водила еще Генчич. (Интересно, что Четоевичу этот факт стал известен лишь тогда, когда с ним связались по поводу этой книги.) Четоевич посадил теннисиста на диету из злаков, не содержащих глютена, свежих ягод и фруктов, орехов и травяного чая. Первым результатом новой диеты стала потеря веса, чего Джоковичу

совсем не требовалось. Однако он пунктуально следовал режиму, и вес стал прежним. Кроме того, Джокович взял на вооружение дыхательную гимнастику, которой обучил его Четоевич, – как для стрессовых ситуаций в матчах, так и для крепкого ночного сна.

Следует отметить, что в кругах специалистов по традиционной аллопатической медицине все эти методы считаются весьма спорными, а сам Четоевич числится неоднозначной фигурой. Мир аллопатии игнорирует подобную немедицинскую диагностику, а также сайт Четоевича, рекламирующий «Энергетическую медицину». Но если мир официальной медицины расценивает методы Четоевича как «альтернативные», то там, где ценятся нетрадиционные подходы к заботе о здоровье, они чрезвычайно востребованы. Кинезиологическое исследование мышц широко применяется специалистами по акупунктуре, физиотерапевтами и другими практикующими врачами; существует множество профессионалов-медиков, которые пришли к выводу, что пшеница и молочные продукты могут быть причиной серьезных нарушений функций организма. Отвечая на вопрос, не счел ли Джокович его диагноз странным, Четоевич хмыкнул: «А я вообще странный врач, мои методы отличаются от тех, которыми пользуются большинство врачей. Проблема в том, что люди привыкли считать, что не продукты, а медицина приносит здоровье, и в этом они ошибаются. Здоровье появляется при питании правильно выбранными продуктами».

Четоевич убежден, что все спортсмены экстра-класса должны исключить из рациона глютен или, по крайней мере, не есть непосредственно перед состязаниями никаких продуктов, содержащих глютен. «Это все равно что залить дешевый бензин в „феррари“, – объясняет он. – Возможно, машина все равно поедет, но плоховато. Глютен клейкий, он тормозит нас. Но сколько же теннисистов по-прежнему начинают день решающего матча с круассанов и двойного кофе!» В среде специалистов по традиционной медицине его полный отказ от глютена в лучшем случае считается рискованным подходом, а в худшем – шарлатанством. Однако китайскую медицину практикуют тысячелетиями, и теперь, в эпоху массового выращивания генномодифицированной пшеницы и прочих сельхозпродуктов, кто готов утверждать, что у людей не может развиться аллергия к глютену, которую нельзя выявить методами традиционной медицины? Тот факт, что ряд людей с аллергией на пшеницу в состоянии есть полбу (спельту) – древнюю разновидность пшеницы, не производимую в массовых масштабах

и генетически отличную от обычной пшеницы, – свидетельствует о том, что человеческий организм способен приспосабливаться к определенным типам пшеницы или к качественной пшенице, но с трудом переносит традиционную или генномодифицированную пшеницу.

Эти страницы – не самое подходящее место для подробных рассуждений о питательных и лечебных свойствах пшеницы. Но, несомненно, Джокович значительно окреп, следуя режиму, установленному Четоевичем. Возможно, его организм действительно не переносит глютена, или же все объясняется психосоматическими причинами, а может, свою роль сыграли диета и улучшение сна. Да и сами теннисные успехи вполне могли сыграть свою роль: после того как он привел сборную Сербии к победе в Кубке Дэвиса в 2010 г., он раскрепостился, стал играть в более разнообразный теннис, благодаря чему смог завоевать три титула Большого шлема из четырех и в целом доминировать в теннисе в 2011 г. Любой ученый подтвердит: если проблему помогло решить и то, и другое, и третье, то невозможно совершенно точно определить, что же явилось главным.

Об этом важно помнить, обращаясь к книге, которую Джокович издал в середине 2013 г., – в ней он рассказывает о том, как выяснилось, что его организм не выносит глютена. Содержание этой 160-страничной книги в мягкой обложке, озаглавленной «Подавай на выигрыш» («Serve to Win»), состоит, по сути, из контрглютеновой пропаганды, подтверждаемой разными случаями из жизни Джоковича. Даже если не обращать внимание на маловыразительное название, трудно назвать эту книгу литературным достижением – прежде всего потому, что первым делом начинаешь гадать, кто же на самом деле написал ее. На обложке значится фамилия Джоковича, в выходных данных – ни одного соавтора, но «голос» этого повествования определенно принадлежит не Джоковичу: слишком он сбивчив, хотя Джокович – на редкость невозмутимый оратор, вдобавок ряд шаблонных упоминаний о теннисе в отрывках, где говорится о правильном питании, вряд ли может исходить от него (в одном месте пшеница и молочные продукты названы «адским микстом» – ох!). Приводится масса ссылок на материалы исследований, но почти все они американские, а Джокович никогда не жил в Америке, и ему точно не хватило бы времени собирать материал в то время, когда создавалась книга, потому что его расписание турниров было изнурительным.

Предисловие написано Уильямом Дэвисом, доктором медицины и отцом Лорен Дэвис, американской теннисистки,

пробивающейся в женские турниры и вошедшей в первую сотню к концу 2012 г. Билл Дэвис написал бестселлер, посвященный отказу от употребления в пищу пшеницы. Стиль предисловия один в один напоминает стиль самого повествования, и это наводит на мысль, не Дэвис ли написал всю книгу от первого лица, представив ее потом на одобрение Джоковичу и попросив расцветить материал некоторыми подробностями его детства и теннисной карьеры. Дэвиса трудно винить: когда борешься за признание и выступаешь против многомиллионной транснациональной пищевой индустрии (и особенно против многомиллионного агропромышленного комплекса, в огромных количествах производящего современную пшеницу), трудно не ухватиться за возможность представить свои идеи от имени спортсмена экстра-класса. Если тому нравится видеть свое имя на обложке – почему бы и нет? Несомненно, что он заработал на этом деньги и порадовался тому, что во всем мире стало известно о его удачном опыте. На роль подлинного автора может претендовать и Стивен Перрин, упомянутый в разделе благодарностей как «редактор и соавтор», взявший ряд интервью у Джоковича в процессе подготовки книги. Кто бы ни написал ее на самом деле, она содержит полезные сведения о том, почему глютен действительно может быть вреден для вас (все люди разные, поэтому кому-то он может быть полезен) и каким образом можно в случае необходимости отказаться от его употребления. Просто немного некорректным выглядит то, что человек, чье имя стоит на обложке, на самом деле эту книгу не писал.

Возможно, причина, по которой тон книги кажется неверным, состоит не только в том, что она, скорее всего, написана не самим Джоковичем, но и в том, что по книге выходит, будто бы преодоление глютеновой аллергии стало панацеей, сделавшей его, неудачника, первой ракеткой мира. Это неверно. Даже до отказа от глютена он занимал третье место в мире, он выиграл Открытый чемпионат Австралии в 2008 г., – так что, как видим, были и другие факторы, которые помогли ему выйти из тени Федерера и Надаля и стать бесспорным мировым лидером. То обстоятельство, что он закончил матч против Тсонги, тоже имеет значение: он научился не сдаваться, даже когда противник считал его легкой добычей. Его тренер Мариан Вайда говорил, что примерно в то же время Джокович стал мощнее бить справа. И вовсе не случайно, что год его выдающихся достижений – 2011-й – наступил сразу после победы Сербии на Кубке Дэвиса: для него, знаменосца гордой нации, триумф команды также стал ключом к раскрытию потенциала.

Нет никаких сомнений в том, что отказ от глютена оказал

огромную помощь Джоковичу как теннисисту. Но столь точно поставленный диагноз имел последствия и для ресторанной культуры Сербии. В ресторанах «Новак» сейчас есть безглютеновое меню – редкое явление в Сербии, которому, вероятно, вскоре будут подражать другие сети ресторанов. И все же разумнее рассматривать диету как один из многих важных элементов головоломки, нежели как единственный ключ к ее разгадке.

Фактор изменения самочувствия Джоковича после работы с Четоевичем был настолько существенным, что добрый доктор начал сопровождать его в поездках на турниры. На протяжении года, пока Четоевич входил в команду, Джокович выиграл Кубок Дэвиса, Открытый чемпионат Австралии, «Уимблдон» и вышел на первое место рейтинга. Как раз после триумфа на «Уимблдоне» Четоевич и перестал путешествовать вместе с подопечным. Он говорит, что ему осточертели поездки – «не люблю отели, все эту ерунду и ожидание», – вдобавок он достиг своей цели, поэтому прекращение работы с Джоковичем выглядело естественно. Известно высказывание Вайды о «разногласиях», возникших с Четоевичем, но оно прошло мимо внимания публики, а выпущенная Джоковичем книга, обеспечившая грандиозную рекламу Четоевичу, свидетельствует о том, что они расстались друзьями. Четоевич до сих пор прекрасно отзывается о Джоковиче и Вайде.

Кульминацией в битве Джоковича со своими недомоганиями стал отрезок времени длиной 48 часов в конце января 2012 г. Обыграв Энди Маррея в матче продолжительностью 4 часа 50 минут и выйдя в финал Открытого первенства Австралии в ночь с пятницы на субботу, Джокович должен был уже в половине восьмого вечера в воскресенье выйти на корт, чтобы играть с Надалем в финале. Этот финал продолжался 5 часов 53 минуты, и Джокович, проигрывая 2–4 в решающем сете, все-таки выиграл матч. И это сделал человек, ранее часто отказывавшийся от продолжения матчей и при каждом чихе звавший врача! Между его железной решимостью и немощностью в решающих поединках всегда прослеживалось какое-то противоречие. И вот наконец оно разрешилось. Сарказм Роддика, хоть и понятный, был неуместен: Джокович – не «самый отважный человек на свете», он просто осторожен в заботе о своем здоровье. Возможно, Роддику следовало бы поблагодарить свою счастливую звезду за то, что он никогда не сходился в поединке с совершенно здоровым Джоковичем.

Глава десятая
«Чемпион должен возникнуть изнутри»

Со «стартовой площадки» в Мельбурне 28 января 2008 г. началась карьера Джоковича как победителя турниров Большого шлема и неизменного фаворита на любом соревновании, в котором он участвовал. Тогда он не знал, что на этой стартовой площадке ему будет суждено оставаться еще три года. Джокович сделался бесспорным третьим номером в мире (хотя Энди Маррей буквально дышал ему в спину), однако он так и не смог преодолеть господство Федерера и Надаля.

Вскоре после того Открытого чемпионата Австралии обнаружилось, что Федерер болен мононуклеозом, или моноцитарной ангиной. За неделю до чемпионата ему пришлось даже провести ночь в сиднейской больнице, и его участие в турнире было под большим вопросом. Тот факт, что Федерер все-таки дошел до полуфинала, а в третьем круге одержал победу в изнурительных пяти сетах матча против Янко Типсаревича, породил некоторые сомнения в серьезности заболевания теннисиста. Однако Федерер и сейчас говорит, что тогда у него действительно был мононуклеоз; но независимо от того, было ли это так или он был заражен другим, менее серьезным вирусом, Джоковичу явно помогло то, что Федерер оказался не в лучшей форме. Но поскольку в последующих 11 турнирах Большого шлема Джокович только один раз дошел до финала и четыре раза – до полуфинала, было понятно, что его победа на Открытом чемпионате Австралии 2008 г. – неожиданный успех на фоне общего восходящего тренда. Однако от главной цели он все еще был далеко.

В конце концов, ему только минуло 20 лет, и он был моложе, чем Роджер Федерер, когда он взял свой первый титул Большого шлема. Ненад Зимонич вспоминает: «Когда Новак выиграл Открытый чемпионат Австралии, он был еще очень молод и недостаточно силен физически, а его подача по-прежнему часто „уходила от него“. В результате 2008 год стал скорее годом обещаний: за 18 месяцев после триумфа на Открытом чемпионате Австралии Джокович завоевал еще пять титулов, плюс бронзовую медаль на Олимпиаде в Пекине, что тоже много значило для него. Но в целом это был скорее период консолидации, чем продвижения вперед.

Один из этих пяти титулов был завоеван на Открытом первенстве Сербии (Serbian Open) в Белграде в апреле 2009 г. Он стал триумфом для страны и семьи Джоковича, ведь семья была среди организаторов первого в Сербии состязания профессионального тура. Этот титул образовал красивую пару с титулом Futures, завоеванным в белградском турнире «Црвена Звезда», его первой победе в качестве профессионала. Но этот триумф был недолгим, потому что популярность Serbian Open потускнела уже после первого года, а три года спустя это соревнование вообще исчезло из расписания профессионального тура.

В начале 2009 г. Джокович сменил поставщика ракеток: перешел с рамы Wilson, с которой выиграл Открытый чемпионат Австралии, на раму Head. Смена ракетки – рискованная затея, поскольку ракетка – единственный сугубо личный предмет в сумке профессионального теннисиста. Некоторые спортсмены идут на выгодную в финансовом отношении сделку, а потом обнаруживают, что их уверенность во время розыгрыша важных очков улетучилась. К примеру, австралиец Пэт Кэш выиграл в 1987 г. «Уимблдон» и был финалистом Открытого первенства Австралии в 1988 г., играя на обоих турнирах ракеткой Prince, но в середине 1988 г. он перешел на Yonex и уже не был похож на себя (впрочем, отчасти виной тому были травмы). Несомненно, что Джокович хорошо заработал на этом, но не следует забывать, что ракеткой Head он играл еще юниором, следовательно, рамы этого производителя не были для него абсолютно новыми. Ему понадобилось несколько месяцев, чтобы полностью освоиться с новой ракеткой, и за эти месяцы нашлось немало тех, кто поспешил обвинить Джоковича в том, что он поступился интересами тенниса ради денег. Но он сам наверняка лучше знал, каким оружием ему сподручнее покорять теннисный мир.

Однако к середине 2009 г. и сам Джокович, и его команда стали задумываться: а сможет ли Новак совершить очередной рывок? В мае он опустился в рейтинге на четвертое место, а в большую тройку вошел Энди Маррей, и это означало, что Джокович будет посеян четвертым на Открытом чемпионате Франции. Там он уступил Филиппу Кольшрайберу в третьем круге, а в четвертьфинале «Уимблдона» – Томми Хаасу. Ни того, ни другого проигрыша стыдиться не стоит: он проиграл теннисистам, которые на тот момент играли наравне с лучшими ракетками мира. Однако вряд ли такие результаты могли удовлетворить спортсмена, стремящегося сокрушить двоевластие Федерера-Надаля.

По всем этим причинам в июле 2009 г. Джокович и Вайда

приняли в команду еще одного человека. «Новак хорош тем, – говорит Зимонич, – что он не боится пробовать что-то новое, стремится совершенствоваться, хочет стать как можно лучше. Он ведь мог легко заявить: „Слушай, сейчас в мире есть только два игрока лучше меня, и мне достаточно быть третьим“. Но нет, он сказал, что хочет играть еще лучше и победить Роджера и Рафу. И он стал первой ракеткой мира, обойдя их обоих. Он побеждал их в самых важных матчах на крупнейших аренах, он выигрывал турниры Большого шлема, в которых они были его соперниками. Это говорит о том, насколько он хорош».

И Джокович сделал интересный ход: взял в команду Тодда Мартина, высокого, старательного американца с тихим голосом. Мартин дважды играл в финалах турниров Большого шлема: проиграл Питу Сампрасу в Мельбурне в 1994 г. и Андре Агасси в Нью-Йорке пять лет спустя. Но он скорее запомнился тем, что умудрился проиграть, ведя 5–1 в решающем сете против Маливая Вашингтона в полуфинале «Уимблдона» в 1996 г. Его считали приятным человеком, игравшим в довольно скучной манере, с взрывным характером на корте (хотя последнее верно лишь в сравнении, поскольку он завоевал восемь титулов и десять лет был в основном составе сборной США на Кубке Дэвиса).

«Они решили, что им нужен человек с большим игровым прошлым и опытом участия на финальных этапах турниров Большого шлема, – объясняет Мартин. – Тот, кто играет агрессивно, но привносит элемент спокойствия в эмоциональную атмосферу, созданную родителями, агентом, тренером, физиотерапевтом и игроком. В то же время Мариан [Вайда] хотел больше времени проводить дома. Меня пригласили скорее как общего консультанта, но, когда Мариан оставался дома, я ездил с Новаком на турниры. Поэтому кое-кто спрашивал, не занял ли я место Мариана. Но когда с Новаком был он, дома оставался я».

Мартина сразу же впечатлила решимость и внутренняя уверенность Джоковича. Он вспоминает, как в августе 2009 г. они вместе беседовали с одним теннисистом, который уже завершил свою не особо примечательную карьеру в профессиональном туре. «Разговор зашел о размере помощи, которую должны оказывать своим игрокам федерации тенниса, – рассказывает Мартин, – и наш собеседник сетовал на то, что он никогда не получал необходимой помощи. Когда мы заговорили о поддержке, которую могли бы получать молодые теннисисты, Новак сказал: „Но чемпион должен возникнуть изнутри“, или что-то в этом роде, – словом, сказал хорошо. Я сам совершенно так же считаю, и с тех пор я несколько раз повторял Новаку его же слова, потому

что в какой-то момент мне показалось, что он не позволяет себе быть чемпионом. Но теперь хорошо видно, что он взял и этот барьер».

По какой-то причине журналисты посчитали, что смысл назначения американца тренером Джоковича состоял в том, что он должен был помочь сербу усовершенствовать свою подачу. Мартин говорит, что это «совершенно ошибочное толкование», поскольку он призван был решать задачи самого общего плана, но подача действительно была одной из главных тем его рабочих отношений с Джоковичем.

О своей первой встрече с командой Новака он вспоминает так:

«Я отправился в Канаду на встречу с ними; я посмотрел, как он подает, и меня это встревожило. Если взглянуть на видеозаписи 2006–2007 гг., можно заметить, что его движение при подаче было прекрасным – куда лучше, чем сейчас. Сейчас он подает очень хорошо – думаю, он подает лучше, чем раньше, но в то время его движение при подаче было прекрасным – плавным, почти томным. Казалось, он бережет плечо, но у меня есть несколько поразительных видеозаписей: там видны все его ошибки, в том числе самая главная, которую надо было исправлять: его локоть оставался прямым до самой последней секунды выноса ракетки вперед и вверх, поэтому он никогда не был нагружен. Если Новак в чем-то и безупречен, так это в распределении нагрузки на свое тело, он всегда готов к удару – во всех случаях, кроме подачи. Из-за этой глупости, когда один элемент исполняется неудачно и его надо исправить и внедрить в общую игру, ритм становится большой проблемой».

Будучи новым тренером, работающим в паре с основным, Мартин считал, что должен дождаться благоприятного момента, чтобы обсудить этот вопрос с Вайдой. Он посоветовал Вайде заняться проблемой после окончания теннисного сезона, в конце 2009 г., но по какой-то причине было принято осознанное решение ничего не предпринимать, и в первые месяцы 2010 г. подача Джоковича никуда не годилась. Он плохо подавал на Открытом чемпионате Австралии, где проиграл в четвертьфинале Жо-Вильфриду Тсонге: Джокович совершил жуткую двойную ошибку и проиграл гейм на своей подаче в пятом сете после того, как его вырвало, но в любом случае подавал неудачно, а его подача на следующем турнире в Дубае была катастрофой. Однако он этот турнир выиграл! «Техника была отвратительной, – говорит Ненад Зимонич, – но это свидетельствовало о том, насколько силен он был ментально. Для меня его величайшей победой стал турнир, выигранный

в Дубае в 2010 г. Покрытие там чрезвычайно быстрое, за мячом не успеваешь следить, – он постоянно делал двойные ошибки. Он делал брейки по пять – шесть раз за матч, потому что не мог стабильно держать свою подачу, а это значило, что его игра становилась сильнее во всем, кроме подачи. Как только он снова вошел в ритм на подаче, как только усовершенствовал технику, то стал еще сильнее. И начал играть лучше, чем когда-либо. Большинство игроков просто сдались бы, заявили: „Ничего у меня не выходит с подачей“ и прекратили борьбу, но он продолжал сражаться и в итоге вырос как игрок».

В конце февраля Мартин спросил Джоковича, готов ли он поработать над подачей. «Эта проблема вставала перед ним каждый день, – рассказывает он, – и он согласился. И следующие две недели мы работали над ней, пока шли турниры в Индиан-Уэллсе и Майами. А потом все закончилось».

Многие поклонники Джоковича восхищались его готовностью принять на короткое время помощь извне, и они же настороженно относились к внезапности, с которой происходил отказ от этой помощи. Как и многим другим тренерам до него, Мартину позвонил агент Джоковича и сообщил, что в его услугах больше нет необходимости. «Подозреваю, на разрыве отношений настоял его отец, – говорит Мартин, – но я мало с ним общался. Раз или два я ужинал с Срджаном, мы вместе были в Лондоне на финале АТП – может быть, встречались еще раз, но в целом я почти не поддерживал с ним отношений, главным образом из-за языкового барьера. Я уверен, что Срджан был причиной нашего разрыва, но объясняю это по-своему. Это был переходный период в жизни Новака, когда он обретал некоторую независимость. Его отец терял прежние функции, а косвенный удар пришелся по мне».

Мартин верно оценил ситуацию со своей стороны, но с точки зрения команды Джоковича американец в нее просто не вписался. Когда в апреле 2010 г. стало известно, что Мартин отправлен в отставку, Джокович в интервью ограничился комментарием: «Не сложилось». В интервью каналу ESPN почти год спустя Вайда сказал: «Добиться взаимопонимания не удалось, это лишь мешало работе. Дела с подачей не ладились, в последний год она стала еще хуже. Это было ужасно. Трудности нарастали. Новак никогда не боялся работы, но взаимопонимание – другое дело. Тодд был отличным игроком и хотел попробовать себя в новом качестве. Но Новак был уже сложившимся спортсменом, ему требовалась лишь небольшая шлифовка». В следующем интервью Daily Telegraph Вайда сказал: «Тодд был только помехой. Почему-то он не признавал Новака совершенной личностью».

Несмотря на увольнение, Мартин по-прежнему поддерживает дружеские отношения с Джоковичем, и никто из них не держит на другого обиды. Мартин говорит:

«Мне кажется, я помог с диагностикой [проблемы с подачей], но мне так и не представилось шанса устранить ее. Я совершенно четко видел, что именно ему надо предпринять – теперь он начинает подачу с согнутым локтем и держит его так на протяжении всего движения. Но поскольку наши рабочие отношения закончились довольно странно, я ушел, чувствуя себя, как почувствовал бы любой тренер, главная цель которого – быть необходимым. За время, проведенное с Новаком, необходимым я так и не стал, но уверен, что мне удалось посеять кое-какие семена. Не думаю, что кто-нибудь другой, глядя на все со стороны, посоветовал бы ему что-нибудь другое. Он сказал бы: „Рано или поздно тебе придется играть в более силовой теннис“. Когда я впервые перебрасывался с Новаком, то удивился, какие тяжелые мячи я от него получаю. Потом я наблюдал за ним во время матчей и видел, что он бьет по мячу на 10 % медленнее любого своего соперника. Сейчас он выходит на корт и врезает противнику по полной программе. Именно это, а не усовершенствование игры с лета, сделало его более атакующим теннисистом. Чтобы уверенно выходить к сетке, не обязательно лучше бить с лета».

Рассматривая трехлетний отрезок между победой Джоковича на Открытом чемпионате Австралии и его триумфальным 2011 годом, так и хочется найти в этом периоде переломный момент. Может быть, матч с Тсонгой в январе 2010 г.? Триумф Сербии на Кубке Дэвиса в декабре того же года? Но сам Джокович считает, что если и был какой-то момент, после которого его дела пошли в гору, то это, скорее, Открытый чемпионат Франции и «Уимблдон» в 2010 г. «Было несколько моментов, которые я назвал бы переломными, – говорил он в 2013 г., – и в первую очередь, вероятно, – «Уимблдон» 2010 г. После этого турнира я начал играть гораздо лучше и увереннее. Первые шесть месяцев 2010 г. у меня было много проблем со здоровьем, поэтому результаты были так себе, я потерял уверенность своих силах, но потом снова обрел ее».

А вот что говорит Ненад Зимонич: «После того как он вышел в полуфинал в „Уимблдоне“, к нему вернулась уверенность. И тогда он начал играть лучше. Мы заметили это в четвертьфинале Кубка Дэвиса против Хорватии неделю спустя. Он находился под сильным давлением, его подача по-прежнему оставляла желать лучшего, но ему удалось со всем этим справиться. Казалось, будто последняя пара поединков привела

его на то место, где мы видим его сейчас, и все – от поисков финансирования в подростковые годы до работы над подачей – только сделало его сильнее».

Встряской для Джоковича, которая только укрепила его решимость стать лучшим, стал проигрыш Юргену Мельцеру в четвертьфинале Открытого чемпионата Франции. Несмотря на то, что Джокович взял первые два сета, а в середине пятого сделал брейк, он проиграл 29-летнему австрийцу со счетом 6–4 после четырех с четвертью часов борьбы. Опять появились признаки удушья – «симптомы аллергического ринита», как их тогда определили. Вдобавок было одно спорное решение судьи на линии, но после того, как судья на вышке изучил след на грунте, очко было присуждено сопернику Новака. Создавалось впечатление, что Джокович слишком торопится на встречу в полуфинале с Рафаэлем Надалем, позабыв, что ему надо еще пройти упорного Мельцера.

Возможно, Джокович должен был дойти до финала «Уимблдона» четырьмя неделями позже. После того как он в первом круге, проигрывая в сетах 1–2, одолел миниатюрного Оливье Рохуса, он проиграл только один сет на пути к полуфиналу – в матче против бывшего чемпиона «Уимблдона» Ллейтона Хьюитта, который все еще входил в число тридцати сильнейших теннисистов мира. Затем он встретился с Томашем Бердыхом, который в предыдущем круге выбил защищавшего чемпионский титул Роджера Федерера. Джокович рассчитывал выиграть матч за счет более стабильной игры с задней линии, но стал действовать слишком осторожно, и чех, мастер мощных ударов, воспользовался этим. И все-таки Джокович мог бы выиграть, если бы реализовал один из двух своих сетболов на тайбрейке во втором сете: он спас четыре сетбола и отыгрался с 2–6 (при счете 5–6 им пришлось переиграть очко, хотя Джокович его явно выиграл после удачной свечи). Но как только он проиграл тайбрейк 11–9, исход был предрешен, и Бердых вышел победителем в трех сетах.

Даже если бы Джокович и выиграл этот матч, трудно представить, что в финале он бы сумел победить Рафаэля Надаля. Испанец был в своей лучшей форме, играл ярко и эффектно гасил мощь ударов Бердыха с задней линии. В итоге он завоевал второй титул чемпиона «Уимблдона». Тем не менее Джокович сделал достаточно, чтобы считать, что его игра развивается в правильном направлении.

Его победы в поединке со сборной Хорватии на выходных, когда он впервые познакомился с Игорем Четоевичем, имели большое значение не столько для тенниса, сколько в социально-

политическом плане. Это был местный дерби, и хотя обе группы болельщиков по характеру разительно отличались от футбольных фанатов на международном матче Хорватия-Сербия или клубном «Динамо» (Загреб) – «Црвена Звезда» (Белград), тем не менее на стадионе Спаладиум в Сплите царила напряженная атмосфера. Джокович выиграл в трех сетах у двух своих приятелей: Ивана Любичича (к тому времени он уже пребывал далеко не в лучшей форме и вышел на корт только из-за травм в хорватской команде) и Марина Чилича, занимающего 13-ю строчку в мировом рейтинге. Чилич выиграл у Янко Типсаревича, и это означало, что в последний день ему предстояло играть против Джоковича. Последний провел матч блестяще, отдав всего восемь геймов.

Уверенность, обретенная на «Уимблдоне», по-настоящему дала о себе знать во время Открытого чемпионата США, где Джокович вышел в финал, обыграв Роджера Федерера в полуфинале и сумев спасти при этом два матчбола. На этот раз осторожничал Федерер, а Джокович играл ударами на вылет на самых важных очках, включая один совершенно бесподобный удар справа, которым он завершил длинный розыгрыш и спас матчбол. в результате такая манера игры принесла ему победу в пятом сете, который он взял со счетом 7–5.

В финале он уступил находившемуся в блестящей форме Надалю, который не смог в том году выиграть все четыре турнира Большого шлема только из-за травмы колена, полученной в первом сете четвертьфинала Открытого чемпионата Австралии. Но главной целью Джоковича во второй половине 2010 г. было завоевать для Сербии самый престижный приз в командном теннисе – Кубок Дэвиса. И финал Открытого чемпионата США, который из-за дождя перенесли на вечер понедельника, чуть не свел усилия сербов на нет.

Джокович вернулся в Белград, чувствуя себя измочаленным. Его состояние держали в секрете от противников Сербии в полуфинале Кубка Дэвиса – команды Чешской Республики. В четверг стало ясно, что назавтра Джоковичу предстоит играть одиночку. Однако в пятницу утром, воспользовавшись правилом, которое существует по практическим соображениям, но идет вразрез с другими правилами Кубка Дэвиса, Сербия заменила Джоковича, объявив, что у него гастроэнтерит. Место заболевшего занял Виктор Троицки, который быстро проиграл Радеку Штепанеку. Положение Сербии спасла блистательная победа Янко Типсаревича над уставшим Томашем Бердыхом, звездный год которого подходил к концу.

Повторяя тактику Сербии двухлетней давности, когда Джокович заболел накануне матча с Россией, капитан сербской

команды Богдан Обрадович решил выставить Джоковича в парном разряде вместе с его давним наставником Ненадом Зимоничем (официально решение принял капитан, но большинство людей убеждены, что в сербской команде такие вопросы решал Джокович, а Обрадович с его навыками дипломата выдавал эти решения за собственные; такая ситуация существует во многих командах Кубка Дэвиса, где велико влияние одного игрока). Джокович и Зимонич выиграли два предыдущих парных матча Кубка Дэвиса, но на сей раз им противостояли сильные соперники, Бердых и Штепанек, и чехи победили в четырех сетах, закончив последний со счетом 6–1. В этот субботний вечер мечта Сербии о первом успехе на Кубке Дэвиса, который казался столь вероятным на своем поле, вдруг улетучилась.

Как бы то ни было, Джокович провел какое-то время на корте, и эта «разминка», видимо, должна была помочь ему в обратной одиночке против Бердыха. Но чех взял первый сет и повел во втором, так что для сербов все складывалось неудачно. Тогда-то Джокович и призвал на помощь свои актерские способности. К тому моменту (сентябрь 2010 г.) он давно отказался от пародирования других игроков, но теперь дар пародиста пригодился ему, чтобы оказать психологическое давление на Бердыха и изменить ход матча, который Сербия обязана была выиграть.

В шестом гейме второго сета Джокович отчаянно защищался. Он бросил свечу, Бердых сыграл смэш, мяч отскочил высоко, и серб метнулся к нему в попытке вернуть его в игру. Попытка была безнадежной, Джокович упал и неподвижно лежал за задней линией корта. Трибуны затихли, а Джокович не шевелился. Над Белградской Ареной прошел тревожный гул. Судья спустился с вышки и поспешил к игроку выяснить, в порядке ли он. Обрадович вскочил со скамьи, чтобы узнать, что случилось. Только когда вокруг собралась толпа, Джокович зашевелился. Капитан команды и физиотерапевт под руки довели его до кресла.

В течение нескольких минут 17-тысячная толпа зрителей думала, что их мечты разбились вдребезги. Их герой ранен, он пытался отбиться от разошедшегося противника, но оказалось, что играть в полную силу он не в состоянии. Однако на самом деле Джокович не был травмирован. Он не собирался признаваться в этом, чтобы не запятнать свою репутацию, но хорошо знал, что Бердых не любит смены ритма, и нашел способ сбить ритм его игры. Удары чеха – одни из лучших в современном теннисе, и когда у него игра идет, то он способен победить самых сильных теннисистов. Однако в целом игра

Бердыха не отличается разнообразием, и Джокович рассудил, что ему необходимо вытащить чеха из «зоны комфорта». Итак, ниже левого колена Джоковичу наложили небольшую, даже смешную повязку, он вернулся на корт, чтобы продолжить матч, сразу же сделал обратный брейк, потом взял подачу соперника и сравнял счет по сетам – 1–1, а потом и вовсе выиграл матч в четырех сетах. Симуляция? Возможно, но этого требовали интересы страны, и он сделал то, что полагал должным. Правила не были нарушены, они предписывают продолжать игру, даже если игрок травмирован. По-своему примечательное интервью после матча дал Бердых, который сообразил, что Джокович воспользовался правилами в своих интересах, но не стал раздувать скандал – несомненно потому, что ему было неловко за себя, попавшегося на удочку.

После того как Янко Типсаревич сыграл один из своих лучших матчей на Кубок Дэвиса и обыграл Штепанека в пятом сете, мечта Сербии о Кубке Дэвиса приобрела характер драмы. Страна оказалась в финале, и у себя дома должна была играть против одного из титанов в истории Кубка Дэвиса – команды Франции.

Этот финал стал явным приоритетом для Джоковича в конце года. Он отыграл еще пять турниров: победил в Пекине, но проиграл финал в Базеле Роджеру Федереру. Он дошел до полуфинала в завершающем сезон финале мирового тура АТП в Лондоне, но почти безвольно уступил там Федереру – 6–1, 6–4. Все понимали, что все его мысли были направлены не на победу во второй раз в итоговом турнире АТП, а на предстоящее испытание для национальной сборной, до которого оставалось еще две недели. Однако поражение в матче с Федерером 19 ноября 2010 г. не следует оставлять незамеченным. В то время этого еще никто не знал, но оно стало для Джоковича последним на шесть с половиной месяцев, или 195 дней.

Финал Кубка Дэвиса развивался примерно по тому же сценарию, что и полуфинал, на самом деле – по тому сценарию, который традиционен для многих матчей команды Сербии. Когда играет Джокович, подразумевается, что он должен взять две своих одиночки, а поэтому сербам остается выиграть лишь однажды в трех остальных матчах. Поскольку в команду входило три «одиночника» из пятидесяти лучших в мире и один опытный специалист парной игры, у сербов было три реальные возможности завоевать заветный титул. Но когда в день открытия Типсаревич почти без борьбы уступил лучшему теннисисту Франции Гаэлю Монфису, а Троицки и Зимонич упустили два сета и проиграли Арно Клеману и Микаэлю Льодре, мечта Сербии

повисла на волоске – спасти ее могла только победа в обоих одиночных матчах заключительного дня соревнования.

Джокович обыграл Монфиса в великолепном стиле, отдав всего восемь геймов. Когда он вышел на Белградскую Арену в красной майке сербской сборной, его чествовали как героя-победителя. И он сокрушил Монфиса, словно боец, выполняющий поставленную задачу. Но проигрыш в паре днем раньше означал, что эта победа Джоковича открыла лишь путь к пятой, решающей встрече, и Джокович уже не мог сам нанести победный удар.

Неизвестно, чье это было решение, его или Обрадовича, но ответственность за выигрыш Кубка Дэвиса возложили на Виктора Троицки, а не на Янко Типсаревича, главным образом потому, что после парной игры Троицки сохранял больше уверенности, чем Типсаревич после своей одиночки в пятницу. Решение оказалось верным, хотя сербам повезло, что по другую сторону сетки Микаэль Льодра был скован, нервничал и много ошибался. Троицки, единственный ребенок в своей семье, считавший товарищей по команде Кубка Дэвиса братьями, провел матч своей жизни и принес Сербии победу, вызвавшую небывалый экстаз.

Именно Троицки в четвертьфинале против Хорватии пятью месяцами ранее предложил: если Сербия выиграет Кубок Дэвиса, все игроки и официальные лица команды обреют головы. Такие зароки дают довольно часто, но не всегда объявляют во всеуслышание. На день был нанят парикмахер, и как только Троицки закончил свое послематчевое интервью на корте, все четверо игроков плюс капитан Богдан Обрадович, президент Сербской федерации тенниса Слободан Живоинович и даже семидесятилетний руководитель команды Ники Пилич подставили свои головы под бритву парикмахера. Это событие стало кошмаром для сотрудников Международной федерации тенниса, которые в этот момент готовились к церемонии презентации самой большой жемчужины в короне МТФ: уважаемые специалисты по маркетингу и организации, одетые с иголочки, были вынуждены вооружиться метлами и сметать сбритые волосы. О чем будут думать игроки, показывая внукам фотографии команды с трофеем? Вероятно, просто объяснят, что были так счастливы, что не задумывались о том, как они выглядят. Час спустя, отвечая в интервью на вопрос о своем новом облике, Джокович сказал: «Я в шапке – это все, что вам нужно знать». Хотя Джокович никогда не отращивал длинных волос – они у него были хоть и густыми, но довольно короткими, – он обрадовался, что у него есть в запасе несколько недель, чтобы они отрасли к следующему его появлению

на публике в январе в Австралии.

Было что-то трогательное в том радостном бедламе, который сопровождал празднование триумфа Сербии на Кубке Дэвиса. Через пару часов после финалов обычно устраивают официальные приемы, на которых появляется и проигравшая команда – элегантно одетая, демонстрирующая спортивное поведение. Обычно такие приемы организуют тщательнейшим образом, но тут гостей пришло больше, чем было разослано приглашений, и даже некоторые видные официальные лица Кубка Дэвиса обнаружили, что их места заняты, потому что на прием собрались все мало-мальски известные люди.

Уже перед самым рассветом в клубе у площади Республики в центре Белграда началась вечеринка. Сербский оркестр играл традиционную сербскую музыку, теннисисты праздновали победу. Никто из четверых не пожелал провести эту ночь традиционным для спортсменов их уровня образом: все они не только выпили по несколько бокалов шампанского, но и курили кубинские сигары, признак роскоши, на вершине которой они наверняка себя ощущали. Сербский спортивный журналист Зоран Милосавлевич, присутствовавший на вечеринке, рассказывал: «Искренние чувства, которые демонстрировали Джокович (и остальные) на вечеринке, свидетельствовали о том, как глубоко укоренен в нем патриотизм. Становилось ясно, почему он делает все это и почему некоторые говорят, что в случае необходимости он защищал бы Сербию даже одной рукой».

Теннисисты стали героями. Они прославили Сербию, в апреле 2011 г. им были выданы дипломатические паспорта. Ночь на воскресенье 5 декабря 2010 г. оказалась, по-видимому, вершиной их карьеры – что еще могло с этим сравниться? Возможно, закончив играть, кто-то из них будет вспоминать эту ночь как лучшее событие в жизни. Тем не менее для каждого из них – и в особенной степени для Джоковича – успех Сербии на Кубке Дэвиса стал трамплином для впечатляющего взлета в карьере в течение последующих нескольких лет.

Глава одиннадцатая
Роль спорта в сербии

Утверждая, что спорт – неотъемлемая часть сербской жизни и культуры, мы не исказим истину, но это мало что даст. Прежде всего, надо отделить футбол от остальных видов спорта: футбол укоренился в Сербии настолько, что на протяжении десятилетий служит продолжением битв в более широком контексте, будь то межнациональные конфликты и борьба за самоопределение или же противоречия между местной и федеральной системами управления. Другие виды спорта, занимающие заметное место в сербской жизни, – это, как правило, командные виды. Поэтому, хотя Новак Джокович вырос в стране, у жителей которой страсть к спорту в крови, искать генетическую предрасположенность к ракетке у него бесполезно.

Вместе с тем если сравнивать положение Джоковича в Сербии с положением, допустим, Роджера Федерера в Швейцарии, то выяснится, что Джокович существует в более благоприятных для спортсмена условиях. Швейцарцы живут на внутриматериковой территории, где почти нет запасов сырья; их достаток – результат труда в тех областях, где особенно не пофилонишь: производство дорогих и высокоточных часов, сыра и шоколада, туристический бизнес. Поэтому швейцарцы охотно восхищаются достижениями спортсмена экстра-класса, но уважительное отношение ко всякого рода «звездам» не перерастает в преклонение перед ними. Федерер часто отмечал, что он до сих пор может спокойно ходить по улицам родного Базеля, не опасаясь, что его начнут останавливать на каждом шагу, а его друг и детский партнер по теннису, который стал советником швейцарских политиков, добавляет: «Невозможно вообразить у швейцарцев культуру почитания Дэвида Бекхэма». В сербской жизни спортсмен, наоборот, находится на достаточно высоком пьедестале, так что Джокович считается кумиром нации, хоть вид его спорта остается понятным немногим.

Футбол намного опережает теннис как самый любимый вид спорта в Сербии. Второе место после футбола, несомненно, занимает баскетбол. Следом идут волейбол и гандбол, большой популярностью также пользуется водное поло. Так что пять самых популярных видов спорта в Сербии – командные виды, по сравнению с которыми теннис не котируется. До начала золотой эпохи Иванович и Джоковича теннис считался спортом

малочисленной элиты, игрой королевской семьи и приближенных к трону, а не народа. Впрочем, все одиночные виды спорта в Сербии борются за признание у публики – лишь немногие боксеры, борцы и стрелки становились кумирами, да и то ненадолго; Сербия завоевала золото в тхэквондо на лондонской Олимпиаде. Но все же это страна командных видов спорта, чем и объясняется огромное значение победы Джоковича и Сербии на Кубке Дэвиса в 2010 г. Еще неизвестно, что имело большее значение для его соотечественников – то, что это была победа, или то, что она совершилась на сербской земле.

Значение места, которое занимает футбол в сознании сербов, вероятно, лучше всего объясняется ролью, которую он играл в югославских войнах 1990-х гг., особенно сербо-хорватской. Подробный рассказ о тесной связи между футболом и сербским национализмом можно найти в книге Джонатана Уилсона «За кулисами», здесь мы попытаемся представить лишь краткое резюме.

Кое-кто готов вполне серьезно утверждать, что первый залп в сербо-хорватской войне прозвучал в матче загребского «Динамо» против белградской «Црвены Звезды» в 1990 г. Действительно, перед стадионом «Максимир» в Загребе стоит монументальный памятник, изображающий группу солдат, с подписью внизу: «Фанатам клуба, начавшим войну с Сербией на этом месте 13 мая 1990 г.». Матч, о котором идет речь, состоялся вскоре после избрания националиста Франьо Туджмана президентом Хорватии, и самые ревностные фанаты «Динамо» принесли клятву верности его партии – Хорватскому демократическому содружеству. Камни были заготовлены заранее. Со своей стороны фанаты «Црвены Звезды» привезли с собой фальшивые белградские номерные знаки, которые прикрепили к загребским машинам, чтобы эти камни полетели в тех же хорватов. Результатом этих «военных хитростей» стало побоище – сотни человек были арестованы, более 100 получили травмы, в том числе 79 полицейских.

Но еще более ожесточенным, нежели между «Динамо» и «Црвеной Звездой», в прежней Югославии было соперничество «Црвены Звезды» («Красной звезды») и «Партизана». Это соперничество получило название «вечного», обе команды ассоциировались с конкурирующими политическими идеологиями. «Црвена Звезда» считалась клубом сербских националистов, а «Партизан» – клубом партизан Тито, многонациональным объединением, противостоявшим хорватским усташам и сербским четникам в процессе объединения Югославии после 1945 г. В конце 1950-х гг. Франьо

Туджман, ярый националист, был президентом «Партизана»; считается, что именно ему клуб обязан нынешней формой в черную и белую полосу. «Партизан» существует до сих пор, но с распадом Югославии политическая составляющая его соперничества с «Црвеной Звездой» сильно ослабла, хотя само соперничество не утихает.

Впрочем, политическая ориентация футбольных клубов и их болельщиков не так однозначна, как может выглядеть со стороны. Взять ту же «Црвену Звезду». Она была основана в 1945 г., предположительно коммунистами. Откуда это предположение? Известно, что красная звезда – эмблема коммунистов. Но в социалистических странах (а режим Тито, при всей своей специфике, был все-таки социалистическим) идеологически окрашенные названия, как правило, ровно ничего не обозначали и придумывались лишь для того, чтобы власти не придирались, а то и брали под свое крыло. Поэтому неизвестно, были ли основатели «Црвены звезды» действительно коммунистами или просто старались угодить режиму. Да теперь это уже и не важно.

Клуб, поначалу ассоциировавшийся с бедными и угнетенными, жил и живет своей жизнью. В 1970-х гг. соперничающие клубы дразнили фанатов «Црвены Звезды» «цыганами», и ее преданные поклонники охотно с этим мирились, а некоторые даже гордились. Это означало, что, когда болельщики «Црвены Звезды» пересекались с фанатами другого клуба, насилие было практически запрограммировано. Но ради справедливости следует отметить, что то же самое можно сказать и о многих ведущих английских футбольных клубах конца 1970-х (англичане охотно забывают, что в то время многие поклонники футбола часто участвовали в потасовках, после чего футбольные администраторы заверяли, что речь идет «лишь о незначительном меньшинстве»). А если противником был «Партизан», антипатия проявлялась особенно яростно. Поддержка национальной сборной Югославии практически никогда не была всеобщей, поскольку граждане одной республики, входящей в состав страны, не вполне понимали, как следует болеть за игроков не то что другой республики, но и другой национальности, так что дело иной раз доходило до внутригородских конфликтов. Некоторых футболистов «Партизана», представляющих Югославию, освистывали их же сограждане, если на трибунах преобладали болельщики «Црвены Звезды».

Эти две группы болельщиков – «Црвены Звезды» и «Партизана» – наглядно свидетельствуют о высокой степени интеграции спорта, по крайней мере футбола, в общественную

жизнь Сербии.

Фанаты «Партизана» известны под названием «гробари», то есть могильщики. Они появились после того, как в 1966 г. «Партизан» вышел в финал Кубка европейских чемпионов. Их домом стала Южная трибуна стадиона «Партизан» (ранее – стадион JNA, Югославской народной армии), а прозвище отсылает к кладбищу при церкви неподалеку от стадиона. В 1970–1980-х гг. они пользовались зловещей репутацией, вспышки хулиганства сопровождали их по всей Европе. Официально «гробари» были закрыты как организация в 1990-х гг., после того как от файера, пущенного с Южной трибуны, погиб восьмилетний болельщик «Црвены Звезды». Тем не менее это название продолжает жить в речи местного населения и появляется на транспарантах.

Болельщиков «Црвены Звезды» называют «делие» – это слово можно перевести приблизительно как «крутые парни». «Делие» образованы несколькими подгруппами, в том числе с такими воинственными названиями, как «Красные дьяволы», «Зулусские воины» и «Ультрас»; их духовная родина – Северная трибуна стадиона «Црвена Звезда» в центре Белграда (также известного как «Маракана» – см. далее). Однако это не просто фан-клуб. «Делие» приобрели известность как некое подобие общества взаимопомощи для болельщиков «Црвены Звезды». Звучит красиво, но структура сильно смахивает на мафиозную. Да, людям, попавшим в беду, помогают, но именно так, как помогает мафия. Неудивительно, что, когда началась война за независимость Сербии от Югославии, связи между «делие» и боевиками, поддерживавшими сербскую армию, стали столь очевидными.

Особое место в этих связях занимает мифическая фигура Аркана. История его жизни – чистейший сценарий гангстерского фильма. Но фильма такого не получилось, а осталась легендарная личность, которая – несмотря на свою жестокость или благодаря ей – считается кем-то вроде народного героя.

Носивший имя Желько Ражнатович и родившийся в 1952 г., Аркан всегда был не в ладах с законом и несколько раз попадал в тюрьму, в том числе в Бельгии, Нидерландах и Западной Германии. Однако ему всегда удавалось бежать – возможно, благодаря тому, что в юности он был связан со службой государственной безопасности Югославии. В 1983 г. он вернулся в Югославию и стал одним из болельщиков, арестованных во время злополучного матча «Динамо» (Загреб) – «Црвена Звезда» (Белград) в мае 1990 г. Именно Аркану приписывают введение в официальный оборот названия «делие» в январе

1989 г. В то время он собирал военизированные формирования, которым предстояло сыграть ключевую роль в гражданских войнах, и его группа, именовавшаяся «Тигры», вербовалась главным образом из «делие». «Тигры» участвовали в нескольких самых жестоких сражениях, в том числе в Вуковаре (Хорватия, 1991 г.) и в Биелине (Босния, 1992 г.), зачастую распевая те же песни, что и на трибунах во время футбольных матчей. Против Аркана были выдвинуты обвинения в военных преступлениях, совершенных во время этих сражений, но он умер прежде, чем дело дошло до суда.

«Делие» и «Тигры» пели на трибунах имеющего форму цветка стадиона Сан-Никола в Бари во время празднования бесспорно величайшего спортивного успеха Югославии. Это произошло, когда белградская «Црвена Звезда» выиграла Кубок европейских чемпионов (предшественник современной Лиги чемпионов). История югославского футбола до этого была повестью о тех, кто чего-то «почти» достиг. Трижды сборная выходила в финал Олимпиады, но ей доставалось лишь серебро. Дважды футболисты становились полуфиналистами чемпионата мира, но так и не вышли в финал. «Партизан» проиграл в 1966 г. финал Кубка европейских чемпионов, а «Црвена Звезда» в 1979 г. – финал Кубка УЕФА. Неудивительно, что многие поспешили окрестить югославских спортсменов «лузерами», которые не умеют справиться с напряжением и эмоциями.

Но в 1991 г., до того как в стране началось кровопролитие, у Югославии, пусть и недолго, была футбольная команда чемпионов. Финал в Бари был ужасно нудным, в нем «Црвена Звезда» и «Олимпик Марсель» (французский клуб, в дальнейшем замешанный в грандиозном скандале вокруг его владельца, французского предпринимателя Бернара Тапи) сыграли вничью, не забив ни одного гола за 120 минут основного и дополнительного времени. После этого «Црвена Звезда» выиграла в серии пенальти. Или, пожалуй, правильнее было сказать, что «Марсель» проиграл по пенальти, поскольку команда французского клуба состояла сплошь из игроков, известных тем, что не забивали пенальти в важнейших матчах раньше. И на этот раз их снова подвели нервы в решающий момент. Так что самый престижный футбольный титул Европы, если не всего мира, стал большой гордостью клуба, Белграда, но не Югославии. Не прошло и нескольких месяцев, как народы, к которым принадлежали игроки «Црвены Звезды», начали войну друг против друга, и в том же году клубу запретили играть домашние матчи на сербской земле.

В середине 1990-х гг. Аркан пытался завладеть «Црвеной

Звездой», но безуспешно. Поэтому в 1996 г. он купил давний, но растерявший былую славу белградский клуб «Обилич», и уже через три года его команда стала чемпионом Югославии (точнее, того, что от нее осталось, – Сербии и Черногории). Однако методы, с помощью которых «Обилич» совершил невероятное восхождение на вершину пьедестала, не всегда были традиционными. Известно множество историй о том, как судей запугивали, как у основных игроков противника в последнюю минуту обнаруживались травмы, из-за которых они не смогли выйти на поле, а также история о том, как в последний день сезона, когда от исхода двух матчей зависели и чемпионский титул, и выбывание в низшую лигу, начало одного матча было отложено. Именно того матча, в котором играл «Обилич».

Жизнь Аркана закончилась в январе 2000 г., когда кто-то выпустил в него 38 пуль в одном белградском кафе. Убийцу так и не нашли, что наводит на мысль, не было ли убийство каким-то образом санкционировано. Ясно одно: 2000 г. стал годом смерти футбола для Слободана Милошевича.

Летом 2000 г. режим Милошевича был все еще силен и сеял страх, несмотря на пошатнувшийся престиж из-за потерь сербами своих первых завоеваний в хорватских и боснийских войнах, а также бомбардировок НАТО в 1999 г. Но затем, во время матча «Црвены Звезды», произошло одно событие. Сербы принимали «Торпедо» (Кутаиси) в отборочном матче Лиги чемпионов. Воодушевленные преимуществом своей команды, которая вела 4–0, сербские фанаты начали скандировать слова, которые можно перевести так: «Сделай одолжение Сербии, Слободан, убей себя». Напряжение нарастало, вмешалась полиция, в какой-то момент два полицейских схватили флаг «Црвены Звезды» и стали его топтать. Тогда тренер «Црвены Звезды» Славолюб Муслин подошел к полицейским, поговорил с ними, забрал флаг и вернул фанатам. Этот незначительный жест был расценен как готовность «Црвены Звезды» противостоять режиму Милошевича. После этого практически каждый футбольный матч высшего уровня на сербской территории начинался с митинга против Милошевича, и, поскольку через два месяца должны были состояться выборы президента Сербии, эффект от этих митингов был значительный. Через шестьдесят дней после матча «Црвены Звезды» против «Торпедо» Милошевич проиграл выборы, и его попытки сохранить власть окончились неудачей. В итоге «делие» утверждают, что именно они способствовали падению Милошевича и коммунизма.

Если наш рассказ о роли спорта в политических судьбах страны недостаточно впечатляет, то можно обратиться к мнению

футбольного обозревателя Джонатана Уилсона. Он один из тех, кто считает, что влияние спорта в Сербии простирается еще глубже, и утверждает, что Сербии всегда был присущ бразильский характер, сербы всегда считали себя «европейскими бразильцами» и даже прозвали главный стадион в Белграде «Маракана» в подражание главному футбольному стадиону Рио-де-Жанейро. Однако Уилсон высказывает предположение, что это не просто копирование футбольного стиля:

«Подозреваю, что причина тому – рабский менталитет. Многие бразильцы – потомки рабов, а выживание в качестве раба означает приобретение менталитета, ассоциирующегося с хитростью и уловками. Это заметно в некоторых танцах, а в бразильском футболе умение ввести противника в заблуждение хитроумной работой ног зачастую ценится выше, чем способность выиграть матч. У южных славян схожее ощущение порабощенности: на протяжении шести веков они находились под игом турков-османов, большая часть истории Югославии – это борьба за существование перед лицом угрозы со стороны Москвы. Так что я считаю, что заимствование бразильских повадок в футболе, пусть даже в основном подсознательное, кое-что говорит нам о том, какими видят себя сербы и другие народы бывшей Югославии».

Еще одна особенность, объясняющая такой менталитет, – это бытующая среди некоторых этнологов и лингвистов теория, согласно которой название «славяне» и английское слово «slave» (раб) имеют общее происхождение. Согласно этой теории, славяне попадали в рабство с начала IX в., и можно проследить путь слова «slave» в староанглийском, старофранцузском языках и средневековой латыни вплоть до слова, которым древние славянские народы именовали себя. Даже если сама теория ошибочна, ее наличия достаточно, чтобы создать комплекс неполноценности у того, кто ищет повод!

Уилсон развивает свою гипотезу вплоть до того, что называет Югославию, и особенно сербов, «футболистами, чаще всех в Европе проигрывающими по эмоциональным причинам». Он ссылается на тот факт, что для югославской сборной и команд ведущих клубов страны самое последнее препятствие всегда оказывается непреодолимым. За исключением одного случая. В 1988 г. Югославия выиграла чемпионат мира среди юниоров, заставив некоторых людей задуматься о том, не распалась ли страна как раз накануне своего золотого футбольного века. Но смогла бы сборная Югославии превысить достижение Хорватии, которая на чемпионате мира в 1998 г. заняла третье место после Франции и Бразилии? Неизвестно, однако опыт

прошлых лет свидетельствует о малой вероятности такого исхода.

Экстраполяция опыта сербского футбола и его проецирование на теннис – опасная затея, поскольку это две совершенно разных культуры. Два ведущих теннисных клуба – это секции тенниса при «Партизане» и «Црвене Звезде», и когда они играют друг против друга, это опять-таки «вечное дерби», только вероятность эксцессов здесь будет значительно меньше, чем в футбольном противостоянии. Поклонники тенниса – в целом более миролюбивые люди, нежели сообщество футбольных фанатов.

Но в некотором отношении Джокович задал темп для сербского спорта – в том смысле, что он прервал цикл, в котором сербы оставались «блистательными лузерами». Сейчас легко забыть, что до 2008 г., а может, и до конца 2010 г. складывалось стойкое ощущение, что на теннисных турнирах сербы уступают слишком легко. Иванович и Янкович добрались до вершины, но быстро скатились с нее, Джокович выиграл Открытый чемпионат Австралии, но потом остановился, и мужчины в целом стали известны тем, что зачастую предпочитали прерывать матчи, ссылаясь на травму, лишь бы не дать сопернику выиграть последнее очко (не только Джокович – даже крайне благоразумный теннисист Янко Типсаревич снялся с 25 матчей в своей карьере, на соревнованиях тура АТП и серии Challenger). Джокович изменил эту ситуацию, прервав череду прерванных матчей и продемонстрировав способность играть до конца в невероятно изнурительных поединках. Если в сербском спорте и обществе присутствует «чувство жертвы», Джокович показал, что его можно преодолеть. Примечательно то, что Синиша Михайлович, азартный и тренер-патриот футбольной сборной Сербии, провел на финале Кубка Дэвиса в 2013 г. все три дня и активно поддерживал сербскую теннисную команду.

Учитывая, что пять самых популярных видов спорта в Сербии – это футбол, баскетбол, волейбол, гандбол и водное поло, уместно спросить, какое место занимает теннис сейчас, когда четверо сербов находятся в первых строчках мирового рейтинга, а Иванович и Джокович стали кумирами девчонок и мальчишек. Ответить на этот вопрос непросто. Конечно, аншлаги на крытом стадионе, вмещающем 17 тыс. зрителей, во время решающих матчей на Кубок Дэвиса – это великолепное достижение. Но эти отдельные случаи, когда люди могут рассказать внукам, что видели великого Джоковича на пике его карьеры, – ненадежный показатель общего отношения к какому-либо виду спорта. Сербская федерация тенниса сообщала о том, что спрос на корты в первые шесть месяцев после выхода

Джоковича в четвертьфинал Открытого чемпионата Франции в 2007 г. вырос на 40 %, но долго ли продержится эта волна интереса к теннису? Пожалуй, судить об этом мы сможем только через десять лет после того, как поколение Джоковича уйдет из спорта, и станет ясно, сколько взрослых людей трудоспособного возраста хотят играть в теннис, вдохновившись им еще в детстве под воздействием побед Джоковича.

Поправки требует распространенное мнение, согласно которому теннис в Сербии и даже в прежней Югославии начался с Моники Селеш и что она с Джоковичем – два первых известных имени. Это совершенно неверно: на самом деле первая национальная теннисная ассоциация была основана в 1922 г., когда страна была еще Королевством сербов, хорватов и словенцев. Королевская семья увлекалась теннисом, особенно король Александр I Карагеоргиевич, который стал жертвой политического убийства в 1934 г. Выдающимся теннисистом в 1920–1930-х гг. был Младен Стоянович, один из основных сообщников Гаврило Принципа в убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда в 1914 г. – событии, которое стало поводом для начала Первой мировой войны.

В первые годы истории тенниса известностью пользовались такие игроки, как Дора Алавантич, а в 1970-х гг., после объединения любительских и профессиональных кругов и с началом десятилетия профессионального тенниса, появился целый ряд выдающихся югославских спортсменов. Ники Пилич был центральной фигурой бойкота «Уимблдона» в 1973 г., Мима Яушовец выиграла Открытый чемпионат Франции в 1977 г., а Зоран Петкович, отец немецкой теннисистки Андреа Петкович, был чемпионом страны и играл за Югославию в Кубке Дэвиса. Затем в 1980-х гг. югославская сборная во главе со Слободаном Живоиновичем дважды выходила в полуфинал Кубка Дэвиса и сделала это в третий раз в 1991 г., в то время, когда страна уже распадалась. Команда, состоявшая из серба Живоиновича и хорватов Горана Иванишевича и Горана Прпича, перестала существовать после победы Югославии в четвертьфинале над Чехословакией, как раз когда набирала обороты сербо-хорватская война.

В это время первой ракеткой мира среди женщин была Моника Селеш. Этническая венгерка из Нови-Сада на севере Сербии, она завоевала для Югославии второй титул Большого шлема (после Мимы Яушовец), став самой молодой победительницей Открытого чемпионата Франции в 1990 г. в возрасте 16 лет. Любопытно, что в 1992 г., когда пятилетний Джокович по-настоящему «заболел» теннисом, именно Монике

Селеш были посвящены главные заголовки мировых спортивных изданий, однако сам Джокович всегда ссылается на уимблдонский триумф Пита Сампраса в июле 1993 г. как на источник своего вдохновения, а не на лидирующее положение соотечественницы в женском теннисе. Селеш занимала первое место в мировом рейтинге, когда 30 апреля 1993 г. на турнире в Гамбурге она получила удар ножом в спину. Несмотря на свое высокое место, через пять с половиной недель Селеш уступила лидерство в рейтинге Штеффи Граф, которую обычно обыгрывала в главных матчах, особенно на твердых и грунтовых кортах.

Поначалу Монику Селеш тренировали ее отец Карой и Елена Генчич. Потом, когда девочке исполнилось 12 лет, ее семья переехала в Флориду, поближе к школе тенниса Боллетьери в Брейдентоне. В конце концов семья подала документы на американское гражданство и получила его в 1994 г. Это произошло примерно в середине периода продолжительностью 27 месяцев, когда она не могла тренироваться и играть из-за последствий ножевого ранения в спину. И получается, что восемь из девяти своих престижных титулов в одиночном разряде она завоевала, будучи югославской спортсменкой, и только один – в качестве американки, но все это время ее домом и базой оставалась флоридская Сарасота.

Словом, несмотря на то, что теннис получил признание в Сербии задолго до начала эпохи Зимонича, Типсаревича, Янкович, Троицки, Иванович и Джоковича и имел давние традиции в спортивной культуре страны, он вовсе не являлся популярным видом спорта. Значит, справедливо рассматривать сербское «золотое поколение» как явление, которое можно поставить в один ряд со становлением футбола в Америке 1970-х гг., или регби в Аргентине, или велосипедного спорта в Великобритании. Успехи отечественных талантов, безусловно, привели к росту популярности и распространения новых видов спорта, но не смогли нарушить господства традиционных, укоренившихся спортивных видов в национальном спортивном сознании. Так что будущее тенниса в Сербии, скорее всего, зависит от поколения, которое придет на смену Джоковичу, поскольку лишь способность потомков поддерживать пламя интереса может гарантировать, что теннис в Сербии сохранит популярность, когда уже не будет любимца Джоковича и почти не будет шансов выиграть Кубок Дэвиса.

Глава двенадцатая
«Для этого я и родился»

На пресс-конференции после победы в «Уимблдоне» в июле 2011 г. Джоковича попросили прокомментировать заявление, сделанное его матерью, – о том, что победа на Кубке Дэвиса, одержанная для Сербии семью месяцами ранее, научила его играть без страха. Джокович ответил: «Если это говорит моя мама, значит, так и есть. Больше мне нечего добавить. Мама знает меня лучше, чем я сам».

Отсюда несложно сделать вывод, что завоевание Кубка Дэвиса принесло Джоковичу ощущение свободы и стало недостающей деталью головоломки, которая позволила ему всецело господствовать в мировом теннисе в 2011 г. Сам Джокович имеет в виду практически то же. «Титул Кубка Дэвиса появился как раз вовремя, – говорит он. – Я убежден, что и сам Кубок, и ощущение причастности к одному из престижнейших титулов в нашем виде спорта, завоеванному моей командой для нашей родины и на ее территории, вызвали одно из лучших чувств, какие я когда-либо испытывал в роли теннисиста. Он обеспечил огромный прилив уверенности, помог мне поверить в себя, в мои возможности на корте».

Однако такое объяснение его фантастических успехов в 2011 г. было бы слишком упрощенным. Следует упомянуть еще несколько «последних элементов головоломки», один из которых – несомненно, безглютеновая диета, которую Джокович открыл для себя в середине 2010 г. (неизвестно, оказалась она эффективной на самом деле или только в его воображении: на этот счет мнения профессиональных медиков расходятся, но вера Джоковича в безглютеновую диету явно имела огромное значение для его самочувствия), а второй – заново открытый ритм подачи. К ним можно добавить целый ряд мелочей: от стелек в его обуви до спокойной, но авторитетной команды сопровождения во главе с Марианом Вайдой. В 23 года Джокович располагал богатым опытом, а зрелые отношения с отцом вызывали у него ощущение, что именно он, а не другие, управляет своей жизнью.

Вместе с тем важно помнить, что в начале 2011 г. находились люди, которые считали, что Джокович уже достиг своего пика. В 20 лет он выиграл Открытый чемпионат Австралии, но с тех пор на протяжении трех лет явно уступал находящимся на вершине Федереру и Надалю. Поскольку Джокович вырос в стране,

где командные виды спорта ценились выше индивидуальных, его приоритетом, скорее всего, был Кубок Дэвиса – по крайней мере, так можно предположить. И поскольку Энди Маррей утвердился в узком кругу теннисной элиты, не было никаких гарантий, что Джокович автоматически сможет занять место первой ракетки мира, когда слава великого дуэта начнет угасать. Что бы ни произошло позже, перспективы Джоковича в начале года вовсе не выглядели лучезарными.

Пожалуй, ему немного повезло, потому что не пришлось играть с Надалем в «Мельбурн Парке». Надаль отправился в Австралию с намерением заполучить все четыре Больших шлема в наступившем году, но ему помешала травма ахилла в четвертьфинале. Встретившись с соотечественником Давидом Феррером, который всегда, по-видимому, не верил в себя, выступая против Надаля в матчах Большого шлема, Надаль позвал врача после трех геймов и покинул корт, взяв медицинский тайм-аут. Хотя он доиграл матч до конца, было ясно, что его подвижность ограничена, и Феррер выиграл у него в трех сетах в атмосфере некоторой озадаченности, поскольку никто в «Мельбурн Парке» не мог поверить в увиденное своими глазами. На пресс-конференции после матча Надаль не стал живописать свою травму, только намекнул, что был не в состоянии двигаться. Этот подход привел к расколу теннисного сообщества на тех, кто не поверил объяснениям, и тех, кто с уважением отнесся к достоинству, с которым Надаль отказался винить привходящие обстоятельства из боязни обесценить один из лучших результатов профессиональной карьеры товарища.

Возможно, самой значительной победой Джоковича на этом турнире стал выигранный матч с Федерером в полуфинале. Хотя исход матча оценивался примерно 50 на 50, Джокович обыграл Федерера за счет превосходной работы ног. Федерер начал применять на практике советы своего наставника Пола Анакона, и, в частности, стал играть почти на задней линии, чтобы лишить противника жизненно важных долей секунды. Но всякий раз, когда Федерер начинал гонять Джоковича по углам, серб доставал самые глубокие кроссы и отвечал молниеносными ударами с задней линии, что невозможно было бы сделать, не будь у него таких крепких голеностопных суставов. Он выиграл в трех напряженнейших сетах, но в каждом из них имел преимущество. Интересно, что, играя в футбол, Джокович чаще бьет по мячу левой ногой – возможно, она у него необычно сильна, что создает ему надежную опору для ударов слева в полной растяжке.

В решающем сете с Марреем он отдал всего девять геймов. Вероятно, подлинную историю этого финала мы так никогда и не узнаем. Перед самым выходом на корт один из руководителей турнира пожелал Маррею удачи, на что тот хмуро буркнул: «Будем надеяться, продержусь». На протяжении двух недель шотландец мучился из-за проблем со спиной, и хотя трудно понять, о чем именно говорил язык его телодвижений в матче (до недавнего времени Маррей редко проигрывал, не показывая, что ему мучительно больно), он определенно был не в лучшей форме. Маррей испытал почти облегчение оттого, что не проиграл более постыдным образом. Когда ему дважды представился случай заявить о причинах, помешавших ему в тот день, Маррей им не воспользовался – возможно, из-за Надаля, который ввел в кругу игроков экстра-класса правило не сетовать на травмы и не объяснять ими проигрыш достойному противнику.

А может, на Маррея хотя бы отчасти повлияло растущее осознание, что Джокович возродился как игрок. Спустя шесть месяцев Джокович признался: «После победы на Кубке Дэвиса я был полон жизни и сил, рвался обратно на теннисный корт, хотел больше играть, выигрывать другие турниры. Словом, я забыл про свой страх. Я верил в себя больше, чем когда-либо прежде. Турнир в Австралии стал одним из лучших, в каких я участвовал за свою жизнь».

Однако главным препятствием к лидерству Джоковича в теннисе оставался тот факт, что ему не хватало веры в себя в поединках с Федерером и Надалем. «Я питал к ним слишком большое уважение», – объяснял он. Ему без труда удавалось поверить, что он может выиграть у кого угодно, однако на его пути к победе над двумя лучшими теннисистами мира возникал психологический барьер, особенно когда речь шла о Надале.

С учетом этого признания можно предположить, что подлинная работа в счастливом году происходила в финалах четырех турниров АТП Masters 1000 в преддверии Открытого чемпионата Франции. На протяжении десятка с лишним лет АТП делала все возможное, чтобы рекламировать свои лучшие девять соревнований Masters как особую серию, чем-то схожую с Лигой европейских чемпионов в футболе, и они действительно выделялись на фоне остальных более чем шестидесяти турниров профессиональных теннисистов. Однако соревнования Masters 1000 так и не смогли приблизиться по популярности к четырем турнирам Большого шлема, и с точки зрения доходов разрыв между ними не сокращался, а увеличивался. Тем не менее для Джоковича в 2011 г. они были не просто разминкой. В финалах в Индиан-Уэллсе, Майами, Мадриде и Риме он готовил

почву для заключительного рывка к вершине.

В первой половине 2011 г. на самых верхах в мужском разряде сложился необычный треугольник. Надаль явно имел преимущество перед Федерером; в сущности, Федерер, несмотря на неоспоримое господство, не выигрывал у Надаля на турнирах Большого шлема со времени уимблдонского финала в 2007 г. Федерер по-прежнему считал, что может обыгрывать Новака, хотя яркая победа Джоковича на Открытом чемпионате Австралии значительно уравняла шансы в их соперничестве. Поэтому вполне возможно, что разгадкой успеха Джоковича в волшебном для него году стало то, что Надаль понял: сражаясь со своим главным соперником, он может побеждать!

Выигрыш в финале в Индиан-Уэллсе придал Джоковичу уверенности, однако этому результату трудно придавать слишком большое значение. Несмотря на то, что стадион, построенный бывшим теннисистом Чарли Пасареллом, превосходен, атмосфера там царит несколько необычная, поскольку по соседству живут преимущественно пенсионеры, значит, средний возраст зрителей выше, чем на каком-либо другом турнире. Вдобавок в условиях Калифорнийской пустыни мяч ведет себя по-другому, поэтому нельзя исключать случайности. Теперь, по прошествии времени, ясно, что в победе Джоковича над Федерером в полуфинале в Индиан-Уэллсе (это была его третья победа над швейцарцем в трех турнирах подряд – через две недели после «Мельбурна» Джокович выиграл у него в финале в Дубае) не было ничего выдающегося, но в то время Джокович выглядел всего лишь как игрок в хорошей форме.

Когда Джокович обыграл Надаля в Майами, в тайбрейке решающего сета, теннисный мир слегка заинтересовался. Победа над явной первой ракеткой мира дважды подряд в финалах выглядела серьезной заявкой, но Джоковичу еще только предстояло сразиться с испанцем на любимом покрытии последнего.

Джокович пропустил Masters 1000 в Монте-Карло, но, выиграв свой «собственный» турнир в Белграде, он принял участие в следующих один за другим турнирах серии Masters в Мадриде и Риме, на финишной прямой, ведущей к Открытому чемпионату Франции. К тому времени люди уже поговаривали об удивительной череде его побед. К началу турнира в Мадриде им было сыграно 28 матчей за год и 30 с момента последнего проигрыша (Федереру в финале мирового тура АТП).

Когда он в Мадриде выиграл в финале у Надаля 7–5, 6–4, теннисный мир буквально остолбенел: это была первая победа Джоковича над испанцем на грунтовом покрытии, а Надаль

проигрывал в финале на грунте лишь в третий раз в карьере. Однако и в этом случае имелись смягчающие обстоятельства. Надаль никогда не чувствовал себя совершенно комфортно в Мадриде, расположенном высоко над уровнем моря, где мяч летит быстрее, а теннисный стадион «Каха Магика» зачастую словно помогает тем теннисистам, которые лучше всего играют на кортах с твердым покрытием. Вот почему подлинный урон психике Надаля Джокович нанес в Риме. Этот город был чем-то вроде оплота для Надаля – здесь он выигрывал подряд финалы еще в те годы, когда по регламенту финальные матчи состояли из пяти сетов. По природным условиям римский турнир был больше похож на «Ролан Гаррос», чем на Мадрид. Так что когда Джокович одолел Надаля в финале 6–4, 6–4, он внезапно стал одним из главных фаворитов предстоящего Открытого первенства Франции.

В чем состоял секрет Джоковича? Вместе со своими тренерами он обратил внимание на то, что мощные крученые удары позволяют Надалю играть относительно безопасно, в том смысле, что ему нет смысла бить под самую заднюю линию: удар на три четверти длины корта с сильной подкруткой заставляет мяч резко взлетать вверх и имеет не меньший эффект, чем глубокий удар с задней линии. Поэтому Джокович вышел чуть вперед и стал играть внутри корта, чтобы сократить время между ударами. Он всегда предпочитал играть в основном на задней линии, но теперь вышел вперед, чтобы бить по восходящему мячу и лишить Надаля драгоценных секунд. Стратегия была чрезвычайно рискованной, поскольку Джокович становился уязвимым и был вынужден пробивать мячи, посланные глубоко, практически на уровне кроссовок. Но поскольку игра Надаля строится на феноменальной скорости и его способности доставать все мячи, стоило рискнуть и нарушить привычную для испанца манеру игры. Как только эта стратегия заработала, подействовал психологический фактор, поскольку Надаль почувствовал, что надо перестроиться, стал играть длиннее на более медленных ударах и в результате часто попадать в аут.

К началу полуфиналов «Ролан Гарроса» беспроигрышная серия Джоковича уже состояла из 45 матчей. Но в этот прекрасный, хоть и ветреный весенний день в Париже она прервалась, а сам день стал одним из самых знаменательных в истории этого вида спорта.

После того как Надаль отметил свое 25-летие победой над Энди Марреем в первом полуфинале, все ждали, что финал Надаль-Джокович увенчает серию из сыгранных ими до этого

четырех финалов в турнирах Masters. В своем полуфинале Джокович вышел на корт против Федерера, зная, что победа выведет его на первое место в мировом рейтинге. Однако в тот день, в одном из самых важных для него матчей теннисного года, Федерер словно вдохнул в свою пошатнувшуюся карьеру новую жизнь. Он не только хорошо подавал, но и имел в распоряжении продуманный план игры, который с точностью реализовал. Когда 13 месяцев спустя, в июле 2012 г., Федерер стал чемпионом «Уимблдона», он отметил, что его путь к возрождению начался с победы над Джоковичем в Париже, которая помогла ему поверить, что он еще способен играть наравне с лучшими.

История сохраняет упоминание о том, что для Федерера это была победа в четырех сетах, однако умалчивает, как на самом деле был близок к выигрышу Джокович. Отдав два первых сета, он отыграл третий, а когда подавал на сет в четвертом при счете 5–4, дневной свет померк настолько, что противники столкнулись с реальной перспективой продолжить матч в субботу утром, чтобы решить исход поединка в решающем сете. В этом случае Джокович был бы явным фаворитом, но до этого дело не дошло. Федерер блестяще сделал обратный брейк, и поскольку его уровень игры рос по мере угасания дневного света, ему хватило нервов выиграть тайбрейк 7–5 на третьем матчболе.

Джокович проиграл с достоинством. Он понимал, что его победная серия должна когда-нибудь закончиться и что он стал частью великолепного спортивного зрелища. И тем не менее ему было обидно проиграть в таком важнейшем матче. Серия сплошных выигрышей завершилась, но одной из отличительных черт карьеры серба всегда была его способность забыть о поражении, вновь собраться и вернуться на корт еще более сильным. Он разумно рассудил, что после Парижа ему нужна передышка, поэтому отказался от участия в турнире Queens Club в Лондоне и в следующий раз появился на корте в «Уимблдоне».

Его сетка там не была легкой. Кевин Андерсон, Маркос Багдатис и Микаэль Льодра – все они имели возможности доставить Джоковичу много неприятностей. Однако он добрался до четвертьфинала, проиграв по дороге только один сет. Победа в четырех сетах над 18-летним австралийцем Бернардом Томичем должна была привести к своеобразному повтору парижского полуфинала с Федерером, но швейцарец уступил Жо-Вильфриду Тсонге, хотя взял первые два сета матча.

Уже во втором турнире Большого шлема подряд Джокович играл в полуфинале, зная, что победа обеспечит ему первое место в мировом рейтинге. На этот раз он уверенно обыграл француза в захватывающем матче из четырех сетов и вышел в финал,

где его ждал Надаль, который, несмотря на неудачное начало, выиграл у Энди Маррея во втором полуфинале. Высшее место, о котором Джокович мечтал с детства, уже принадлежало ему, но оставался вопрос, сумеет ли он отпраздновать это достижение с величайшим теннисным трофеем в руках или останется в звании финалиста «Уимблдона».

Этот матч стал действительно венцом предыдущих четырех финалов серии Masters 1000. Помогло и то, что Джокович продемонстрировал свой лучший теннис в первых двух сетах; во втором сете розыгрыш некоторых очков был таким, что захватывало дух. Временами казалось, что Джокович дразнит Надаля, а когда счет стал 6–4, 6–1 в пользу серба, все стало похоже на сон. Но сколько этот сон мог продолжаться? Уровень игры Джоковича заметно упал в начале третьего сета. В этом нет ничего постыдного: мало кто из теннисистов был бы в состоянии сохранить тот уровень, который Джокович показывал в первый час матча. Но Надаль воспользовался ситуацией и сделал брейк. А когда он в очередной раз взял подачу Джоковича и выиграл третий сет со счетом 6–1, все выглядело так, будто он сможет повторить свои блестящие двойные победы «Париж – Уимблдон» в 2008 и 2010 гг.

Вероятно, Джоковичу немного повезло, когда ему удалось взять подачу Надаля в начале четвертого сета, но самым примечательным было то, что случилось потом. Надаль, как всякий человек, делает ошибки, но он не делает их на самых важных очках – просмотрите запись первых четырех геймов любого сета, сыгранного Надалем, – вы увидите несколько ошибок, но в последних двух геймах любого сета их будет очень мало. Однако по ходу четвертого сета он ошибался все чаще и чаще. Джокович играл неплохо, но так и не вернулся к уровню двух первых сетов. Казалось, вся предварительная работа, проделанная Новаком в четырех финалах Masters 1000, психологически надломила Надаля, и некогда почти несокрушимый противник сломался сам.

«Я все время возвращался мыслями к тем четырем матчам, в которых выиграл у него, – объяснял позднее Джокович. – и пытался играть так же: агрессивно, рискованно, не давая ему возможности контролировать ситуацию». Легко сказать, гораздо труднее сделать. Исход четвертого сета зависел от того, у кого из теннисистов осталось больше сил. Стоны игроков были слышны тем чаще, чем сильнее росло напряжение. Несколько раз Джокович рвал ритм и бил чуть слабее с задней линии, и в большинстве таких случаев Надаль отвечал слишком агрессивно и посылал мячи в аут. Давала о себе знать ментальная

травма, которую Джокович нанес испанцу победами в предыдущих четырех финалах. Надаль даже сделал брейк и мог сравнять счет, подавая на 3–4, но Джокович снова взял подачу соперника, и, таким образом, его подача должна была решить судьбу этого матча и титула «Уимблдона-2011».

При счете 5–3, 30–30, после долгого обмена ударами с задней линии, усыпившего бдительность Надаля, Джокович сменил тактику. После косой подачи он вышел к сетке и сыграл бекхендом с лета в открытую часть корта. Если бы эта стратегия не сработала и он проиграл бы подачу и матч, люди указали бы на эту смену тактики как на явную ошибку, приведшую к поражению. Такое вполне могло случиться, но в тот момент Джокович понимал, что соперник уже прижат к стенке, а значит, стоит рискнуть и в полной мере использовать свое преимущество. На следующем очке он снова вышел в сетке, хотя и не после подачи, но играть с лета ему не пришлось, так как бэкхенд Надаля ушел в аут.

Джокович рухнул на газон и даже цапнул ртом траву – потом он утверждал, что «чувствовал себя животным».

Может, именно так он все это себе и представлял семилетним мальчишкой, когда нашел пластмассовую вазу и сделал вид, что это трофей «Уимблдона»? Джокович был не единственным ребенком, мечтавшим выиграть «Уимблдон», однако одним из тех немногих, кому хватило решимости и целеустремленности, чтобы осуществить свою мечту. Так думал ли он о ней в момент победы? «Думал, – говорит он. – Когда матч закончился и я набивал рот травой, все детство пронеслось перед моими глазами – все, через что я прошел, воспоминания, первые теннисные корты, на которых я вырос, дни, проведенные в Белграде. Это было прекрасно».

Час спустя, на пресс-конференции после матча, он говорил более обдуманно, но по-прежнему экспрессивно:

«Для этого я и родился – чтобы стать теннисным чемпионом. Я только что беседовал со своими братьями, другими родственниками и с моей командой в раздевалке, вспоминал дни тяжелого труда в Германии и в Сербии, когда мне было восемь, девять, десять, одиннадцать лет, и все мои мечты. Это в самом деле прекрасно. Я имею в виду этот успех, благодаря которому мысленно возвращаешься к прежним временам, назад в детство, и вспоминаешь, как добирался до нынешнего этапа. Путь был нелегким, но, наверное, необходимым, чтобы побороться за то, к чему стремишься. Все мы знаем ситуацию в нашей стране, знаем о войнах и так далее. Стать профессиональным теннисистом было по-настоящему трудно, тем более что теннис

не относится к самым популярным видам спорта у меня на родине. У него нет никакой истории. Но, в конце концов, если задуматься, именно это нам и нужно. Не только я, но и Иванович, Янкович, Типсаревич, Зимонич, – все эти игроки, успешно выступавшие последние пару лет в мужском и женском теннисе, все мы проделали трудный путь, чтобы пробиться сюда. И благодаря этому стали ментально сильнее».

Джокович также сделал заявление: «Я намерен отпраздновать победу, как подобает сербу», которое благосклонно приняли британцы – им понравилось, как это прозвучало, хоть они и не поняли смысла слов (мог ли изрядно подвыпивший британец вообразить себе, что Джокович будет праздновать победу, распевая сербские народные песни?!). Дома, в Белграде, около 100 тыс. поклонников собрались, чтобы поприветствовать его, на площади Республики, где был устроен концерт. Джокович проделал путь из аэропорта «Никола Тесла» до городского центра в автобусе, где был поднят верх, со своим уимблдонским трофеем, и махал болельщикам, выстроившимся вдоль улиц.

Сразу после его триумфа в «Уимблдоне» люди видели, как дети натягивали веревки между двух столбов, находили две плоских деревяшки, резиновый мячик и «играли в теннис». Было бы неправильно видеть в этих действиях появление в Сербии нового популярного вида спорта, однако они свидетельствовали о появлении национального героя, а дети всегда подражают своим кумирам. Этот конкретный кумир занимался спортом, практически не известным в Сербии, но какая разница? Величия кумира это не умаляло.

Слава на родине, конечно, греет честолюбие, но достижения Джоковича потрясли весь теннисный мир. Оглядываясь на эпоху Федерера-Надаля-Джоковича, начавшуюся в 2004–2005 гг., легко забыть, какую важнейшую роль сыграл выигрыш «Уимблдона» Джоковичем. После почти случайной победы Гастона Гаудио на Открытом чемпионате Франции в 2004 г. всего три человека (Марат Сафин, Хуан Мартин дель Потро и Джокович) смогли нарушить двоевластие Федерера и Надаля, завоевавших на двоих 28 титулов Большого шлема. Джокович не просто стал первой ракеткой мира, он обыграл Федерера и Надаля восемь из девяти раз за предыдущие шесть месяцев. Он сорвал банк Федерера-Надаля.

К тому времени, как Джокович покинул «Уимблдон» в 2011 г., он сыграл 49 матчей и выиграл 48 из них. Поскольку он достиг двух величайших из своих целей в последние три дня «Уимблдона» (первого места в рейтинге и уимблдонского титула) и еще трех – в предшествующие семь месяцев, считая вместе

с Кубком Дэвиса, в оставшуюся часть года он слегка расслабился, что вполне простительно. Но после «Уимблдона» он заявил: «Я хочу выиграть больше турниров Большого шлема, я ни в коем случае не остановлюсь на достигнутом», и свой первый турнир после «Уимблдона» – Canadian Masters в Монреале – он легко выиграл, а победить на турнире Masters в Цинциннати ему помешала только травма плеча, из-за которой он снялся в матче против Энди Маррея при счете 0–3 во втором сете.

После этого на протяжении пары дней высказывались сомнения в том, сможет ли человек года участвовать в Открытом чемпионате США, однако Джокович прервал матч в Цинциннати главным образом из предосторожности, а спустя неделю, к началу Открытого чемпионата США, снова был в форме. Более того, он опробовал новое устройство для поддержания здоровья. В период проведения Открытого чемпионата США Wall Street Journal сообщал, что Джокович проводит три сеанса в неделю по 20 минут каждый в «барокамере яйцеобразной формы размером с бобслейные сани». Многие игроки проводят время в условиях повышенного давления, где в кровь попадает больше кислорода, позволяющего быстрее оправляться после изнурительных матчей, но на этот раз речь шла об аппарате, значительно превосходящем заурядную барокамеру. Его изготовила калифорнийская компания CVAC Systems, утверждающая, что это изобретение стоимостью 75 тыс. долларов способно повысить результативность спортсменов, «улучшая кровообращение, повышая насыщенность кислородом красных кровяных клеток, выводя молочную кислоту и, возможно, даже стимулируя митохондриальный биогенез и выработку стволовых клеток». Получился увлекательный сюжет, и Джокович с удовольствием рассказывал, как пользуется барокамерой, но когда 16 месяцев спустя его спросили, взял ли он ее с собой в Австралию, он ответил, что лишь «ограниченно» применял капсулу в США.

Во «Флашинг Медоуз» он определенно выглядел так, словно находился на пике формы, и отдал в первых трех встречах всего 12 геймов. Потом стало сложнее: у Александра Долгополова он выиграл 16–14 на тайбрейке, у Янко Типсаревича (своего товарища по Кубку Дэвиса) – в четырех напряженных сетах в четвертьфинале, а в полуфинале провел очередной изматывающий матч из пяти сетов против Роджера Федерера.

Второй год подряд Джокович спас два матчбола, но победа получилась почти украденной. Федерер доминировал в первых двух сетах, которые и выиграл, а Джокович изо всех сил пытался найти свой ритм. В пятом сете Федерер сделал брейк и повел 5–3,

а на счете 5–4, 40–15 имел два матчбола. На первом из них Джокович рискнул принять подачу мощным ударом справа на вылет, который не оставил сопернику шансов. Во время послематчевых пресс-конференций стало понятно, что именно этот удар на вылет психологически надломил Федерера. Может, дело было в том, что Джокович вскинул обе руки, обращаясь к зрителям и пытаясь заручиться их поддержкой – после того как большинство из них с самого начала откровенно болели за Федерера. А может, в том, что риск оправдался, или в ехидной улыбке Джоковича перед приемом подачи на втором матчболе. Как бы там ни было, Федерер угодил форхендом в сетку, и его участь была решена. На своей пресс-конференции после матча Федерер почти намекал, что так рисковать при матчболе невежливо. Его комментарии, вероятно, не стоит воспринимать буквально, поскольку разочарование швейцарца наверняка было слишком велико, но из них следует, что Джокович психологически переиграл не только Надаля, но и Федерера. «Я не хотел, чтобы он поступил со мной здесь так же, как на Открытом чемпионате Франции», – объяснял Джокович.

Все это привело к очередной встрече с Надалем, второму подряд финалу и на Открытом чемпионате США, и на турнирах Большого шлема. К счастью для Джоковича, этот злополучный Открытый чемпионат США, организаторам которого пришлось иметь дело с землетрясениями, ураганами и просачиванием воды сквозь трещины в поверхности кортов, затянулся на третий понедельник, в итоге у Джоковича было больше времени, чтобы оправиться после пяти сетов против Федерера, а в очередном физически напряженном матче дополнительное время играло решающую роль. В Уимблдоне Надаль озвучил зловещее предостережение. «Когда кто-то обыгрывает меня пять раз, это возможно потому, что моя игра ничуть не тревожит его, – заявил он после финала. – Моя задача – найти решение, этим я и намерен заняться». Надаль действительно занялся поиском «решений» (он часто использует это слово в английском языке), но этот процесс затянулся до следующего года. В сущности, финал Открытого чемпионата США прошел почти по той же схеме, что и финал «Уимблдона».

Согласно истории, Джокович выиграл у Надаля со счетом 6–2, 6–4, 6–7, 6–1, но эти цифры не рассказывают ни о тяжелейшей физической борьбе, ни о затяжных обменах ударами, от которых захватывало дух. Этот теннис чем-то напоминал боксерский поединок, и хотя мельбурнский финал этих же соперников четыре месяца спустя получился гораздо более длительным, с точки зрения физического напряжения этот матч на «Флашинг Медоуз»

был зрелищем посильнее, хотя продолжался «всего» четыре часа с небольшим.

Особое сходство с «Уимблдоном» финалу придавало то, что Надаль сдал в четвертом сете, хотя у него имелись все возможности выровнять игру. В третьем сете Джокович вышел подавать на чемпионский титул при счете 6–5, но Надаль отыграл подачу, демонстрируя лучшую игру в матче, и вел в счете в течение всего тайбрейка. Тогда в конце третьего сета Джокович взял медицинский тайм-аут, чтобы расслабить мышцы спины. После третьего сета у Надаля имелись и физические, и психологические возможности выровнять матч, но он проиграл. И не из-за ошибок, которые стали причиной его коллапса в четвертом сете «Уимблдона», а потому, что позволил Джоковичу играть в свою игру, и серб в полной мере воспользовался этой возможностью. Сыграв на вылет обратным кроссом справа победный мяч, он рухнул на спину на корт, как бы подтверждая заявление, сделанное в Уимблдоне, что он лучший в мире и что он не только присоединился к достижениям Федерера и Надаля, но и превзошел их.

В оставшиеся два с половиной месяца ничего примечательного не добавилось к достижениям, составившим золотой год Джоковича.

Ситуацию несколько усугубляли проблемы с расписанием – понятные, но создающие неудобства. Несколько лет тому назад Международная федерация тенниса выясняла у игроков, в какие недели для них предпочтительнее играть матчи Кубка Дэвиса. В большинстве ответов назывались недели, следующие сразу за турнирами Большого шлема, что было логично, поскольку даже удачное выступление на каком-нибудь турнире Большого шлема означало, что ко второму вторнику игроки уже будут свободны, и в итоге у них останется еще 10 дней на подготовку к матчу за свою страну. Понимая, что теннисисты должны быть ее союзниками, МФТ согласилась и назначила проведение двух кругов Кубка Дэвиса в году на уик-энды, следующие сразу за турнирами Большого шлема.

Но эта неделя стала кошмаром для именитых игроков: уже через несколько дней после полуфиналов и финалов Большого шлема в пятницу, субботу и воскресенье (а иногда и в понедельник), им приходилось играть важнейшие одиночные матчи, зачастую на другом покрытии и даже другом континенте. Так, выиграв свой первый Открытый чемпионат США в зверском четырехчасовом финале в понедельник вечером, Джокович вынужден был появиться на корте всего тремя днями позже – в Белграде, где Сербия сошлась с Аргентиной в полуфинале Кубка

Дэвиса. Ходили многочисленные слухи, что он получил травму, но не надо быть сторонником теории заговора, чтобы понять, как мудро было поручить Янко Типсаревичу и Виктору Троицки в день открытия турнира играть синглы, чтобы дать Джоковичу два лишних дня на восстановление.

Проблема для Сербии заключалась в том, что Троицки имел рейтинг выше, чем Типсаревич, поэтому играл под первым номером, однако пик его спортивной формы уже прошел. Когда Давид Налбандян обыграл его в четырех сетах, Сербия оказалась в тяжелом положении, особенно после того, как Хуан Мартин дель Потро, как и ожидалось, выиграл у Типсаревича. Победа Троицки и Зимонича в парном разряде помогла продолжить борьбу и проложила путь для Джоковича, которого встретили как героя, помня о его достижениях в этом году.

В тот воскресный день на Белградской Арене ему был оказан прием, какого удостаиваются лишь немногие. С гордостью и почти с вызовом демонстрируя красную майку сербской сборной, он вышел на арену по сухому льду, освещаемый одиноким прожектором, под аккомпанемент «Кармины Бураны» и неистовые крики 17 тыс. болельщиков. Такой прием обычно приберегают для поп-звезд и знаменитых боксеров. Если кто-нибудь и мог решить исход полуфинального матча в пользу Сербии, то это был лишь Джокович.

В первом сете все шло неплохо, но Джокович никак не мог оторваться от рослого аргентинца. Чтобы выигрывать у дель Потро, необходимо успешно принимать его подачи, а выигрышные ответные удары Джоковича улетучились неизвестно куда. Обычно он мог пробегать час-другой и войти в ритм, но сколько еще топлива оставалось у него в баках? Сет перешел в тайбрейк, и хотя Джокович отыграл мини-брейк и сравнял счет 4–4, тайбрейк он проиграл 7–5.

Что же теперь делать? Герой Сербии, явно не совсем здоровый и усталый по понятным причинам, играет уже час, а ему по-прежнему необходимо выиграть три сета. Должно быть, произошел какой-то неожиданный и загадочный сдвиг в глубине сознания Джоковича. Он без борьбы уступил свою подачу и стал отставать в сете 0–2. И когда в следующем гейме дель Потро на очке, после которого он мог выйти вперед 3–0, косым кроссом справа согнал Джоковича с корта, серб упал с криком от боли и неподвижно распластался на площадке. То же самое случилось год назад. Но если тогда речь шла отчасти о тактической уловке, целью которой было сбить с толку Томаша Бердыха, то теперь уловка могла считаться тактической лишь в одном смысле: Джокович знал, что он не выдержит еще три сета.

При виде этих объяснений может создаться впечатление, что травма была ложной. Но это не так. Оказалось, что у Джоковича – разрыв мышцы спины, которую он повредил на Открытом чемпионате США. Он понимал, что травма может усугубиться во время матча с Аргентиной, но рассчитал, что у него больше шансов победить бывшего чемпиона Открытого чемпионата США, чем у Троицки. В этом он был почти прав, но теперь, по прошествии времени, ясно, что он обязан был выиграть первый сет. Как только первый сет был проигран, исход игры оказался предрешенным, и какое-то глубинное чутье спасло Джоковича, избавив его от необходимости продолжать безнадежный матч. Как с готовностью подтверждали многие, он охотно пошел на риск, в то время как большинство теннисистов в его положении сочли бы, что опасность усугубить травму слишком велика. До этого матча он вел в личных поединках против дель Потро 4–0, и, конечно, никому в голову не пришло критиковать его за то, что на корт он вышел с апломбом победителя. «Решение принял я сам, но риск не оправдался», – честно оценил ситуацию сам Джокович. Это было первое поражение Сербии на Белградской Арене, и оно оставалось единственным до тех пор, пока ослабленная команда не проиграла финал 2013 г.

После этого удача, сопутствовавшая Джоковичу весь этот звездный год, стала от него отворачиваться. Он потерпел еще несколько поражений, которые были скорее результатом потери концентрации после сильного напряжения и усталости, нежели преимуществом противников, однако ему хватило чувства юмора, чтобы в Базеле 31 октября выйти на корт в маске для Хэллоуина, с копной черных волос. Готовность Джоковича сделать это и отказаться от «маски игрока» на этапе матча, когда он обычно выглядит таким серьезным и сосредоточенным, говорит о том, что он понимал: в этом году работа закончена. Что соответствовало действительности.

По итогам года он стал первой ракеткой мира, причем с большим отрывом. Ему удалось нарушить двоевластие Федерера-Надаля, он удостоился массы наград. Самой престижной из них стала награда лучшему спортсмену года в мире – Laureus World Sportsman of the Year. Эта награда, вообще-то, вручается как признание наивысшего спортивного достижения независимо от вида спорта – в этом, собственно, и заключается ее смысл, но определенное предпочтение, которое спонсоры этой награды отдают теннису, несколько девальвировало ее престиж. Может быть, дело в том, что теннис переживает необычный период расцвета благодаря Федереру, Надалю, Джоковичу

и Серене Уильямс. Но складывается ощущение, что лучший спортсмен теннисного мира «обречен» попасть в лауреаты награды Laureus Award.

Так или иначе, когда Джоковичу вручали эту награду через неделю после изнурительного марафона на Открытом чемпионате Австралии 2012 г., он выглядел достойным победителем. «Трудно выразить словами, как много это значит для меня, – признался он и многозначительно добавил: – Не только для меня, но и для моей семьи, моей команды, моей родины, всех тех, кто поддерживал меня на протяжении всей моей карьеры». На церемонии вручения призов все игроки благодарят свою команду, многие адресуют благодарности родным. Но мало кто говорит спасибо своей родине. Новак Джокович покорил мир в 2011 г., совершил то, что обещал, когда его возраст выражался еще однозначным числом. И он сделал это как для своей страны, так и для самого себя.

Как он собирался действовать дальше, после достижений 2011 и 2012 гг.? Сейчас легко оглянуться и сказать, что 2011 г. с самого начала обещал быть удачным. Впрочем, нечто подобное можно сказать и о следующих годах. И хотя в середине 2012 г. он временно утратил первое место в рейтинге, год он закончил на вершине рейтинга, дошел до трех из четырех финалов Большого шлема и пополнил свой послужной список замечательным достижением – еще одним титулом Открытого чемпионата Австралии. Большую часть 2013 года Джокович находился на первом месте в мировом рейтинге, и хотя был вынужден уступить его Надалю в октябре, тем не менее закончил год, демонстрируя свой лучший теннис, в том числе дважды уверенно переиграв Надаля – в октябре и в ноябре. Следовательно, было бы неправильно рассматривать 2012 и 2013 гг. совсем уж обособленно от 2011-го; справедливее было бы сказать, что с начала 2011 г. и на протяжении последующих трех с лишним лет Джокович показывал самые стабильные результаты среди мужчин мировой теннисной элиты.

Победу Джоковича в финале Открытого чемпионата Австралии в январе 2012 г. вполне можно расценивать как его крупнейшее достижение. Во вторую пятницу турнира вечером он в полуфинале, продолжавшемся 4 часа 50 минут, одолел Энди Маррея со счетом 7–5 в пятом сете. Многие считали, что Маррей, отняв много сил у Джоковича, сделал достаточно, чтобы в финале обеспечить преимущество Надалю. Тем более что еще в четверг испанец в своем полуфинале обыграл Роджера Федерера, потратив на это на час с лишним меньше времени. Но в те выходные Джокович доказал, что истощить его ресурсы

практически невозможно.

Первую неделю Большого шлема именитые спортсмены часто воспринимают как формальность. В первую неделю нельзя завоевать титул, можно только потерять его, но эта первая неделя имела на редкость большое значение для Джоковича. Он потратил минимум энергии, отдал всего 14 геймов в первых 11 сетах турнира и вышел в полуфинал, уступив лишь один сет – Ллейтону Хьюитту в четвертом круге. Так что, несмотря на то, что в конце турнира его ждали два изнурительных поединка, батарея его ресурсов накануне решающих матчей оставалась полностью заряженной.

В полуфинал вновь вошла большая четверка. Матч Федерера с Надалем хоть и растянулся на пять сетов, но швейцарец в нем не выглядел серьезным претендентом на победу. А вот ход встречи Джоковича и Маррея показал, что шансы у них действительно были равные. Ближе к концу решающего сета казалось, что победителем станет Маррей, но Джокович был уверен в себе не меньше, чем в звездном 2011 г., и в результате одержал победу.

А потом начался матч, который стал самым продолжительным финалом в истории Большого шлема и, вероятно, одним из самых тяжелых с точки зрения физической нагрузки, а также – по крайней мере, в конце поединка – одним из лучших с точки зрения качества. Джокович втягивался в игру медленно, как это часто бывает с ним в матчах против Надаля, а по истечении часа проигрывал один сет. Но во втором сете он выровнял игру, и на протяжении третьего и большей части четвертого сета определенно выглядел сильнее. Однако Надаль перехватил инициативу в конце четвертого сета, когда игра возобновилась после короткого перерыва из-за дождя, и взял сет на тайбрейке. Начиналась третья неделя турнира, финал затянулся за полночь, Надаль выглядел сильнее. В пятом сете он взял подачу Джоковича и повел 4–2, но серб сразу же отыграл брейк назад. Это стало предвестником очередной смены инициативы в матче, и, когда Джокович сделал брейк и повел 6–5, судьба матча должна была решиться на его подаче. У Надаля была возможность взять очко на подаче Джоковича и сделать счет 6–6, и в этом случае инициатива легко могла вновь вернуться к нему. Но Джокович спас брейк-бол глубоким кроссом слева, а затем обеспечил себе победу подачей, которая заставила Надаля ответить коротко, и сербу – завершить матч обратным кроссом на вылет справа.

Этот матч продолжался 5 часов 53 минуты, и после объятий с Надалем и рукопожатий с судьей Паскалем Мария Джокович

содрал с себя рубашку – зверь, заточенный у него внутри, наконец вырвался на свободу. Его торжество было почти пугающим: с обнаженным торсом он ринулся через весь корт к своей свите, потрясая сжатыми кулаками и дико крича, а после рукопожатий несколько раз ударил в рекламный щит и двинулся к своему месту. Потрясающее зрелище – не приведи Господь раздразнить такого зверя!

Теннис во многом зависит от спонсоров, но выступление президента Kia Motors, основного спонсора Открытого чемпионата Австралии, с трехминутной речью почти в 2 часа ночи, после того как два игрока на протяжении шести часов демонстрировали фантастическую игру, было больно смотреть. Только когда слово взял следующий оратор, президент австралийской теннисной ассоциации, кто-то сообразил, что после такого матча оба теннисиста должны испытывать физические страдания от усталости. В конце концов директор турнира Крэг Тайли подал кому-то из персонала знак принести игрокам стулья, и его жест вызвал самые бурные аплодисменты на церемонии – если, конечно, не считать того момента, когда победитель получал свою награду. Не прошло и часа, как оба недавних соперника оказались под капельницами в машинах скорой помощи на парковке Арены Рода Лейвера на фоне шедшего полным ходом демонтажа арены.

Как и следовало ожидать, после матча Джоковича спросили, стала ли эта победа величайшей в его карьере. «Думаю, одной из них, – ответил он, – потому что невероятен сам факт, что мы играли почти шесть часов. Я очень горжусь тем, что участвовал в этом историческом эпизоде, стал одним из элитных игроков, выигрывавших этот турнир несколько раз. Для меня большая честь играть перед Родом Лейвером, перед великими спортсменами всех времен и перед 15 тыс. зрителей, которые задержались на стадионе до половины второго [ночи]». Если учесть стремление журналистов первыми огласить свою версию сюжета, просьба оценить победу выглядит совершенно естественной, однако с более взвешенной оценкой придется подождать до конца карьеры Джоковича. Несомненно одно: даже если Джокович никогда больше не выиграет ни одного титула Большого шлема, его подвиг в ту мельбурнскую ночь обеспечил ему место в ряду самых выдающихся спортсменов мира.

Какой бы ни была оценка достижений Джоковича в 2012 и 2013 гг., при любой из них рискуешь попасть в ловушку: прошло слишком мало времени для определения их истинных масштабов. Несмотря на мощный старт в Австралии, ему не суждено было повторить свои результаты предыдущего

года. Да, Роджер Федерер завоевал три титула Большого шлема из четырех за три года из четырех (в 2004, 2006 и 2007 гг.), однако его стиль игры почти не требовал усилий и не изнурял так, как стили Джоковича и Надаля. Тот факт, что Джокович, утратив лидерство в рейтинге к середине года, завершил 2012 год в качестве первой ракетки мира, а 2013 год закончил демонстрацией своей лучшей игры (несмотря на то, что в рейтинге был потеснен вернувшимся после травмы Надалем), означает, что история, вероятно, оценит его как лучшего теннисиста мира в период с 2011 по 2013 г., а может, и дольше, но пока еще рано делать прогноз.

Между Джоковичем европейской весны 2012 года и Джоковичем 2011 года имелась заметная разница. В апреле он играл в Монте-Карло, на турнире Masters, который пропустил в предыдущем году, и вышел в финал, где встретился с Надалем. То, что победа Надаля 6–3, 6–1 изменила привычную картину предыдущего года, не суть важно. В середине турнирной недели после продолжительной болезни скончался дед Джоковича, Влада (Владимир Джокович). Об этом прискорбном событии Джокович узнал во время утренней разминки в день матча против Александра Долгополова и был явно ошеломлен. В первом сете против подвижного украинца он выглядел растерянным и ему, вероятно, повезло, что его противником был теннисист, которому еще предстоит показать, что он не только талантлив, но и психологически устойчив. Джокович быстро собрался и выиграл матч в двух сетах, а затем обыграл Робина Хаасе и Томаша Бердыха прежде, чем уступил Надалю.

«Я нисколько не хочу умалять победу Рафы, – заявил Джокович на пресс-конференции после матча, – но у меня действительно не осталось эмоциональной энергии. Я просто не мог сосредоточиться на происходящем. В эмоциональные ситуации такого рода я еще не попадал. Неделя выдалась для меня психологически очень трудной. После трагического известия я выиграл три матча. По-моему, я держался неплохо». Если вспомнить, что речь шла о дедушке, временами игравшем роль третьего родителя, близком человеке, чья квартира служила убежищем для всей семьи во время бомбардировок Белграда в 1999 г., и заодно вспомнить, что дедушка взял на себя часть забот о финансировании внука после того, как способности последнего стали очевидны, можно считать, что это убедительное объяснение того, что Джокович сумел взять в финале серии Masters всего четыре гейма. Но, как бы там ни было, Надаль одержал необходимую психологическую победу, а когда четыре недели спустя он обыграл Джоковича в финале в Риме 7–5, 6–3,

то к пику сезона Большого шлема он подошел в высокой спортивной форме – подобно той, что так помогла Джоковичу годом раньше.

Победа Джоковича на Открытом чемпионате США означала, что из всех четырех турниров серии Большого шлема только «Ролан Гаррос» оставался непокоренным. Завоевание Федерером (в 2009 г.) и Надалем (в 2010 г.) так называемого карьерного Большого шлема (набора из всех четырех титулов серии Большого шлема) привело к тому, что многие молодые болельщики стали рассматривать карьерный Большой шлем всего лишь как определенный этап спортивного пути теннисиста экстра-класса. Однако каких громадных усилий стоит это достижение!.. До Федерера все четыре турнира серии Большого шлема в «открытую эру» (когда профессиональные теннисисты были уравнены в правах с любителями) удалось выиграть только Роду Лейверу и Андре Агасси. Хотя феноменальное достижение Лейвера – «чистый» карьерный Большой шлем (все четыре титула Большого шлема за один сезон), который он завоевал в 1969 г., остается пока непревзойденным, стоит иметь в виду, что в те времена три из четырех турниров Большого шлема проводились на траве. Агасси был первым, кто выиграл все четыре Больших шлема, когда эту серию стали играть на четырех разных покрытиях, как сегодня.

Прибыв в Париж на «Ролан Гаррос» в 2012 г., Джокович был нацелен не только на карьерный Большой шлем, но и на то, чтобы стать третьим в истории теннисистом, который смог завоевать подряд четыре Больших шлема. В четвертом круге, играя против Жо-Вильфрида Тсонги, он вынужден был рисковать, спас четыре матчбола и выиграл в пяти сетах. Потом он вышел в финал, где его ждал Надаль. Этот кульминационный момент жаждали увидеть все. Кроме, вероятно, богов, управляющих погодой, – их вмешательство сильно повлияло на ход матча.

Надаль выиграл первый сет, а когда в середине второго стал моросить дождь, Джокович заработал предупреждение: проиграв свою подачу на счете 3–3, он ударил по своей скамейке с такой силой, что щепки разлетелись на корт, и болбою пришлось их собирать. Надаль вел 2–0 в сетах и сделал брейк в начале третьего; казалось, Джоковичу не на что рассчитывать, но он решил рисковать, поскольку терять было уже нечего. Эта тактика сработала, и серб выиграл восемь геймов подряд. В четвертом сете при счете 2–0 в его пользу было похоже, что в матче наступил перелом, но в этот момент дождь усилился настолько, что продолжать игру было просто невозможно и ее прервали на ночь.

На следующий день в первом же гейме Надаль сделал ответный брейк и лишил Джоковича преимущества в четвертом сете. С этого момента испанец все время вел в счете, а на 5–4 в пользу Надаля, когда он был всего в одном гейме от победы, Джоковичу пришлось ждать пять минут, пока гроза обойдет стороной «Ролан Гаррос». Джокович все-таки удержал свою подачу и сравнял счет в сете 5–5, но проиграл свою следующую подачу, сделав двойную ошибку на матчболе. Надаль в седьмой раз стал чемпионом Открытого первенства Франции и прервал череду поражений от Джоковича в трех финалах турниров Большого шлема.

Так значит, в воскресенье это дождь помешал Джоковичу завоевать титул Большого шлема? Звучит не слишком убедительно. Да, инициатива была на его стороне, а перенос матча на следующий день сыграл на руку Надалю. Однако дождь помог Джоковичу в начале третьего сета выровнять игру: мячи стали тяжелее, у Надаля уже не получалось пробивать столь характерные для него удары с невероятным вращением, и борьба пошла на равных. Идеальным для Джоковича было бы, если бы дождь едва моросил и периодически прекращался. Такое случается, но справедливо ли будет утверждать, что определенная комбинация погодных условий уравняла бы шансы в этом матче? И, кроме того, кто сказал, что Надаль не вернул бы себе преимущество, если бы матч было решено закончить в воскресенье? Испанец известен своей феноменальной выносливостью, однако он не просто физически крепкий игрок, но и превосходный тактик – он практически не позволяет противнику полностью перехватить инициативу, и зачастую наносит ответный удар, когда его противник уже начинает предвкушать победу. Вполне вероятно, что Надаль выиграл бы, даже если бы боги погоды позволили закончить матч в воскресенье.

То же самое признал Джокович на пресс-конференции в понедельник, после окончания встречи. Он согласился с тем, что перерыв из-за дождя негативно отразился на нем, но также и с тем, что дождь помог ему вернуться в игру. И признал, что на протяжении двух дней финала Надаль играл лучше. Джокович стал для него серьезным испытанием, но никто не мог бы утверждать, что результат оказался несправедливым.

Подробную историю о том, как Джокович сложил полномочия чемпиона «Уимблдона», уступив Роджеру Федереру в полуфинале в 2012 г., еще только предстоит рассказать. Вполне возможно, что и рассказывать нечего: в конце концов, несмотря на то, что перед матчем шансы Джоковича оценивались несколько

выше, он никогда не обыгрывал Федерера на траве, а проиграть в четырех сетах великому Роджеру Федереру на турнире, где он добился своих наивысших достижений, – вовсе не позор. И все же…

Джокович говорил, что в этом поединке у него было слишком много подъемов и спадов и что неудачная игра в концовке третьего сета стоила ему победы в матче, где шансы до того момента были равными. Это объяснение выглядит правдоподобным. Кроме того, он сказал, что ему не удавалось наращивать преимущество на втором ударе во время многих обменов, особенно на своих подачах. На его пресс-конференции после матча это заявление вызвало вопрос: «Была ли конкретная причина, по которой вы играли на втором ударе не так агрессивно, как обычно? Вы хорошо чувствовали себя сегодня?» Джокович ответил: «На самом деле не очень. Последние два дня выдались для меня скверными. Последние пять-шесть дней я чувствую себя неважно. Но сейчас я не хочу говорить об этом». В чем бы ни заключалась причина, о ней он расскажет, когда будет готов, однако в тот день Джокович выглядел непривычно вялым, поэтому никто не удивился бы, узнав о его недомогании или мелкой травме. Пожалуй, стало бы даже легче от сознания того, что организм человека, который способен выдержать два изнурительных пятисетовых матча за какие-нибудь 48 часов, как это было в Австралии шестью месяцами раньше, тоже может взбунтоваться и обеспечить ему только 80 % нормального уровня энергии даже на таком престижном турнире, как «Уимблдон». Это сделало бы исключительного спортсмена более похожим на обычного человека.

Последним комментарием Джоковича на том «Уимблдоне» был следующий: «Знаете, жизнь продолжается. Это спорт, мне надо двигаться дальше».

Ко времени следующего турнира им успел заинтересоваться мировой кинематограф. Джокович никогда не избегал излишнего внимания и потому охотно согласился сыграть крохотную роль самого себя в продолжении гангстерского хита 2010 г. «Неудержимые» (The Expendables). В «Неудержимых-2», примечательном своей бессюжетностью фильме с Сильвестром Сталлоне в качестве автора сценария и главного героя, а также с Брюсом Уиллисом и Арнольдом Шварценеггером, Джокович должен был появиться на 10 секунд, за которые в одиночку успевал отметелить троих (или все же четверых?) вооруженных автоматами террористов одной только теннисной ракеткой. Для человека, который еще в семилетнем возрасте отказался от агрессивного одноручного бекхенда, это была задача! Однако

ему легко удалось уложить одного из террористов таким ударом, которым гордился бы даже Федерер. Слегка напоминая звезду индийского тенниса Виджая Амритраджа, который использовал свою ракетку в качестве смертоносного оружия в фильме про Джеймса Бонда «Осьминожка» (Octopussy) 1983 г., Джокович, похоже, получил большое удовольствие. Однако в окончательную версию фильма эта сцена не вошла, и десять секунд героизма Джоковича остались на полу монтажной, хотя появились на YouTube. Ничего не скажешь, Джокович любит бороться за мир – желательно на глазах как можно большего числа зрителей.

Небольшая деталь его внешнего облика – куртка на молнии от «Серджио Тачини». Появление в ней на публике входило в условия контракта, который он подписал в 2009 г., переходя от немецкого «Адидаса», спортивную одежду которого носил с юниорских лет, в компанию, основанную бывшим итальянским теннисистом Серджио Тачини. Официально контракт с Тачини был подписан на пять лет, но по прошествии половины этого срока, в мае 2012 г., Джокович расстался с итальянцами и подписал соглашение с Uniqlo – крупнейшим японским производителем одежды. Сообщалось, что у Тачини возникли финансовые трудности, а Джокович наверняка дорого обходился компании; так или иначе, независимо от трудностей разрыв был дружеским. Поскольку съемки фильма проходили в Болгарии в 2011 г., когда Джокович еще выполнял условия контракта с Тачини, в клипе из «Неудержимых» он играет в одежде этой марки – спустя несколько месяцев после фактического перехода к Uniqlo.

Переход к Uniqlo интересен тем, что он говорит о меняющихся экономических условиях в сфере производства одежды для тенниса. На протяжении ряда лет молодежь играла в теннис в хлопковых майках и на матчи выходила только в специально предназначенной для этого одежде (как это делают ведущие теннисисты). Но в течение последнего времени все больше людей стали носить тенниски в качестве одежды на все случаи жизни. В 2005 г. французская компания Lacoste, основанная легендарным французским теннисистом 1920-х гг. Рене Лакостом, подписала контракт с Энди Роддиком, нацелившись на американский рынок повседневной одежды. И вот, в то время как два мировых лидера в производстве одежды для тенниса: Nike и Adidas, сосредоточили усилия на спортивной одежде, Джокович заключил соглашение с японской компанией, стремящейся укрепить свою репутацию продавца недорогой одежды для досуга и повседневного ношения. Но как только

Джокович стал мировым «лицом» бренда Uniqlo (в наше время игроки не просто носят одежду – их называют «лицами» или «представителями брендов»), еще один недорогой бренд, шведская сеть Hennes&Mauritz (H&M), подписал контракт с другим теннисистом из первой десятки, Томашем Бердыхом. Напрашивается вопрос: как скоро Next, Marks&Spencer и другие знакомые бренды из мира моды начнут спонсировать теннисистов?

Уступив Роджеру Федереру на «Уимблдоне», Джокович лишился первого места в рейтинге. Но поскольку Надаль снялся с тура после загадочного проигрыша во втором круге «Уимблдона» Лукашу Росолу, серба продолжали считать одним из главных фаворитов на Олимпийских играх. Однако, вернувшись в Уимблдон на олимпийский турнир, он имел непривычно подавленный вид (с другой стороны, «Всеанглийский клуб лаун-тенниса» также выглядел непривычно, так как был украшен ярко-розовыми олимпийскими драпировками, не сочетающимися с диким виноградом, разросшимся вокруг центрального корта). Проиграв полуфинал Энди Маррею со счетом 7–5, 7–5, Джокович бледно выглядел в матче за бронзовую медаль с Хуаном Мартином дель Потро. Возможно, он просто не особо был заинтересован во второй бронзовой медали после Пекина-2008, а может быть, это дель Потро разозлился, после того как накануне едва не выиграл у Федерера в четырехчасовом полуфинале. Как бы там ни было, дель Потро выиграл 7–5, 6–4.

На следующей неделе Джокович выиграл еще один титул в серии Masters, но не столь ценный, поскольку в 2012 г. в турнире Canada Masters в Торонто участвовали далеко не все лучшие игроки (многие остались в Лондоне смотреть соревнования Олимпиады). В Цинциннати Джокович вышел в финал, где Федерер обыграл его в двух сетах, причем в первом из них, продолжавшемся всего 20 минут, – с разгромным счетом 6–0 (Джокович смог выиграть лишь 10 очков). Тем не менее он выглядел полным решимости защитить свое звание чемпиона Открытого чемпионата США и вышел в финал, отдав в предшествующих кругах всего один сет.

Его противником стал Энди Маррей, путь которого к финалу оказался гораздо более кремнистым и отягощенным стремлением стать первым с 1936 г. британцем, выигравшим этот престижный титул. Матч проходил с переменным успехом. Маррей выиграл 87-минутный первый сет на тайбрейке со счетом 12–10 и вел 5–1 во втором. Джокович отыгрался до 5–5, но проиграл этот сет 7–5. В третьем и четвертом сетах, после предупреждения о затяжке

времени, Джокович стал играть великолепно и значительно поднял уровень своей игры. Так что когда теннисисты вернулись на корт после посещения туалета перед началом пятого сета, Джокович смотрелся более вероятным победителем. Но Маррей тоже усилил свою игру и дважды сделал брейк в начале решающего сета; даже то, что при счете 2–5 Джокович позвал врача и попросил сделать массаж паховых мышц, не сбило Маррея с курса. Некоторым эта остановка матча показалась тактической уловкой, но, как бы там ни было, Маррей был настолько сосредоточен, что почти не заметил этой паузы перед тем, как вышел подавать на матч. И когда Джокович на приеме подачи сыграл форхендом в аут, чемпионский титул достался Маррею.

Если вспомнить, что эти двое спортсменов продвигались по юниорским рейтингам почти нога в ногу, неудивительно, что их шансы в матчах профессионального тура оценивались как пятьдесят на пятьдесят. Тем не менее эта победа имела большое психологическое значение для Маррея. Несмотря на то, что Джокович и Маррей часто встречались друг с другом, последнему удалось выиграть только с пятой попытки. В их поединках в серии турниров Большого шлема Джокович всегда оказывался сильнее, поэтому победа в Нью-Йорке имела для его противника такое большое значение. В своем поражении Джокович был великодушен, с уважением отнесся к значению первого завоеванного Марреем титула Большого шлема, однако, в отличие от финала на «Ролан Гаррос», не испытывал ощущения, что проиграл лучшему игроку. Скорее, он считал, что победа от него попросту ускользнула.

Но картина поменялась четыре месяца спустя, когда Джокович переиграл Маррея в финале Открытого чемпионата Австралии, хотя поначалу все выглядело так, что он потерпит поражение. До этого Джокович сыграл поистине «матч чемпионата», если не матч всего 2013 года, одолев Станисласа Вавринку со счетом 12–10 в пятом сете за пять часов и две минуты. Это случилось в четвертом круге, а в четвертьфинале против Томаша Бердыха у него пропала концентрация, что стоило ему сета. Но к моменту выхода в финал он вновь обрел хорошую форму и был полон желания расквитаться со своим британским противником. Маррей в полуфинале уверенно обыграл Роджера Федерера, несмотря на то, что матч затянулся на пять сетов. Пять сетов по определению означает, что борьба шла равная, но на деле Маррей легко брал все свои сеты, в то время как Федерер выиграл оба своих на тайбрейке.

После того как Маррей взял первый сет финального матча

и вел на подаче Джоковича 40–0 во втором гейме второго сета, казалось, что шотландец кладет Джоковича на лопатки. Всем присутствующим на Арене Рода Лейвера победа Маррея представлялась самым вероятным исходом. Но затем случилось две вещи. Во-первых, Джокович сыграл три своих лучших очка этого матча и сравнял счет 40–40, а в конечном итоге удержал свою подачу. Во-вторых, на тайбрейке второго сета, как раз в тот момент, когда Маррей готовился ко второй подаче на счете 2–2, над кортом спланировало перо пролетающей птицы. Он вошел в корт, чтобы убрать перо, вернулся на линию подачи и сделал двойную ошибку. Поскольку до этого момента брейков не было, Джокович воспользовался этим промахом соперника. Он выиграл тайбрейк и сравнял счет в матче, после чего Маррею понадобилось сменить пластырь от мозолей на ноге. Усиливая давление, Джокович сделал брейк в восьмом гейме третьего сета, а затем два брейка в четвертом и успешно подавил сопротивление Маррея.

Так Джокович стал первым теннисистом «открытой эры», выигравшим три Открытых чемпионата Австралии подряд, и это достижение подчеркнуло, что он не зря носит звание первой ракетки мира. Оставался лишь вопрос о том, сумеет ли он выиграть четвертый турнир серии Большого шлема и стать обладателем карьерного Большого шлема.

К концу января 2013 г. было нетрудно увидеть, что возникла новая пара – Джокович и Маррей, оспаривающая теннисную корону. Федерер далеко не отставал, но уже выказывал признаки угасания, а Надаль не участвовал соревнованиях уже семь месяцев. Было много разговоров о его возвращении, которое сначала было запланировано на Открытый чемпионат Австралии, но затем его перенесли на период менее значимых состязаний на грунтовом покрытии в Южной Америке, начинающихся через день после австралийского первенства. Хотя многие по-прежнему считали Надаля главным фаворитом на грунтовых кортах, мало кто ожидал, что он сможет сильно выступить на других покрытиях. Как выяснилось, они ошиблись.

Возвращение Надаля было впечатляющим. Он дошел до финала, выступая на своем первом турнире в Чили, выиграл второй и третий в Бразилии и Мексике, затем убедительно дал понять, что может рассматриваться в качестве главного фаворита и на турнирах на твердом покрытии, когда выиграл Masters 1000 в Индиан-Уэллсе, обыграв по пути Федерера, Бердыха и дель Потро. Поэтому предвкушение от первой в 2013 г. встречи Джоковича с Надалем было огромным, особенно если учесть, что это был финал в Монте-Карло на грунтовом покрытии,

на котором Надаль еще никогда не проигрывал. Итоговый счет 6–2, 7–6 в пользу Джоковича недостаточно убедительно иллюстрирует его превосходство. В первом сете он вообще без труда расправился с Надалем, и хотя во втором испанец оказал сопротивление, Джокович был сильнее во всех компонентах игры. Поговаривали, что Надаля опять подвели колени, но финал в Монте-Карло продемонстрировал серьезное физическое и психологическое преимущество Джоковича.

Однако путь серба к Открытому чемпионату Франции не был усеян розами: в Мадриде он проиграл в первом круге эксцентричному Григору Димитрову, а четвертьфинал в Риме – Бердыху. Между тем Надаль завоевал оба этих титула, поэтому в Париж явился, находясь в отличной форме.

Из-за нескольких месяцев отсутствия Надаль опустился в мировом рейтинге, и к началу первенства на «Ролан Гарросе» он едва смог попасть в четверку посеянных. Это означало, что два находящихся в лучшей форме теннисиста могли не оказаться в противоположных частях турнирной сетки. И действительно, в результате жеребьевки Джоковичу и Надалю было суждено встретиться в одном полуфинале, а Федереру и Давиду – во втором.

Самый долгожданный матч теннисного года состоялся не в финале, а в полуфинале французского чемпионата. До середины второго сета качество игры не оправдывало ожиданий. Надаль уверенно взял первый сет, и Джокович сражался изо всех сил, чтобы не упустить второй. Надаль сделал брейк и повел 3–2, в то время как Джокович держался неуверенно и пару раз скользил на сухом грунте, спекшемся под жарким солнцем. Но затем Надаль провел слабый гейм, Джокович воспользовался открывшейся возможностью, дважды взял подачу испанца и сравнял счет в матче. В начале третьего сета Надаль снова перехватил инициативу и на двух сетболах имел возможность выиграть этот сет со счетом 6–0, прежде чем Джокович наконец отыграл один гейм. В четвертом сете Надаль, хоть и сделал брейк и повел 4–3, но тут же отдал свою подачу. При счете 6–5, после очередного брейка, он подавал на матч, но Джокович все-таки отыгрался. Сет перешел в тайбрейк, Джокович все время вел и в итоге выиграл 7–3. Этот прилив уверенности помог Джоковичу выйти вперед 4–1 в решающем сете после того, как он дважды взял подачу Надаля. Испанец отыграл один брейк и при счете 4–3 на подаче у Джоковича усилил давление. Тогда и произошел инцидент, которым запомнился этот матч.

Проигрывая 0–30, Джокович сначала сравнял счет, а затем

спас два брейк-бола. Когда счет стал равным в третий раз, он играл простой смэш на вылет в совершенно открытый корт. Но, делая это, он споткнулся и задел сетку до второго отскока мяча (или, как в данном случае, до того как мяч попал к зрителям). Поскольку все это происходило прямо перед судьей, а удар по мячу был нанесен в пределах поля зрения судьи, Паскаль Мария все прекрасно видел и засчитал очко Надалю. Джокович спорил с ним пару минут, хотя и понимал: если второй отскок не случился раньше, чем он коснулся сетки, у судьи нет иного варианта, как засчитать очко испанцу. Впоследствии Джокович говорил, что он «должен был выиграть» это очко, и считал, что оно принадлежало ему, поскольку мяч «покинул пределы корта» прежде, чем он сам коснулся сетки. Но все это звучало не слишком убедительно, поэтому он мудро воздержался от заявлений о вопиющей ошибке.

Стал ли этот инцидент причиной проигранного матча? Если посмотреть на то, как разыгрывались очки, то нет. Инцидент стоил Джоковичу очка, и Надаль получил третий брейк-бол, но Джокович отыграл его. И в гейме снова стало «ровно». Именно тогда Надаль взял следующие два очка и сравнял счет в сете 4–4, и после этого уже не отставал. Но в матче, где хрупкое равновесие может нарушиться по мельчайшей причине, подобные инциденты способны оказать большое влияние на ход игры. Можно также упомянуть о том, что Джокович жаловался на слишком сухой корт, когда он вышел подавать при счете 7–8, но независимо от того, прав он был или нет, он проиграл следующие четыре очка, включая чудовищную ошибку на простом смэше. В итоге Надаль выиграл решающий сет 9–7 и матч, продолжавшийся 4 часа и 38 минут.

Суть же состоит в том, что, хотя Джокович вполне мог выиграть этот матч, победа Надаля вовсе не была несправедливой – достаточно проследить за тем, как развивался этот поединок. Только яростное нежелание Джоковича смириться с тем, что его обыграли во втором и четвертом сетах, позволило ему выйти вперед в пятом. Но именно в этот момент понимаешь, почему Надаль является таким достойным конкурентом Джоковича: уроженец Майорки готов лишь недолго мириться с тем, что инициатива находится у его соперника; его способность менять ход игры в свою пользу представляет собой самую серьезную опасность для игрока по другую сторону сетки. Вот почему их матчи обычно оказываются настолько ожесточенными и яростными, вот почему этот полуфинал Открытого чемпионата Франции не был исключением.

И наоборот, следующий матч Надаля, финал против Давида

Феррера, выглядел прогулкой по парку. Появление в финале было, безусловно, вехой в карьере Феррера, который в полуфинале одолел победителя Федерера – Жо-Вильфрида Тсонгу – и вышел в свой первый (и пока единственный) финал турнира Большого шлема. Это была награда испанцу за упорное и даже несколько скромное стремление максимально заявить о своих возможностях в тени великого Надаля. Но если Феррер и заслуживает место среди лучших, то он всегда выглядел слабее в сравнении с большой четверкой, когда речь шла о самых главных матчах. И на этот раз Надаль стер его в порошок в ходе бесцветного финала.

Если соперничество Джоковича-Надаля и стало новым (или возобновленным) явлением в высшем эшелоне мирового тенниса, то этому соперничеству недоставало постоянства. В своем следующем матче после победы на «Ролан Гарросе» Надаль уступил Стиву Дарси в первом круге «Уимблдона». После того как Федерер вылетел во втором круге и другие ведущие игроки покинули турнир, Джокович и Маррей возобновили соперничество, которое не могло продолжиться в Париже, так как Маррей пропустил «Ролан Гаррос» из-за травмы спины (в конце года ему пришлось сделать операцию). После массового исхода первых трех дней, с вечера первой среды соревнований, стало очевидным, что в финале, скорее всего, встретятся Джокович и Маррей. Десять дней спустя этот финал наконец состоялся, хотя Джоковичу пришлось потратить 4 часа 45 минут, чтобы одолеть Хуана Мартина дель Потро в полуфинале, в лучшем матче этого турнира. Число семь сыграло важную роль в этом финале: прошло 77 лет с тех пор, как британец в последний раз победил в «Уимблдоне» в мужском одиночном разряде, Маррей обыграл Джоковича семь раз, но ни разу в «Уимблдоне», и вдобавок матч проводился на седьмой день седьмого месяца.

Поскольку ажиотаж вокруг Маррея накануне матча был громадный, Джокович выглядел чуть ли не как запасной игрок. Но, по-видимому, на него подействовал и ажиотаж, и даже жара – терпимая по меркам многих теннисных столиц, но невыносимая с британской точки зрения. Он так и не мог решить, надевать ли что-нибудь на голову, и допускал нехарактерные для себя ошибки. В первом сете он дважды проиграл свою подачу, а во втором – слишком быстро использовал три положенных возможности попросить «челлендж», поэтому у него их не осталось на момент спорного попадания мяча в линию при счете 5–5. Несмотря на то что в этом сете он вел 4–1, он его проиграл. И в третьем он снова упустил преимущество при счете

4–2 (после того как проигрывал 0–2) и дал Маррею возможность подавать на матч и на титул чемпиона при счете 5–4.

В этот момент Джокович, по-видимому, сдался на милость судьбы, на которую часто ссылается: вероятно, в глубине души он был убежден, что судьба Маррея – выиграть этот «Уимблдон», поэтому задачей Новака было сделать так, чтобы местный фаворит завоевал титул в борьбе, а не получил его на блюдечке. Если он и вправду так думал, то тогда, на грани победы Маррея, он вел с ним тонкую игру. Джокович спас три чемпионских очка и имел три брейк-бола, чтобы сделать счет 5–5. В теннисных кругах многие считали: если бы Маррей тогда проиграл свою подачу, матч сложился бы по-другому, и последующее признание Маррея, которому от напряжения собственная рука показалась чересчур тяжелой, подтверждает, что такой расклад был вполне возможен. Тем не менее это одно из тех «если», которые хороши лишь для поддержания разговора в баре. Факты свидетельствуют о том, что Джокович сыграл ударом слева в сетку на четвертом матчболе у Маррея, и «Уимблдон» взорвался в экстазе, а 15 тыс. зрителей (и еще столько же на «Хенмен-Хилле») просто не верили своему счастью.

Джокович достаточно деликатен и умен, чтобы понять, что он оказался гостем на чужой свадьбе, поэтому его интервью на корте после матча было образцом дипломатии. «Поздравляю Энди, он полностью заслужил эту победу и показал бесподобную игру. Поздравляю его команду – я знаю, как много это значит для нее, а также для всех вас и страны в целом – да, отличная работа! Я понимаю, под каким давлением он был вынужден играть, какие ожидания на него возлагали, тем более ценен его успех. Со своей стороны я сделал все, что мог, и для меня было честью и ни с чем не сравнимым удовольствием принять участие в этом финале. Благодарю».

Судя по краткости этого интервью и скорости, с какой он покинул пресс-конференцию после матча, Джокович просто хотел поскорее отделаться. Прославленный чемпион, который сделал все, что мог, и все-таки проиграл, способен признать важность чужой победы, но в такой обстановке мало кто из чемпионов чувствует себя комфортно, и Джокович не хотел задерживаться в ней.

Еще одна вещь, которая не нравится прославленным чемпионам, это – терпеть удары соперников. Четыре недели спустя Надаль и Джокович сыграли полуфинал на турнире Montreal Masters, который испанец выиграл на тайбрейке в третьем сете. В пятом гейме решающего сета Джокович сыграл дроп-шот и вышел к сетке; Надаль ответил бекхендом в середину

корта, но Джокович запоздал с реакцией, и мяч угодил ему в нос. Надаль сразу же поднял руку, чтобы извиниться, но Джокович, хоть и увидел этот жест, отвернулся, как бы не принимая извинение. Когда зрители засвистели, судья попытался разрядить обстановку, объявив: «Надаль извинился». После матча испанец извинился еще раз, уже на словах, несмотря на то, что действовал совершенно в соответствии с правилами. Чтобы избежать эскалации конфликта, Джокович сказал в ответ, что «все в порядке». Видеозапись этого матча свидетельствует о том, что Джокович был скорее застигнут врасплох, чем пострадал (бекхенд Надаля не слишком силен), но в момент острого соперничества не был расположен принимать извинения. Все произошло так быстро, что времени заранее обдумывать действия просто не хватило бы, однако к тому моменту, когда соперники покинули корт, Джокович сумел найти слова, чтобы вопрос оказался исчерпанным.

Тем же вечером Джокович и его друг из Сербии вышли в город прогуляться. Они зашли в монреальский ночной клуб, заказали несколько бутылок шампанского и провели время в обществе девушек. Конечно, Новаку хотелось расслабиться после матча, при этом стоит заметить, что прославленный теннисист умеет пить умеренно и вести себя с достоинством в любом состоянии. Джокович не позволил себе лишнего бокала и под конец вечера ушел вместе с другом, оставив девушек думать о том, что подобный счастливый случай им вряд ли представится когда-нибудь еще.

Он понимал, что должен находиться в оптимальной форме для следующего поединка с Надалем, который явно оправился от шока после поражения в первом круге «Уимблдона». Соперники отправились в Нью-Йорк, выиграв по одному турниру Большого шлема в 2013 г., и их встреча в финале Открытого чемпионата США очень много значила для серба. В самом конце 2013 г. он назовет проигрыш Надалю на Открытом чемпионате Франции своей «самой тяжелой потерей», но в эмоциональном отношении Джокович выглядел более опустошенным после проигрыша Надалю в четырех сетах на Открытом чемпионате США. Этот матч позволил его сопернику завершить год на вершине рейтинга, хотя это могло произойти, даже если бы во «Флашинг Медоуз» победил Джокович.

Матч развивался по тому же сценарию, что и парижский. Надаль начал сильнее и взял первый сет. Джокович, сделав брейк, выиграл второй и имел лучшие шансы в третьем, пока Надаль не восстановил игру и не вышел вперед в сетах – 2–1. После этого эти два сценария перестали быть похожими. Джокович так

и не собрался в четвертом сете, и Надаль победил 3–1. Но наибольший урон Джоковичу был нанесен во втором и третьем сетах. Джокович не мог взять подачу соперника вплоть до шестого гейма второго сета, но в конце концов сделал это в конце долгой серии из 54 ударов. В финале предыдущего года Джокович-Маррей тоже был обмен из 54 ударов, но этот оказался более выматывающим: каждый из соперников наносил удары, многие из которых легко могли бы стать победными в поединке с другими теннисистами, однако всякий раз видел, что ему отвечают тем же, но еще с процентами. Если вспомнить рекламный ролик Nike с 24 ударами, которыми обмениваются Пит Сампрас и Андре Агасси в первом сете Открытого чемпионата США 1995 г., то по сравнению с матчем Джоковича и Надаля это была игра теннисистов клубного уровня!

Однако эта дуэль совершенно не изменила ход матча, зато почти опустошила Джоковича. Да, наконец-то он смог взять подачу Надаля, но продолжительный обмен ударами отнял у него столько сил, что он проиграл следующий гейм под ноль на своей подаче, в то время как Надаль выглядел свежим и полным сил. Здесь Надаль получил психологическое преимущество, которое в дальнейшем сыграло решающую роль. Джокович сумел снова сделать брейк и выиграть этот сет на своей подаче, а в начале третьего вышел вперед 2–0, выиграв шесть из предыдущих семи геймов. Надаль выровнял игру, но у Джоковича было три брейк-бола при счете 4–4. Если бы он сделал один из них, исход мог бы оказаться другим (или не мог), но Надаль спас все три, а в следующем гейме взял подачу Джоковича и выиграл сет, и затем ускоренным темпом выиграл решающий сет, уступив всего в одном гейме.

И опять Джокович после игры сказал верные слова: «Он был великолепен, он определенно заслужил победу в этом матче и приз», но сказал их так, как говорит человек, по-настоящему опустошенный проигрышем. До конца года ему предстояло обыграть Надаля дважды; в сущности, этот проигрыш в Нью-Йорке стал для Джоковича последним в 2013 г. Однако поражение больно ударило по нему, хотя он и сумел быстро оправиться.

Покинув Белградскую Арену в последний день полуфинала Кубка Дэвиса 2011 г. с разрывом мышцы спины, Джокович объявил, что в 2012 г. пропустит этот турнир. Для спортсмена, придающего огромное значение выступлениям за свою страну, шаг был достаточно рискованным, хотя и имеющим смысл с практической точки зрения. Но, в отличие от Роджера Федерера, который в 2005 г. причислил Кубок Дэвиса в своем графике

к низкоприоритетным турнирам и еще долго пренебрегал командными состязаниями, Джокович пообещал вернуться в 2013 г. И сдержал обещание.

Его преданность родине подверглась суровому испытанию в первом круге, когда по жребию Сербии пришлось играть против бельгийцев на их поле. Бельгия не в моде у туристов, однако в ней есть немало живописных мест. Увы, Шарлеруа к ним не относится, однако бельгийское теннисное руководство выбрало для матчей Кубка Дэвиса и Кубка Федерации именно Шарлеруа (однажды здесь даже был сыгран финал Кубка Федерации – в то время, когда Жюстин Энен и Ким Клейстерс находились в зените славы). Так что после финала Открытого чемпионата Австралии, выигранного у Энди Маррея в четырех сетах, Джоковичу пришлось лететь в Брюссель, чтобы пять дней спустя выйти на корт против Оливье Рохуса. Впрочем, Рохус занимал лишь 127-е место в рейтинге, дни его славы остались позади, тем не менее матч с ним требовал немалых усилий. Мало кому известно, что на одном из этапов поездки в Шарлеруа сербской команде понадобилось как-то скоротать много времени, и Джокович пять часов развлекал игроков и сопровождающих официальных лиц игрой в шарады, зачастую с удовольствием разыгрывая подсказки. Один из членов сербской команды говорил, что Джокович «проявил себя подлинным лидером не только на корте, но и в общении с окружающими».

Его преданность родине вновь подверглась испытаниям в четвертьфинале, когда после турнира серии Masters в Майами он отправился на Средний Запад, в штат Айдахо и сонный городок Бойсе, чтобы возглавить сербскую команду в борьбе против США. Победив Джона Изнера в день открытия, Сербия проиграла важный второй сингл, когда Сэм Куэрри выиграл у Виктора Троицки в пяти сетах. Поскольку ожидалось, что братья Брайан одержат верх над импровизированным сербским дуэтом, состоящим из Ненада Зимонича и Ильи Бозоляца, казалось, нервозный пятый матч неизбежен. Но сербская пара одержала убедительную победу 15–13 в решающем сете, и у Джоковича появился шанс вывести Сербию в полуфинал. В третьем гейме обратной одиночки, играя против Куэрри, Джокович подвернул лодыжку, упал и скорчился от боли. Он продолжал гримасничать, пока врач сербской команды перевязывал ему ногу, а потом возобновил игру – поначалу робко, а затем с возрастающей уверенностью. Случившееся явно встревожило его, и впоследствии он говорил: «Если бы я играл не за Сербию, не уверен, продержался бы я до конца матча». Хотя Джокович взял первый сет, второй выиграл Куэрри на тайбрейке,

и американцы воспряли духом, так как можно было ожидать, что лодыжка будет беспокоить серба все сильнее. Но с начала третьего сета Джокович продемонстрировал свою фирменную игру и разгромил Куэрри. После этого он отдал лишь один гейм, а боль в ноге, как выяснилось, была вызвана легким ушибом, а не серьезной травмой.

Полуфинал в сентябре против сборной Канады, который прошел в Белградской Арене, где его всегда встречали как героя, помог ему преодолеть разочарование, вызванное проигрышем Надалю в финале Открытого чемпионата США четырьмя днями ранее. На грунтовом корте, смягчающем мощную подачу Милоша Раонича из канадской команды, Джокович вынужден был спасать Сербию от проигрыша в матче после того, как Зимонич и Бозоляц сыграли еще один марафонский парный поединок, уступив на этот раз Даниэлю Нестору и Вашеку Поспишилу. Он выиграл в трех сетах, но эта победа также показала, как много еще нужно Раоничу поработать, чтобы на равных противостоять ведущим теннисистам мира. Затем Джокович болел за своего товарища по команде Янко Типсаревича во время его победного матча над Поспишилом. Последний явно испытывал усталость после напряженной парной игры, что сделало его задачу значительно сложнее, чем если бы у него накануне был день отдыха.

В интервью на корте после победы над Поспишилом Типсаревич сказал: «Будем надеяться, Виктор [Троицки] будет с нами в финале». Но в финале у Сербии не оказалось не только Троицки, но и самого Типсаревича. На турнире в Валенсии в середине октября Типсаревич получил травму пятки, от которой оправлялся мучительно медленно. Он готовился к финалу и даже в среду вечером еще надеялся, что сможет играть. Но в четверг утром он смирился с неизбежностью и снялся с участия в финале Кубка Дэвиса. Джокович, судя по всему, принимал участие в решении выставить вместо Типсаревича Душана Лайовича в финале против Чешской Республики, однако гораздо важнее было решить, будет Джокович играть в паре или нет. На протяжении всего года он говорил, что готов играть две одиночки, но Сербии требовалось каким-то образом добыть третье очко, и теперь, когда и Типсаревич, и Троицки выбыли, стоял вопрос: готов ли он выйти на корт в субботу и дать Сербии надежду выиграть этот матч?

Ответ был отрицательным. В пятницу вечером Джокович сообщил товарищам по команде, что в синглах готов выложиться полностью, но не сможет выйти еще и на пару после утомительного сезона, в конце которого он выиграл 23 матча подряд. Он довел это число до 24, расправившись с Томашем

Бердыхом, и в итоге выиграл семь «одиночек» из семи за год на Кубке Дэвиса и отдал лишь один сет. Но Лайович, занимавший 117-е место в рейтинге, не смог оказать сопротивление коварному Радеку Штепанеку, который показал лучший теннис в своей карьере, и чехам удалось сохранить у себя Кубок Дэвиса после отнюдь не кульминационной победы в пятом матче финала.

Могла ли Сербия победить, если бы Джокович играл в паре? Трудно сказать наверняка. У Бердыха и Штепанека феноменальный общий список достижений, они играли настолько уверенно, что любой паре у них было бы сложно выиграть. С другой стороны, Бозоляц выглядел ужасно и, конечно, с его подачей у Джоковича не было бы проблем. Как бы то ни было, он остался верен своему обещанию, но когда в команде, представленной тремя специалистами одиночной игры, остается играть только один, выиграть финал Кубка Дэвиса практически невозможно.

Типсаревич все еще отсутствовал (хотя уже из-за отпуска по причине рождения сына, а не из-за травмы), Троицки по-прежнему был временно отстранен от игр, и Джокович решил не участвовать в первом круге Кубка Дэвиса в феврале 2014 г. Решение было принято поздно, и кто знает, что он подумал, когда узнал, что Роджер Федерер летит в Нови-Сад, чтобы присоединиться к соотечественнику, только что коронованному победителю Открытого чемпионата Австралии Станисласу Вавринке, и сборная Швейцарии будет выступать в сильнейшем составе? Возможно, Джокович не жаждал выходить на корт против Вавринки так скоро после мучительного поражения от него в «Мельбурне». Или присутствие обоих швейцарцев означало, что Джоковичу не светит сделать Сербию победительницей, если не играть все три дня подряд. Так или иначе, это значило, что 2014 год не станет годом Кубка Дэвиса для Джоковича и сербов.

Во второй половине 2013 г. Джокович гораздо активнее, чем прежде, играл роль общественного деятеля. В августе он стал одним из немногих спортсменов, обратившихся к Генеральной Ассамблее ООН. ООН созвала пресс-конференцию, чтобы провозгласить 6 апреля 2014 г. Международным днем спорта в помощь прогрессу и миру. Сообщение об этом событии сделал Вук Еремич, министр иностранных дел Сербии, который в то время был председателем Генеральной Ассамблеи и которого семья Джоковича назначила на пост президента Сербской федерации тенниса после «переворота», устроенного в начале 2011 г. Еремич попросил Джоковича и покидающего пост президента Международного олимпийского комитета Жака Рогге

участвовать в этом мероприятии вместе ним.

Джокович обратился к Ассамблее от имени мирового спортивного сообщества. Он выразил надежду, что Международный день спорта побудит людей активнее культивировать присущие спорту ценности – такие как честная игра, работа в команде, уважение к сопернику. «Эти идеалы универсальны, – сказал он. – На них опирается каждое успешное общество, и чем больше мы прививаем уважение к ним у себя, тем лучше будет мир, который мы оставим нашим потомкам».

Позднее, отвечая на вопросы, он сказал:

«Больше всего я был рад приглашению, привилегии выступить от имени мировой семьи спортсменов в этот исторический день. Исторический потому, что его объявила ООН, а все мы знаем ее значение как организации. Представители более 120 стран-участниц решают самые важные мировые вопросы. Так что все это вызывало особые чувства, которых я прежде никогда не испытывал. Они возникают, когда ты причастен к чему-то очень значительному – даже теперь, вспоминая об этом событии, я ощущаю трепет. Иметь возможность высказаться – это большая честь. Председатель Генеральной Ассамблеи – серб, и для нашей страны очень важно то, что два представителя сербского народа получили право голоса в этот исторический день. Этого я никогда не забуду».

Если это выступление было заранее подготовленным и вряд ли могло нести какую-либо опасность, то несколько дней спустя Джоковичу представился случай высказать более спорное мнение. Разделавшись с Жоау Соузой в третьем круге Открытого чемпионата США, на пресс-конференции после матча Джокович услышал вопрос о том, что он думает о возможности нанесения воздушных ударов по Сирии. В то время (как, впрочем, и сейчас) эта ближневосточная страна находилась в состоянии кровопролитной гражданской войны, появились свидетельства применения правительством химического оружия против гражданского населения, и эти известия побудили президента США Барака Обаму добиваться поддержки Конгрессом решения о вмешательстве в дела Сирии.

Мало кто из теннисистов высказывает мнение по международным политическим вопросам, однако Джокович не стал молчать. «Я решительно против любых видов оружия, воздушных блокад и ракетных ударов, – заявил он. – Я решительно против всего, что несет разрушение. Поскольку у меня есть личный опыт, я знаю, что такие меры никому не приносят ничего хорошего». Отвечая на другой вопрос на той же конференции, он сказал: «Мы с моими

соотечественниками и коллегами пережили в Сербии моменты, каких не пожелаешь никому. Война – худшее, что только может случиться в жизни человека. На самом деле в ней нет победителей». Интересно отметить, что, прежде чем уйти, Джокович проверил стенограмму пресс-конференции, чтобы убедиться, что его слова воспроизведены верно (если это звучит как попытка цензурировать собственные слова или взять их обратно, следует помнить, что были случаи, когда записи, сделанные на пресс-конференциях, расходились с действительно произнесенными словами).

После Открытого чемпионата США, вернувшись в Сербию к полуфиналу Кубка Дэвиса, Джокович появился на публике вместе с бывшей представительницей британской королевской семьи Сарой Фергюсон на открытии начальной школы в центральной Сербии. Эту школу в Кадина-Луке отремонтировали на средства из Фонда Новака Джоковича и назвали «Школица живота», что можно приблизительно перевести как «маленькая школа для жизни».

В промежутке между полуфиналом Кубка Дэвиса и турниром China Open в Пекине Джокович обручился с девушкой, с которой встречался уже восемь лет, – Еленой Ристич. Постепенно ее роль администратора, которую она играла в делах Джоковича, связанных с пиаром и международным спонсорством, становилась все более активной и все более похожей на ту, что брала на себя Мирка Вавринец до свадьбы с Роджером Федерером. Помолвка не оказала влияния на игру Джоковича: он победил в следующих 26 матчах.

Его друг Душан Вемич говорит о Джоковиче: «Он рад находиться в центре внимания». Это не завуалированный выпад, просто утверждение, что Джокович по натуре актер, поэтому, когда на China Open его спросили, не хотел бы он принять участие здесь, в Пекине, в «Битве полов 2» против лучшей китайской теннисистки Ли На, он охотно согласился, хотя больше ради развлечения, чем для борьбы за гендерное равенство. На протяжении 2013 г. проходило еще много других событий, посвященных 40-летию основания Женской теннисной ассоциации и знаменитой победе американской легенды Билли Джин Кинг над шовинистически настроенным соотечественником Бобби Риггзом на стадионе «Астродом» в Хьюстоне в 1973 г. Победа Ли над Джоковичем выглядела скромнее: в отличие от Кинг и Риггза, они играли матч не из пяти сетов, а из пяти геймов, причем Ли На имела фору в каждом гейме 30–0. Ли повторила достижение Кинг, победив от имени женщин в трех геймах из пяти, после чего обоим преподнесли гигантский торт

в честь празднования десятой годовщины турнира China Open. Был ли торт безглютеновым, неизвестно. Зато известно, что в финале неделю спустя Джокович победил Надаля.

На фоне неоспоримых заслуг Джоковича в роли общественного деятеля в сфере спорта легко забыть, что при всей своей житейской мудрости он прожил лишь три с половиной десятка лет. Поэтому недостаток опыта в более широких вопросах порой подводит его. Один такой случай произошел в конце 2013 г., когда он напустился с хлесткой критикой на теннисное руководство, защищая своего друга и товарища по команде Кубка Дэвиса Виктора Троицки. Джокович показал, что способен быть на редкость красноречивым, но временами его эмоции препятствуют ясности мышления.

Ранее в том же году Троицки был отстранен от участия в турнирах на 18 месяцев за отказ сдать анализ крови в апреле, на турнире серии Masters в Монте-Карло. Он утверждал, что всю жизнь боится иголок, и этот страх увеличивается, когда он нездоров. По его словам, в Монте-Карло ему нездоровилось, под ярким солнцем стало только хуже, и он спросил представительницу службы допинг-контроля, отвечающую за отбор проб крови и мочи, нельзя ли ему отказаться от анализа крови, поскольку он боится упасть в обморок. Если верить Троицки, она согласилась, но потом изменила показания. Представительница утверждала, что никогда не давала подобного разрешения и предупредила о санкциях в случае отказа сдать кровь в тот же день. Расследуя этот инцидент, руководство теннисной антидопинговой службы заявило, что пропущенный тест – это серьезное нарушение правил, и отстранило Троицки от участия в турнирах на срок, всего на шесть месяцев меньше того, который он получил бы, если бы сдал кровь и в ней были бы выявлены запрещенные вещества. Троицки подал апелляцию в Спортивный арбитражный суд (CAS), который вынес решение во время финала мирового тура АТП в Лондоне.

CAS подтвердил вину Троицки, но постановил, что лицо, отвечавшее за допинг-контроль в Монте-Карло, должно было обратиться за помощью к руководству АТП, чтобы убедить Троицки в необходимости сдать анализ крови. В итоге было вынесено решение, что приговор слишком строг, и срок дисквалификации сократили с 18 месяцев до 12. Но для Джоковича такой вердикт стал слабым утешением. Не только его друг потерял целый год профессиональной карьеры, но и Сербия лишилась одного из игроков команды Кубка Дэвиса накануне финала у себя дома против сборной Чешской Республики, который должен был состояться на следующей

неделе. Сербы могли бы выиграть и без Троицки, если бы Янко Типсаревич был в форме, но Джокович знал, что Типсаревич, хоть и делает все возможное, чтобы залечить травму пятки, скорее всего, пропустит финал. Так что дисквалификация Троицки стала серьезным ударом по надеждам Сербии.

Решение CAS было вынесено в тот день, когда Джокович играл против Роджера Федерера в Лондоне, и пресс-конференции сербского теннисиста после матча ждали с особенным нетерпением, желая знать, как он отреагирует на известие о дисквалификации Троицки. Обычно на пресс-конференциях после матча игрок входит, садится, отвечает на вопросы и уходит. На этот раз было иначе. После обычных вопросов о победе его спросили, может ли он что-либо сказать по поводу решения суда. Джокович вынул из кармана какие-то записи и говорил семь минут подряд. Выступление было впечатляющим, но красноречие постепенно уступило место эмоциям, и он перешел в открытую атаку на нескольких фронтах.

Джокович выразил свое недовольство следующим образом:

«Это очень плохие новости для него [Троицки], для меня и для всех, кто близок к нему. Но я думаю, это плохо не только для него – это вновь доказывает, что эта система отбора проб, созданная [агентством] Wada [Всемирное антидопинговое агентство], не работает. Почему я так считаю? Потому что, во-первых, наше дело как профессиональных игроков – играть в теннис, с уважением относиться к правилам и знать все правила в нашем виде спорта. Но когда тебя произвольно выбирают для прохождения анализа – не важно, с пробой крови или мочи, – в обязанности представителей антидопингового агентства, находящихся на турнире, входит давать четкие указания и объяснять правила, постановления и последствия в случае отказа от прохождения теста. В данном случае представитель этого не сделал. И главное, у Троицки не нашли никаких запрещенных веществ. Я не пытаюсь полностью снять с него вину, но… она не сообщила ему о тех последствиях, с которыми он столкнется, если откажется от пробы. Она сказала, что он должен написать заявление, и этого достаточно. Из-за ее халатности и непрофессионализма теперь он отстранен от участия в турнирах на один год. И я как игрок впредь буду нервничать при прохождении любого анализа».

Джокович умело выделил один элемент решения суда и придал всему происходящему характер лотереи. В решении CAS действительно было сказано, что представитель допинг-контроля могла ввести Троицки в заблуждение, предложив ему написать в МФТ и изложить свои причины нежелания сдавать пробу крови

(или, как выразился CAS, «ошибочно убедить его в своей уверенности в положительном решении вопроса»), а также заявлено, что она пренебрегла своей обязанностью «всегда убеждаться в отсутствии недоразумений» и что ей следует «в любом случае побуждать спортсмена пройти допинг-контроль», все объяснив ему «и по возможности убедив в том, как важно следовать установленному порядку». Однако там же говорилось, что все это не оправдывает отказ Троицки сдать пробу крови и что на воспоминания Троицки «повлияло последующее восстановление событий». Так что Джокович судил об этом инциденте, зная о разговоре с представителем допинг-контроля по версии Троицки – версии, которую суд, изучив обстоятельства дела, подверг сомнению. Обвинять профессионалов в «халатности» и «непрофессионализме», руководствуясь подобными свидетельствами, – все равно что кататься на коньках по тонкому льду.

Джокович также заявил, что решение Троицки сдать пробу крови на следующий день – пробу, которая оказалась чистой, – доказывает, что Троицки не совершил ничего противозаконного. Но это доказательство не выглядит убедительным, поскольку есть вещества, содержание которых в крови можно обнаружить только в день их употребления и нельзя – уже на следующий, поэтому своевременный отбор проб является ключевым элементом надежности системы антидопингового контроля.

Джокович честно признался, что Троицки – его «очень близкий друг», человек, которого он знает с восьмилетнего возраста, следовательно, он не может не принимать случившееся «близко к сердцу». Возможно, поэтому теннисный мир охотно признал, что Джокович вступился за друга, а если в страстной попытке защитить Троицки он не всегда был убедителен, – что ж, такое порой случается, если ты предан другу или товарищу по команде. Но, вероятно, он был не просто удивлен, когда позднее на той же неделе Роджер Федерер и Энди Маррей наотрез отказали Троицки в заступничестве: Федерер сказал, что, когда игрока просят пройти пробу, он должен сделать это, а Маррей – что Троицки поступил «непрофессионально» и что хотя он отчасти сочувствует игроку, попавшему в такое положение, доводы этого игрока сочувствия не вызывают.

Не стоит критиковать Джоковича за то, что он ухватился за одно разъяснение в решении суда и пытался построить на нем свою аргументацию. Точно так же поступают политики и юристы, отстаивающие свою точку зрения, несмотря на свидетельства, ее опровергающие. Однако Джоковичу следовало быть осмотрительнее в борьбе за друга, в пылу которой он рисковал

подорвать веру в надежность антидопинговых мер. Ведь он сам сделал так много, чтобы поднять физическую форму, выносливость и способность восстанавливаться на новый уровень среди элитных теннисистов, но признание за это возможно лишь в том случае, если его спорт будет «чистым». Ему следует помнить о велосипедистах и представителях других видов спорта, достижения которых так и не получили заслуженного признания ввиду употребления допинга их предшественниками, значит, и на одном из ведущих апологетов тенниса, Джоковиче, лежит обязанность следить, чтобы его вид спорта не был запятнан.

Затем последовала атака на АТП, во время которой эмоции Джоковича по-настоящему выплеснулись наружу. Он сказал: «Ассоциация теннисистов-профессионалов, которой полагалось бы играть объединяющую роль для игроков, профессиональных теннисистов, быть руководящей организацией, стоящей на защите интересов игроков, никак не реагирует в этом случае и ничего не предпринимает для Виктора». Он продолжал: «Система [управления АТП] настолько сложна, что не работает на пользу игрокам, так как АТП – это на 50 % игроки и на 50 % турниры. Потому что всякий раз, когда хочешь проголосовать за что-то, тебе требуется собрать большинство, а это невозможно, потому что пострадают интересы турниров. У игроков нет ни энергии, ни времени, чтобы тратить их на такие вещи. У нас нет времени на политику. Сейчас структура не учитывает интересы теннисистов».

Во многих отношениях эта аргументация несостоятельна. Прежде всего, она подразумевает, что игроки важнее турниров – да, турниры не могут функционировать без игроков, но игроки тоже не в состоянии функционировать без турниров, так что им надо действовать сообща. Во-вторых, если Джокович утверждает, что у него нет времени на политику, значит, он должен довериться тем, у кого это время есть, – таков закон жизни, а не только тенниса. Как ни странно, он уже вовлечен в теннисную политику. Джокович – бывший член совета игроков АТП, близкий к Ивану Любичичу, бывшему президенту этого совета, который пытался разобраться в алфавитной мешанине с сокращениями названий теннисных управляющих органов. Это значит, что любые нападки Джоковича на АТП – это нападки на самого себя как члена этой организации. Вдобавок не слишком порядочно напускаться с резкой критикой на АТП, находясь на главном турнире года, организованном этим самым АТП. Конечно, это не то же самое, что оскорблять хозяина, пригласившего тебя на ужин, но Джокович мог бы выбрать другой момент, тем более что он имел претензии к представителю

службы допинг-контроля и Спортивному арбитражному суду, а не к теннисным управляющим органам.

Несмотря на изъяны в доводах, после пылкого выступления в защиту Троицки репутация Джоковича только укрепилась. Он ясно дал понять: независимо от того, правы антидопинговые организации или нет, он сам и остальные теннисисты, старающиеся строго соблюдать правила, чувствуют себя уязвимыми из-за попыток системы поймать их на обмане. И он указал: если игрок нарушает правила, он может потерять год карьеры, однако если правила нарушает представитель службы допинг-контроля, против него не вводится никаких санкций. Многие сочли, что перед ними – будущий теннисный управленец. На момент, когда были сделаны эти заявления, АТП еще не нашла замену покойному Брэду Дрюэтту на посту председателя правления и исполнительного директора; в итоге создалось ощущение, что когда-нибудь Джокович созреет для этой роли. В 26 лет политическая наивность ему простительна, как и стремление поставить интересы друга детства выше доказательных аргументов. Но в дальнейшем понадобится более глубокое понимание сложностей, связанных с управлением.

Примечательно, что в своем монологе о Троицки Джокович не упомянул Международную федерацию тенниса, хотя его недовольство рядом решений МФТ известно. Возможно, это было проявление Realpolitik, опирающееся на тот факт, что МФТ принадлежит Кубок Дэвиса, а на следующей неделе Джоковичу предстояло оказаться в центре внимания на финале Кубка в родном Белграде. В конечном итоге Сербия проиграла странный финал, в котором исход всех пять матчей решился в трех сетах, и отсутствие в сербской команде Троицки и Типсаревича дорого обошлось хозяевам матча. На церемонии награждения Джокович пожимал руку президенту МФТ Франческо Риччи Битти и улыбался ему, но Джокович и Типсаревич стали единственными представителями сербской команды, не появившимися в тот вечер на официальном ужине по случаю Кубка Дэвиса. Утверждение, что они бойкотировали этот ужин, выглядело бы слишком сильным, тем не менее это действительно был молчаливый протест.

Ближе к концу 2013 г. проблемы со здоровьем в семье Мариана Вайды заставили окружение Джоковича задуматься о новом тренере. Вайда ясно дал понять, что впредь не хочет постоянно находиться в разъездах. Хотя Вайда и намеревался по-прежнему принимать активное участие в работе команды, они с Джоковичем обсудили кандидатуру нового главного тренера. Сделанный ими выбор удивил мир тенниса: Борис

Беккер.

После ухода из спорта в конце 1990-х гг. Беккер большую часть времени проводил в роли телевизионного эксперта. Сложности личной жизни, в том числе воспитание ребенка, ненароком зачатого в результате случайной связи в подсобке лондонского ресторана, превратили его в знаменитость, о которой постоянно говорят и строят догадки на ее счет, но вряд ли причисляют к влиятельным лицам. Невероятно обаятельный и харизматичный, Беккер привлекал внимание повсюду, особенно у себя на родине, в Германии, где к нему относились как к творению высших сил, а также в Великобритании – отчасти потому, что он владел домом в Уимблдоне. Но его высказывания о теннисе не считались глубокими и чаще всего несли печать неискоренимого индивидуализма. Поскольку прежде он никогда не тренировал турнирного профессионала, теннисный мир гадал, найдется ли у Беккера что сказать Джоковичу.

Согласно официальному заявлению Джоковича, Беккер должен был отвечать за психологическую подготовку серба, и конкретно – помочь ему уверенно играть на важных очках в главных матчах. В каком-то отношении это имело смысл: Джокович проиграл ряд таких главных матчей, которые несомненно мог выиграть – например, финал Открытого чемпионата Франции 2012 г., полуфинал «Уимблдона» 2012 г., полуфинал во Франции 2013 г., финал «Уимблдона» в 2013 г. и финалы Открытого чемпионата США в 2012 и 2013 гг. Беккер – один из немногих, кому известно, как можно изменить ход игры в свою пользу, в то время как победа ускользает. Он также имеет большой опыт громких побед. Но сможет ли он передать эти знания? Этот вполне резонный вопрос остается открытым, в то время как теннисный мир никак не переварит эту новость.

Шесть месяцев спустя эти двое, облаченные в черные костюмы, триумфально появились на ужине чемпионов «Уимблдона» в Лондонской Королевской опере. Джокович во второй раз стал чемпионом «Уимблдона», завоевал седьмой из титулов Большого шлема и вернулся на верхнюю строчку мирового рейтинга. Джокович ужинал за президентским столом, а Беккер сидел отдельно, вместе с остальной свитой Джоковича, за столиком сбоку в атриуме. Однако немца постоянно отвлекали журналисты, желавшие услышать, как он помог Джоковичу перебороть череду неудач в финалах. Беккер по-прежнему оставался грузным после сделанных в предыдущие 12 месяцев операций на голеностопе и бедре, но явно вернулся в центр внимания и находился в своей стихии.

Тем не менее полгода между его назначением и триумфом Джоковича в «Уимблдоне» в 2014 г. прошли как угодно, только не гладко. По меньшей мере дважды теннисный мир засомневался, так ли уж сильно Джокович верит в Беккера, и, если бы Джокович проиграл пятый сет в финале «Уимблдона» Роджеру Федереру, имея преимущество 5–2 в четвертом и матчбол, у Беккера не осталось бы никаких гарантий, что он и впредь сохранит за собой эту работу. Несмотря на триумф Джоковича в пяти сетах, в воздухе по-прежнему висит вопрос, как именно Джокович выиграл «Уимблдон» – благодаря Беккеру или вопреки ему.

Насмехаться над подобной договоренностью, когда о ней было объявлено, было немудрено. Для Беккера 2013 г. выдался ужасным – из-за личных сложностей, растущего веса, проблем со голеностопом, в результате чего требовалась операция. И поскольку Энди Маррей нанял Ивана Лендла в 2012 г., Роджер Федерер – Стефана Эдберга, Марин Чилич – Горана Иванишевича, а Кэй Нисикори – Майкла Чанга (всех – в конце 2013 г.), некоторым показалось, что Джокович просто не желает пропустить участие в драфте громких теннисных имен из 1980–1990-х гг.

В Австралии выяснилось, что Джокович встретил Беккера просьбой говорить с ним по-немецки, чтобы помочь ему освежить в памяти этот язык; поскольку Джокович живет большую часть года в Монако, где говорит по-французски (его собаку зовут Пьер, так что можно предположить, что он говорит по-французски и с собакой), общается со своим менеджером Эдоардо Артальди на итальянском, напрашивается шутка, что он подбирает команду по принципу возможности добавить в коллекцию очередной язык. На их первом совместном турнире в Мельбурне стало ясно, что назначение Беккера создало вокруг Джоковича невиданную доселе шумиху. Их тренировки неожиданно стали проходить с аншлагом, хотя Беккер всего лишь подбрасывал мячи спарринг-партнеру, поскольку сам еще только оправлялся после операции на голеностопе (он сбросил несколько килограммов и разработал программу тренировок, так что явно относился к своей новой должности серьезно и извлекал из нее личную пользу). На пресс-конференциях Джоковича засыпали вопросами о Беккере, и Новак даже выполнил просьбу Джима Курье в интервью на корте после победы на Арене Рода Лейвера и спародировал Беккера – характерная для немца раскачка при подаче, выполненная на глазах у самого Беккера, произвела фурор. Если бы понадобилось найти образы, отражающие качества трех ведущих фигур в мировом теннисе, то Федерер был бы стильным

традиционалистом, Надаль – мощным быком, а Джокович – профессором-философом. Но образ для Джоковича на самом деле подобрать не столь просто, мир не всегда усматривает в нем сочетание пылкого воина и мыслителя-толстовца. Появление Беккера в лагере Джоковича, несомненно, обеспечило последнему популярность, которой он не имел при Вайде.

И все-таки первый совместный выезд на турнир прошел неудачно. Победная серия Джоковича из 25 матчей на Открытых чемпионатах Австралии закончилась на сей раз в четвертьфинале проигрышем Станисласу Вавринке в пятом сете со счетом 9–7. Это поражение смотрелось чуть лучше пять дней спустя, когда Вавринка потрясал своим трофеем: травма спины у Рафаэля Надаля помогла Вавринке завоевать свой первый титул Большого шлема, однако швейцарец играл очень хорошо, так что мог победить и без «помощи» соперника. К концу двух недель в Мельбурне окружающим становилось все очевиднее, что сотрудничество между Беккером и Джоковичем – вещь серьезная, а не какой-то рекламный ход.

Тем не менее год продолжался неудачно и для Джоковича, и для Беккера. Джокович отказался играть в Сербии матч Кубка Дэвиса против Швейцарии – вероятно, потому, что знал, что ему снова придется встретиться с Вавринкой, находящимся в хорошей форме, вдобавок позднее выяснилось, что и Роджер Федерер собирается в Нови-Сад. Поэтому сербский теннисист избавил себя и организаторов турнира от кошмара – игры с Федерером в пятницу и с Вавринкой в субботу на арене, вмещающей всего пару тысяч зрителей. Его следующий турнир проходил в Дубае, где он проиграл Федереру в полуфинале, несмотря на выигрыш первого сета. Между тем оказалось, что злополучное бедро Беккера требует операции, поэтому в марте он не смог поехать с Джоковичем на серию турниров на хард-кортах в Америке. Все происходящее выглядело несколько беспорядочно.

Справедливости ради следует отметить, что при объявлении о назначении Беккера официально было сказано, что в 2014 г. Вайда будет работать на четырех турнирах – в Индиан-Уэллсе, Мадриде, Торонто и Пекине. Так что ближайший турнир в Индиан-Уэллсе давал возможность возобновить давнее партнерство. И он действительно увез с этих состязаний главный приз. Играл Джокович на этот раз не слишком удачно и признавался, что сосредоточенность и уверенность в себе периодически подводили его. На пути к финалу он проиграл три сета в четырех матчах, а затем проиграл первый сет Федереру в финале. После чего он сравнял счет, выиграл третий сет на тайбрейке и завоевал свой первый титул в 2014 г.

Эту победу отмечали скромно, даже сдержанно. А вот когда через две недели он вышел победителем в Майами, празднование, наоборот, прошло с большим воодушевлением, как прежде. Возможно, одной из причин был потрясающий розыгрыш мяча на матчболе в финале против Надаля, но, так или иначе, эта победа вызывала ощущение, что Джокович действительно совершил прорыв. А где же при этом находился Беккер? Два турнира, на которых Джокович вернул себе прежний рейтинг, состоялись без участия Беккера, на обоих присутствовал Вайда. Положение немца выглядело шатким.

Возможно, ситуация складывалась бы точно так же, если бы инициатором перемен был не Вайда, а сам Джокович. Вайде хотелось тратить меньше времени на разъезды, поэтому он остался дома впервые за долгие годы участия в Открытых чемпионатах Австралии, и наслаждался временем, проводимым в кругу семьи. Матчи Джоковича он смотрел по телевизору, и хотя все еще ощущал себя частью его команды, но возвращаться к прежнему режиму не хотел. «Возможно, в этом году мы увидим, как его уровень будет то слегка опускаться, то подниматься, – сказал Вайда в интервью радио «Би-би-си» в Индиан-Уэллсе, – но в дальней перспективе перемены, скорее всего, положительно отразятся на его игре. Безусловно, речь идет о больших изменениях. Он привык видеть меня здесь, привык к моему участию, к тренировкам со мной, к моим репликам на каждом матче, и все шло гладко. А теперь ему придется привыкать к другому тренеру помимо меня, и это нелегко, это отнимает время. Не мгновенное чудо, а долгий процесс».

Другими словами, о возвращении к прежнему порядку не могло быть и речи: Джоковичу предстояло либо сделать работу с Беккером эффективной, либо найти другого тренера, но уже не рассчитывать на основное руководство Вайды. Поэтому в планы на сезон игр на кортах с грунтовым покрытием были внесены поправки. Вайда работал с Джоковичем на этапе подготовки к турниру в Монте-Карло, но его участие в мадридских состязаниях не понадобилось, так как Джокович получил травму запястья и снялся с соревнований. Однако он попросил Вайду сопровождать его и Беккера в Рим, на последний из крупных турниров перед Открытым чемпионатом Франции.

Именно в Риме связка Джокович-Беккер заработала по-настоящему. Вайда находился рядом с теннисистом и его новым тренером, таким образом Беккер мог точнее уяснить для себя, какие подходы предпочитает Джокович. Поэтому он скорее учился, перенимал опыт у Вайды, а не исполнял роль «новой метлы», сметающей прежние порядки. В финале Джокович

обыграл Надаля, по ходу проигрывая ему один сет (поистине большое достижение!), поэтому никто не удивился, когда в Париж Вайда и Беккер вновь приехали вдвоем.

Надежды на то, что Джокович сделает карьерный Большой шлем, выиграв «Ролан Гаррос», вновь разбил Надаль. Во время их второго парижского финала Джокович стартовал лучше, но, как только он проиграл второй сет, Надаль разошелся и стал выигрывать один гейм за другим. Его сопернику с трудом удалось выправить положение в четвертом сете. Когда Надаль начал морщиться от явных болевых ощущений в четвертом сете, казалось, что Джокович решит исход этой встречи в свою пользу в пятом сете, но Надаль волевым усилием сделал брейк в десятом гейме четвертого сета, а Джокович допустил двойную ошибку на матчболе уже второй раз за два своих финала на «Ролан Гарросе».

Поскольку Вайда уже достаточно долго не видел близких, побывав в дополнение к оговоренным еще на двух турнирах, для Джоковича настало время, когда на соревнования он стал ездить с одним только Беккером. Серб предпочел поберечь свое еще не вполне окрепшее запястье и не участвовал в разминочных турнирах перед «Уимблдоном». Его матч в первом круге против Андрея Голубева в день открытия «Уимблдона» стал первым матчем, где в качестве тренера выступал только Беккер, без Вайды. Ранее в этом же году Голубев обыграл Вавринку на Кубке Дэвиса, так что вряд ли мог считаться неопасным противником, однако Джокович обыграл его, отдав всего пять геймов. Увлекательная игра с победой в четырех сетах над Радеком Штепанеком и победа в трех сетах над Жо-Вильфридом Тсонгой, увенчанная потрясающим победным бэкхендом, – все говорило о том, что Джокович – явный претендент на чемпионское звание. В этом статусе он еще больше утвердился после того, как его предполагаемый противник в полуфинале, Энди Маррей, уступил в четвертьфинале Григору Димитрову. И поскольку Надаль проиграл делающему большие успехи австралийскому юноше Нику Кирьосу в четвертом круге, Джокович встретился в финале с Федерером.

Финалы из пяти сетов – всегда захватывающее событие, но сейчас, по прошествии времени, становится ясно, что первые семь геймов последнего сета были единственными за весь матч, когда Федерер выглядел серьезным претендентом на победу. Джокович проиграл первый сет на тайбрейке, затем выиграл второй и третий, и вел со счетом 5–2 в четвертом. Гейм с неудачной подачей Джоковича при счете 5–3 и то, что Федерер спас матчбол, подав неберущуюся подачу при счете 5–4, усилило

давление на Джоковича и вновь напомнило обо всех проигранных финалах.

Если бы Федерер выиграл матч – а у него была отличная возможность в седьмом гейме пятого сета, – психологический ущерб для Джоковича был бы чрезвычайно велик. Однако сила духа позволила Новаку отразить атаку противника в седьмом гейме, и с этого момента ситуация начала складываться в его пользу. Федерер дрогнул при счете 4–3, а при счете 5–4 первая подача изменила ему, несмотря на то, что обычно служила верой и правдой. Джокович сделал брейк, и чемпионский титул достался ему.

Означает ли это, что риск привлечения Беккера в команду оправдался? Судить еще слишком рано. Беккер явно дал Джоковичу что-то, и вполне вероятно, что немец уже добился того результата, ради которого его пригласили в команду. Если он показал Джоковичу, как надо побеждать в финальных матчах турниров Большого шлема, тогда он, вероятно, выполнил свою задачу. Возможно, в будущем роль Беккера в команде Джоковича будет зависеть от того, насколько комфортно Джокович чувствует себя в присутствии другой сильной натуры и насколько комфортно Беккеру ощущать себя сопровождающим звезды, а не самой звездой, пусть и телевизионной.

Сербский теннисный обозреватель Воин Величкович указывает еще на одну возможную причину, по которой ценность Беккера для Джоковича более велика, чем может показаться. «Люди считают, что Игорь Четоевич дал Новаку только безглютеновую диету, – говорит он, – но я беседовал с Четоевичем и узнал, что он считает, что дал Новаку две вещи: диету и разговоры – такие, какие с ним не мог бы вести никто другой. Новаку нравится в чем-то разбираться, думать и соображать, и, по-моему, Четоевич умел вести с ним разговоры, помогающие ему прояснить мысли перед матчем. Может быть, этих разговоров ему не хватало, а отношения с Борисом – это возможность возобновить их и мысленно настраиваться на матчи?»

Какой бы ни была истинная ценность Беккера, нет никаких сомнений в том, что его присутствие придает команде Джоковича особый ореол, и Джокович явно не возражает против этого.

Глава тринадцатая
Даритель

В октябре 2013 г. национальная авиакомпания Сербии JAT («Югославский авиатранспорт») заключила соглашение с авиакомпанией из Абу-Даби Etihad о покупке последней 49 % акций JAT и управлении сербским авиаперевозчиком. По условиям сделки JAT предстояло переименовать в Air Serbia. Все хвостовые стабилизаторы украсились новым логотипом – изображением сербского двуглавого орла. Во время войн 1990-х гг. этот символ из сербской геральдики ассоциировался с репутацией страны как агрессора, поэтому то, что именно его взяли за основу логотипа Air Serbia, скорее всего, должно говорить о том, что страсти в мире по поводу Сербии улеглись и страна может пользоваться своими традиционными символами, не боясь нежелательных эмоций.

В условия сделки также входило присвоение 14 самолетам имен известных сербов. Неудивительно, что первый же самолет назвали «Новак Джокович». Факт остается фактом: Джокович со значительным отрывом опережает других представителей Сербии по популярности, и лидеры страны лезут из кожи вон, чтобы использовать этот факт по полной, пока железо еще горячо.

Борис Тадич был президентом Сербии с 2004 по 2012 г. Он часто присутствовал на трибуне, когда Джокович и другие ведущие сербские игроки сражались за свою страну на Кубках Дэвиса и Федерации. «Сербы очень гордятся Новаком, – сказал Тадич после уимблдонского триумфа Джоковича в 2011 г. – Народ много страдал в последние десятилетия, поэтому такие победы очень полезны, они вызывают у людей чувство гордости. Благодаря Джоковичу репутация Сербии восстанавливается. С Сербией у людей ассоциируется прежде всего Новак Джокович, а не ее президент, и это замечательно. Раньше Сербия ассоциировалась с ее бывшим президентом [Слободаном Милошевичем], и это было плохо. А теперь ситуация кардинально изменилась, и я очень горжусь Новаком».

Драган Джилас, лидер Демократической партии Сербии и мэр Белграда (до октября 2013 г.), заявил группе иностранных журналистов: «Думаю, будет очень полезно, если когда-нибудь мировые СМИ заговорят о Сербии, но не о войнах и не о Милошевиче – я понимаю, что это интересные темы, всплывающие каждые несколько месяцев, – а о Новаке Джоковиче и других преуспевших в нынешние времена гражданах Сербии,

ученых, преподавателях, о молодежи, представителях культуры. Джокович – талант, нам нужно больше таких, как он, чтобы продвигать образ другой Сербии».

Любопытно, что Джилас явно пытался перечислить несколько сербских ролевых моделей, но вспомнил только Джоковича. Кстати, вторым человеком, именем которого был назван самолет компании Air Serbia, стал кинорежиссер Эмир Кустурица, играющий в мире искусства такую же роль, как Джокович – в мире спорта.

Эта потребность в живом символе нации может показаться несколько странной гражданам таких стран, как США или Великобритания, не слишком беспокоящихся о том, что где-то в мире к ним относятся без должного восхищения. Несомненно, международную репутацию сербов требуется изменить к лучшему. Два выдающихся сербских теннисиста эпохи, предшествующей появлению Джоковича, Ненад Зимонич и Душан Вемич, пробивали себе дорогу в военные и послевоенные времена, в условиях санкций и визовых ограничений. «В 1990-х гг. про нас рассказывали много историй, нас обвиняли в том, чего мы не совершали, – говорит Зимонич. – То и дело обнаруживаются доказательства нашей невиновности, но об этом никто не желает говорить, так что репутация по-прежнему остается запятнанной. Поэтому очень здорово, когда кто-то может представить нас с положительной стороны. Будем надеяться, что деятельность Новака даст миру шанс взглянуть на нас объективнее и, возможно, создать условия, чтобы будущие поколения усомнились в правильности некоторых бытующих сейчас представлений».

Вемич считает, что проблема репутации Сербии относится не только к югославским войнам. «В конце 1990-х и в начале 2000-х гг. нас считали преступниками и террористами, и представляли такими не только в новостях, но и во многих фильмах, – говорит он. – Мы всегда выступали в роли „плохих парней“. Уверен, Джокович поможет изменить эту ситуацию, хотя бы немного. Он уже обеспечил нам кое-какое признание в мире. Он всегда представлял нашу страну по-настоящему позитивно и с гордостью. Это лучший посланник страны». Вемич – не единственный соплеменник Джоковича, заметивший, что сербский террорист или преступник – стереотип, к которому часто обращаются кинорежиссеры, и в связи с этим примечательно выглядит эпизодическая роль Джоковича в фильме «Неудержимые-2», где он сыграл орудующего ракеткой антитеррориста, хоть эта сцена и была вырезана из окончательной версии картины. Стоит также отметить,

что на протяжении многих лет типичным для Голливуда акцентом «плохишей» остается английский, однако в большинстве своем англичане этого не замечают.

Из всего этого напрашивается вывод, что у сербов развился комплекс неполноценности, для которого, к сожалению, есть реальные основания. Особенно он заметен у тех, кто бывает за границей и видит реакцию разных людей на название своей родины. Когда американец, британец, француз, немец, австралиец или гражданин любой из четырех десятков наиболее значимых стран мира говорит, откуда он прибыл, то сразу становится видно, что его страну знают и уважают. А серб за границей до недавнего времени сталкивался с враждебностью или недопониманием. С тех пор как он начал путешествовать, Джокович накопил в этом смысле достаточный опыт. «Немногие знали, где находится Сербия, – говорит он, – некоторым даже чудилось, что я говорю „Сибирь“. Настоящим приключением было объяснить, где расположена Сербия, но мне это нравилось. Мне казалось, что на меня возложена миссия: сделать как можно больше хорошего, чтобы встать рядом с названием моей родины, потому что из СМИ в то время шел поток далеко не самых приятных новостей про мою страну».

Сербский телевизионный обозреватель Небойса Вискович рассказывает о своих первых репортажах с турнира Большого шлема. «Это был Открытый чемпионат США в 2001 г., накануне 11 сентября, – говорит он. – Когда я сообщал, откуда я, люди спрашивали: „А где это?“, и я объяснял шепотом. Но с тех пор, как началась теннисная эйфория, все изменилось. Когда я даю интервью, ребята из других телеканалов иногда спрашивают, откуда я, и когда я отвечаю, что из Сербии, показывают мне большие пальцы. Потому что произошло что-то хорошее, связанное с Сербией, – не только с Новаком, но и с женщинами, с Аной и Еленой. Теперь я с гордостью сообщаю, что я из Сербии».

Сама Ана Иванович говорит: «Меня часто спрашивали, безопасно ли ездить в Сербию. Когда встречаешься с людьми на турнирах по всему миру, и эти люди спрашивают, откуда я, а я говорю, что из Сербии, мне сразу же задают вопрос: „А там безопасно?“ Я говорю: „Да, совершенно безопасно“. В кино все гангстеры и преступники, все плохие люди поголовно или сербы, или русские, и это несправедливо. Надеюсь, в глазах большинства людей имидж Сербии станет лучше».

Это свидетельствует о том, как важно для Сербии иметь всемирно известный образец для подражания, и действительно, некоторые люди, дававшие интервью для этой книги, успели заметить, что первой реакцией на слово «Сербия» в последнее

время становится возглас: «А-а, Новак Джокович!».

Многие известные люди полагают, что Джокович – лучший посланец, какой только мог появиться у Сербии. На что Джокович отвечает: «Это огромная ответственность. Я отчетливо ощущаю ее груз. Потому что нам труднее преуспеть в жизни – нам, сербам, из-за нашего прошлого, из-за истории. Нам приходится стараться изо всех сил, делать больше других, чтобы нас заметили, чтобы на нас обратили внимание».

Это не значит, что самого Джоковича не замечают – наоборот, он выглядит прирожденной звездой. Его часто приглашают в популярные телепередачи в США, он охотно соглашается принимать участие в экстравагантных рекламных номерах, от которых многие игроки бежали бы как от огня. Он спел песню на конкурсе «Евровидения» в 2008 г., который проводился в Белграде. Участвуя в показе мод в Монреале в 2009 г., он скинул шелковый купальный халат и продемонстрировал суперкороткие плавки. В конце 2010 г. он дал привязать себя к крылу биплана, шагал по нему и играл с лета теннисными мячами в рекламном ролике компании, выпускающей ракетки Head. («Мама спросила меня: „Ну и зачем тебе это?“ Это было безумие, одна из самых сумасшедших выходок в моей жизни».) Однако все это приносит огромную пользу его родине. В августе 2011 г., рассказывая о появлении Джоковича в ток-шоу Джея Лено «Сегодня вечером» («Tonight»), американская писательница сербского происхождения Ана Митрич писала: «До Джоковича тремя самыми „знаменитыми“ сербами были диктатор Слободан Милошевич и военные „лидеры“ Радован Караджич и Ратко Младич [все трое попали под военный трибунал ООН в Гааге] – совсем не те люди, которые получают приглашения в передачу „Сегодня вечером“».

Хотя по узнаваемости в мире Джокович намного опережает любого другого серба, он все-таки не единственный. Через четыре месяца после того, как он выиграл свой первый титул Большого шлема на Открытом чемпионате Австралии в 2008 г., Ана Иванович стала чемпионкой Открытого чемпионата Франции и заняла первое место в мировом рейтинге, разделив с Еленой Янкович обязанности посланцев своей родины. Иванович говорит:

«Для нас, спортсменов, большая честь – представлять Сербию. Я считаю, что спорт объединяет людей, в спорте о тебе судят не по тому, откуда ты, а по твоим достижениям. В каком-то смысле я, да, думаю, и все мы считаем, что это шанс вернуть нашей стране доброе имя. Несколько раз нам представлялся случай встретиться с нашим президентом [Борисом Тадичем], и он всегда с пониманием и благодарностью отзывался об этой

нашей роли. „Ребята, вы лучшие посланцы, какие у нас есть“, – говорил он. То, что сейчас делает Новак, – замечательно, он сильно помогает нашей стране. Он говорил мне, что это большая честь, а заодно и шанс показать сербов с необычной стороны, дать понять, что среди нас есть веселые люди».

Дело не только в том, что Джокович – отличный образец для подражания, но и в том, что в своей национальности он видит много черт, привлекательных для окружающего мира. Он патриот и никогда не упускает случай прорекламировать Сербию, но в этом нет никакого мессианства. Учитывая хорватское происхождение его матери, неудивительно, что лучшие друзья Новака – хорваты (в частности, Иван Любичич и Марин Чилич), но поскольку Сербия и Хорватия в начале 1990-х гг. воевали друг с другом, этот факт имеет важное значение. На церемонии награждения в Монреале в 2007 г. ведущий представил Джоковича как спортсмена из Хорватии. Джокович обратил неловкость в шутку, заявив: «Можете называть меня хорватом, я не против. Сербы и хорваты – почти одно и то же. Все мы люди». В интервью одной хорватской газете Джокович сказал: «Я не вмешиваюсь во всю эту националистическую неразбериху. Людям за границей очень трудно различить наши народы, понять, кто мы и что мы. Поэтому я и не обижаюсь. Я помню, как трудно бывает объяснить, откуда я родом и где эти горные Балканы».

Джокович всегда был в некотором смысле интернационалистом, тем не менее дружба с Иваном Любичичем помогла ему больше, чем можно предположить. Хорват, родившийся в Боснии, в католической семье, Любичич мог выбрать любую из трех национальностей, но стал героем Хорватии. «Я ощущаю свою причастность к миру в целом, – говорит он. – Я никогда не был националистом: люди путают национализм с патриотизмом, а это разные вещи. Мне нравится играть за свою страну и поддерживать ее, но это не значит, что я ненавижу другие. Я с уважением отношусь ко всем. Объехав мир и познакомившись с людьми, человек уже не в состоянии замыкаться в своем тесном мирке».

Любичич задается вопросом, не помешало ли явно выраженное сербское самосознание Джоковичу стать всемирной знаменитостью. «По-моему, он проделал колоссальную работу – не знаю, много ли жителей Сербии считают это заслугой Джоковича, но в прошлом Сербия имела плохую репутацию, и я знаю, что он много сделал, чтобы изменить эту ситуацию, и старался изо всех сил. Может, его не воспринимают как всемирную знаменитость, потому что он по-настоящему гордится тем, что он серб, и все время рекламирует Сербию.

Он продвигает свою родину активнее, чем кто-нибудь до него, вероятно, потому, что его печалит ее репутация и он хочет изменить ее».

Американец Тодд Мартин, входивший в тренерскую команду Джоковича в 2009–2010 гг., рассказывает примечательную историю о Джоковиче-дипломате:

«Разумеется, Джокович прекрасно знает историю своей страны, в том числе историю ее отношений с другими странами. Кроме того, он компанейский человек, поэтому не упускает возможности путешествовать по миру и знакомиться с различными культурами и традициями, и обычно его узнают. Это значит, что много раз я оказывался единственным американцем среди множества выходцев с Балкан или из славянских государств. В одной ситуации, да еще при слабом знании, что такое Сербия вообще и каковы ее отношения с Америкой в частности, мне пришлось особенно тяжело. Знаю, что не только сербы, но и жители многих других стран считают Америку очень важной страной. Так вот, один человек, с которым мы познакомились, – я забыл, кем он был: сербом, хорватом, словенцем или кем-то еще, – считал, что американское правительство виновато в некоторых проблемах, с которыми его страна столкнулась в последние годы. Возможно, он был прав, я не могу судить, поэтому мне оставалось только прикинуться болваном – это для меня не трудно. Однако тот человек высказывал свое мнение слишком уж агрессивно, и я наблюдал, как Новак спокойно и убедительно все объяснял, не вставая ни на чью сторону и стараясь не раздражать своего друга, чтобы избежать конфликта. Это меня впечатлило».

Если вспомнить, какую репутацию Сербия приобрела во время войн 1990-х гг., встает вопрос: не пытается ли Джокович каким-то образом искупить жестокость своих соотечественников? При выборочном опросе сербы дают почти единодушный ответ: «Это было бы предательством», «он был бы предателем своей родины» и т. п. Такая реакция подчеркивает, что Джокович играет в определенном смысле сразу две роли – одну как серб, другую как гражданин мира. В качестве гражданина мира он признает необходимость примирения, а также то значение, которое в этом примирении имеет признание преступлений против человечности. Однако как серб он обязан быть преданным своей родине. Вот почему иногда он выглядит скорее воином – когда играет в Сербии, и скорее спортсменом, когда играет на других стадионах мира. И вот почему порой он так осторожничает. Например, его как известного болельщика белградской футбольной команды «Црвена Звезда» иногда просят надеть

майку команды для рекламных фотографий, однако Джоковича нечасто можно увидеть в майке «Црвены Звезды». Возможно потому, что у него отсутствует спонсорский контракт с клубом, а может быть его смущает специфическая репутация фанатов этого клуба на Западе.

Вдумчивый спортивный журналист из Сербии Зоран Милосавлевич отмечает: «Им движет патриотизм и стремление представить Сербию в лучшем свете. Во всем этом чувствуется мощный вызов. Его движущая сила – желание показать, что Сербия – не агрессивное и затхлое болото, а современная цивилизованная страна. Этого он добивается хорошими манерами, знанием языков и чувством юмора».

Рассуждая о том, как Джокович представляет Сербию за рубежом, важно не упустить из виду его умение не бередить раны все еще разобщенных бывших республик Югославии. Поскольку он серб, родившийся у матери-хорватки и этнического черногорца из Косово, своим происхождением он во многом напоминает Тито, и хотя в бывшей Югославии насчитывается много жителей смешанной национальности, в имидже знаменитости национальность играет важную роль. Деян Петрович говорит о положении Джоковича в Сербии: «Ноле может повторить путь Тито, объединяя людей если не во всех республиках бывшей Югославии, то по крайней мере в Сербии».

Сам Джокович говорит: «На самом деле, я люблю все страны бывшей Югославии, в том числе и Хорватию, несмотря на ту страшную войну. Я из тех, кто не умеет подолгу держать зло, я отходчив и способен прощать. Может, все дело в том, что главные ужасы войны обошли меня стороной – ведь я не лишился ни близких, ни дома, в отличие от других людей, которым гораздо труднее простить и забыть. Но я не считаю, что у наших стран есть причины враждовать друг с другом. СМИ слишком часто пытаются разбудить лихо. Как только мы начинаем забывать, они вновь напоминают нам о прошлом, затягивают в него, и пользы от этого никакой».

Рассуждая о Джоковиче как об общественном деятеле и дипломате, важно, чтобы не осталось впечатления, будто он весь такой уравновешенный, вежливый, спокойный и так глубоко вовнутрь загнал зверя, живущего в каждом спортсмене, что его и не видно. Вот уж нет! Хотя Джокович и умеет держать своего «зверя» взаперти, но этот зверь нет-нет да зарычит и выглянет из клетки.

Самый поразительный из таких случаев произошел в конце марафонского финала Открытого чемпионата Австралии в январе 2012 г., когда после рукопожатий с судьей и объятий с Рафаэлем

Надалем Джокович сорвал с себя майку, издал утробный рык и ринулся к своей свите, напоминая как минимум футболиста, забившего гол и бегущего обниматься с товарищами по команде, а как максимум – воина, желающего показать, что он главный в отряде. Чем-то это зрелище походило на маорийский танец хака.

Порой возникает ощущение, что в сложных ситуациях этот «зверь» неизменно дает о себе знать. В финале «Уимблдона» 2013 г., ближе к концу второго сета, когда Джоковичу казалось, что все обернулось против него, он неожиданно утратил невозмутимость и закричал на судью Мохамеда Лайани. Но это можно счесть детской шалостью в сравнении с перепалкой, которую Джокович устроил с другим судьей, Али Нили, в полуфинале серии Masters в Шанхае в октябре 2013 г. против Жо-Вильфрида Тсонги. Когда судья на линии крикнул «аут» после удара Тсонги, Джокович остановился, думая, что выиграл очко. Однако француз взял челлендж, который показал, что мяч задел линию. Судья на вышке не разрешил переиграть очко, и Джокович разразился гневной тирадой. Стоит вспомнить и семиминутный монолог Джоковича в защиту Виктора Троицки на финале мирового тура АТП в 2013 г.: если начинал он спокойно и рассудительно, то под конец это была поистине яростная брань.

Значит, важно поддерживать баланс во всем. Бывший ассистент его тренера Душан Вемич говорит:

«Когда он сохраняет душевное равновесие, то максимально близок к совершенству. Плохо, когда он чересчур благодушен или взбешен. Но если равновесие сохраняется, он замечательный теннисист. Теннис – это спорт, где в наши дни большинство игроков мало чем выделяются, но когда Новак оказывается в своей стихии, за ним можно наблюдать не отрываясь. Когда он играет за себя, видно, что порой он чуть больше нервничает, но когда он выступает за страну, он очень решителен и очень сосредоточен, он излучает хорошую энергию, особенно когда на трибунах соотечественники – он черпает эту энергию у них и всегда хорошо выступает. Спорт – это замечательно, он не дает молодежи пойти по опасному пути, но иногда Джоковичу нужен выброс эмоций, чтобы поддержать психологическое равновесие».

По-видимому, это характерный портрет Джоковича. Елена Генчич говорила о его пронзительном взгляде, удивительной сосредоточенности и способности учиться. Сербский теннисный комментатор Небойса Вискович, долго враждовавший с Срджаном Джоковичем, вспоминает, как впервые увидел 12-летнего Новака:

«Он был очень вежливым и воспитанным, он с почтением отнесся и ко мне. Вместе с тем он держался очень уверенно

и серьезно, совсем как ученый. Он очень умен. В нем как будто уживаются две личности: одна на каждый день, а другую мы видим в особых ситуациях. Еще мальчишкой он знал, как строить отношения со мной. Не могу сказать, что мы дружили, но была человеческая близость. Наши отношения всегда складывались очень удачно. После разногласий с его отцом эти отношения ограничились строго профессиональными рамками, но их уровень не изменился. Он никогда не касался моих проблем с Срджаном, я сам тоже ничего не рассказывал ему об этом, никто из нас не заговаривал о случившемся. Окружающие оберегали его от скандалов, которые затевал Срджан. Как и у отца, у Новака была своя темная сторона, но в отличие от Срджана он знал, когда спрятать ее, а когда призвать на помощь. Он отличный тактик».

Может, в этом и заключается тайна подлинного величия – держать свою темную сторону в тени или уж, на худой случай, проявлять ее там, где ее мало кто видит? Не то ли самое делал Роджер Федерер, преодолевая свою вспыльчивость, порой даже вздорность, которые угрожали стать для него помехой, и ища способы выплескивать их за пределами корта, – чтобы полностью управлять своими эмоциями, когда он на корте? Возможно, именно поэтому участие в Кубке Дэвиса имеет такое значение для Джоковича. Известно ведь, что расписание матчей Кубка его не радует, он недвусмысленно заявил руководству Международной федерации тенниса о своем отношении к этому расписанию, однако выходные, когда разыгрывается Кубок Дэвиса, он пропускает крайне редко. Он словно питается возможностью надеть красную майку и выступить за свою страну, почувствовать себя солдатом, защищающим родину, – совсем иная роль, чем индивидуальное участие в турнирах. Определенно, он позволяет своему внутреннему «зверю» проявлять себя чаще, когда играет домашние матчи Кубка Дэвиса. На других турнирах он крепче держит себя в руках.

Еще одно свойство, о котором упоминают друзья Джоковича, – память. Некоторые говорят, что он всегда все помнит, поэтому его друзья стараются не обещать лишнего.

Юмор также играет в его жизни важную роль. Те, кто работал с Джоковичем, утверждают, что у него прекрасное чувство юмора и острая потребность проявлять его, однако «делу время, потехе час» – он это четко знает. «Он развлекается гораздо меньше, чем думают, – утверждает Тодд Мартин, проработавший с Джоковичем несколько месяцев в 2009–2010 гг., – и он гораздо умнее, чем кажется. Когда подолгу общаешься с ним, он не сыплет остротами без конца – он очень серьезный и умный

парень». Вот почему его решение выйти на корт в октябре 2011 г. в Базеле, надев маску для Хэллоуина, стало такой неожиданностью. На самом деле это был сигнал, что все дела в нынешнем году благополучно закончены и он может позволить себе расслабиться.

На Открытом чемпионате Австралии в 2014 г. его спросили, чем особенно ему нравится роль Новака Джоковича. Вопрос явно доставил ему удовольствие, и после некоторого размышления он ответил: «Как правило, я не люблю говорить о себе, это я предоставляю другим людям, но для меня важно помнить, откуда я, быть благодарным за жизнь, которую я веду, и, конечно, радоваться каждой минуте, проведенной на корте. Я не принимаю ситуацию, в которой нахожусь, просто как должное. Возможность сознавать все перечисленное – вот причина, по которой мне нравится быть Новаком Джоковичем».

Часть жизни Джоковича, которую трудно оценить светскому Западу, связана с сербской православной церковью. В ревностную религиозность Джоковича верится с трудом, но роль церковных традиций в Сербии достаточно велика, поэтому религия – важная составляющая и его жизни. Он не снимает с шеи крестика, часто крестится и обращает взгляд к небесам после победных матчей.

Кроме того, он поддерживает церковные фонды, и в апреле 2011 г. патриарх наградил его Орденом Святого Саввы I степени – высшей наградой сербской православной церкви. Связь между этой наградой и денежными пожертвованиями настолько тесна, что существует почти установленный тариф – как правило, около 100 тыс. евро. Вклад Джоковича наверняка уже превысил эту сумму. В первую очередь звезда тенниса стремится помогать простому люду и святым храмам, особенно в Косово и Метохии. «Безусловно, это самая важная награда из всех, какие я когда-либо получал, – сказал он на церемонии награждения. – Мне как спортсмену и религиозному человеку трудно найти подходящие слова, чтобы передать чувство благодарности за ту уверенность, которую вселила в меня эта награда. Эту награду можно заслужить только упорным трудом и верой в себя, в своих близких и в Бога». (Также он был награжден Орденом Звезды Карагеоргия, высшей гражданской наградой Республики Сербия.)

Несколько теннисистов с годами пришли к вере, многие из них открыто заявляют о своей религиозности. Сестры Уильямс часто упоминают Иегову в интервью и на церемониях награждения, Майкл Чанг не упускает случая поблагодарить Господа, где бы он ни выступал – на церемониях награждения или спонсорских мероприятиях. Джокович не относится к этой категории, он редко заговаривает о своей вере сам, когда его

не спрашивают. Но само наличие веры, возможно, больше ритуальной, нежели глубинной, – несомненно, фактор, помогающий ему сдерживать внутреннего «зверя» и видеть свою работу – перекидывание пушистого резинового мячика туда-сюда через сетку – как приближение к чему-то высшему.

Благодаря Джоковичу теннис приобрел в Сербии популярность, и у страны осталось еще несколько лет, чтобы извлечь всю пользу из появления такого игрока.

После внутренних конфликтов, охвативших Сербскую федерацию тенниса вслед за победой в 2010 г. на Кубке Дэвиса, почти не осталось сомнений, что семья Джоковича, особенно Срджан, подумывают об основании конкурирующей национальной ассоциации. Однако следствием конфликта стало появление в рамках существующей ассоциации новой структуры, благодаря которой развитие тенниса в Сербии может оказаться в более надежных руках. Хотя репортажи средств массовой информации в основном рассказывали о смещении «Бобо» Живоиновича и его замене политиком и дипломатом ООН Вуком Еремичем, на самом деле по-настоящему важным изменением стало разделение бывшей должности Живоиновича на две новые – президента Федерации и председателя правления. Еремич – президент Федерации, и это означает, что он председательствует на ежегодном собрании, а председателем правления в настоящее время является Топлица Спасоевич.

Бывший баскетболист Спасоевич – один из самых преуспевающих бизнесменов Сербии, построивший свою компанию ITM с нуля. В настоящее время в ней насчитывается 1400 работников в семи странах. Компания была дистрибьютором Nike в России после распада коммунистической системы и заключала другие крупные контракты в мире спорта. Однако Спасоевичу присуще чувство noblesse oblige (пожалуй, следовало бы сказать richesse oblige) – убежденность, что его успех в бизнесе требует от него большой отдачи, поэтому он выступает в качестве президента различных ассоциаций и программ, в том числе Сербской торговой палаты и нескольких компаний, специализирующихся на рекламе и продвижении товаров и услуг. Некоторое время он был президентом белградской «Црвены Звезды», а в 2011 г. занял место председателя правления Сербской федерации тенниса.

Имея большой спортивный опыт, Спасоевич анализировал, что развивается эффективно, а что нет. На него произвели впечатление успехи баскетбола на волне популярности этого вида спорта в Югославии 1970–1980-х гг., а также то, как разрослось сербское волейбольное сообщество на фундаменте успехов

последнего десятилетия. На основании этого опыта он разработал план из четырех пунктов, рассчитанный на те годы, что остались до завершения карьеры Джоковича в качестве играющего теннисиста. Во-первых, он хочет улучшить теннисную инфраструктуру Сербии, чтобы появилось больше кортов и теннисных стадионов. Существуют гипотетические планы строительства тренировочного центра, при котором должна появиться национальная школа тенниса. Во-вторых, Спасоевич планирует увеличить количество турниров в Сербии, но не тех, которые привлекали бы спортивную элиту (такую ошибку совершила Германия в эпоху Беккера, Штиха и Граф: когда эти трое ушли из спорта, большинство турниров на германской земле стали экономически нерентабельными), а для игроков с низким рейтингом, чтобы обеспечить им возможность подниматься по турнирной лестнице. Смысл в том, чтобы они могли продвинуться достаточно высоко для того, чтобы ездить на международные турниры. В 2010 г. в Сербии проводилось 10 турниров серии Futures (уровнем ниже Challengers, поэтому обычно они привлекают игроков, находящихся на 250–1000 местах в рейтинге). К 2013 г. таких турниров было 22, и их количество продолжает расти. Одновременно в Сербии ежегодно проходит 400 национальных теннисных турниров различной категории. В-третьих, есть планы предоставлять гранты наиболее талантливой молодежи, чтобы помочь ей с затратами, необходимыми для перехода из категории юниоров в категорию турнирных игроков-профессионалов. Федерация выделяет 30 юниорам от 15 до 30 тыс. евро в год, иногда и больше. Сербский юниор Никола Милоевич, занимающий высокие места в рейтинге, в 2012 г. получил от Федерации 120 тыс. евро, которые помогли ему участвовать в турнирах в таких местах, куда он не смог бы съездить за свой счет. И в-четвертых, разработана программа подготовки тренеров и судей. Когда все эти планы будут реализованы, теоретически каждый сербский ребенок, имеющий способности и желание играть в теннис, сможет найти место, поддержку и возможности соревноваться, не сталкиваясь с необходимостью уезжать за границу.

Что можно считать успехом? «Мы бы хотели увидеть еще одного Новака», – говорит Спасоевич, прекрасно понимая, что Джокович – это штучный товар, таких игроков не в состоянии «поставлять» ни одна ассоциация в мире. Шансы других братьев Джокович постепенно тают. В 2012 г. Марко пробился в число лучших 600 теннисистов в мировом рейтинге, но затем резко сдал. У 18-летнего Джордже еще есть время, но большинство 18-летних игроков, нацелившихся на первую сотню, добились

большего, чем он (его самый высокий рейтинг на момент, когда эта книга была отправлена в печать, – 1463-й в мире и 30-й в Сербии). Ему следовало бы брать пример с Патрика Макинроя: будучи на семь лет младше своего прославленного брата Джона, Патрик обладал лишь частицей его способностей, тем не менее сделал неплохую карьеру в одиночном разряде, стал игроком экстра-класса в парном и оказался гораздо более удачливым капитаном команды Кубка Дэвиса, чем Джон.

Если у Сербии в ближайшие двадцать лет окажется полдюжины игроков в первой мировой сотне (пусть и большая часть из них займет места только с 50-го по 100-е), то Спасоевич может смело считать это наследием Джоковича. Ближайшие перспективы страны неплохи, тем более что Нико Милоевич и Ласло Дьере блещут на юниорских турнирах и в июле 2014 г. вошли в число 400 лучших теннисистов мирового рейтинга; Сербия даже имела отрадную возможность видеть двух своих юниоров в тройке сильнейших в мире на протяжении краткого периода в 2013 г.

Милоевич некоторое время работал с Деяном Петровичем, первым турнирным тренером Джоковича. Петрович прекрасно сознает, насколько легче Милоевичу теперь, когда Джокович находится на вершине. «Несомненно, Новак сыграл огромную роль в деле распространения тенниса по стране, – говорит Петрович. – Теперь все зависит от того, как организуются клубы, чтобы извлечь максимум пользы из этого бума, но в любом случае множество детей младшего возраста хотят быть как Ноле, поэтому ищут теннисные клубы там, где живут. Многие дети выбирают командные виды спорта по финансовым соображениям, потому что в них затраты не столь велики. Наследие Новака будет, скорее всего, в том, что целая плеяда теннисистов займет места в рейтинге с 30-го по 100-е».

Отметим также: несмотря на то, что многим очень хочется, чтобы Джокович поскорее вернулся на родину, чтобы открывать школы, клиники и тренировать молодежь, стратегия Федерации построена отнюдь не на этом фундаменте. «Мы понимаем, что ему необходимо отвлекаться, когда он здесь, – говорит Спасоевич. – Мы рады, когда он работает вместе с нами, не жалея сил, но его истинная ценность для нас – в том, что он является образцом для подражания, и мы хотели бы, чтобы он пробыл в теннисной элите как можно дольше».

Причина, по которой Спасоевич может преуспеть там, где другие потерпели или могли бы потерпеть фиаско, – не его опыт, хотя и его нельзя сбрасывать со счетов. Это его вера в то, что работа теннисного «начальства» должна быть невидимой,

поэтому он не стремится всегда пребывать в центре внимания. В некотором смысле его работа сравнима с работой дипломата. Одним из первых поступков, которые он совершил вслед за заменой Живоиновича, стало предложение «Бобо» стать почетным пожизненным президентом Федерации. Это позволяет Живоиновичу и впредь оставаться представителем сербского тенниса, с успехом осуществлять ту роль, для которой прекрасно подходит его невозмутимый характер, входить в комитет Кубка Дэвиса МФТ и в другие органы, а повседневную работу оставлять более практичным и организованным людям. Рослый красавец Спасоевич, само присутствие которого внушает спокойствие, заодно позаботился об установлении нормальных закулисных отношений с Срджаном Джоковичем. Со стороны Срджана уже нет угрозы основать конкурирующую национальную ассоциацию, Спасоевич говорит о поддержании «стабильных долгосрочных отношений» и с Срджаном, и с Гораном. Так постепенно воцаряется мир в сербских теннисных кругах. Значит, у страны есть немало шансов выиграть в длительной перспективе за счет наследия Джоковича.

Однако гора, на которую предстоит взойти, тем не менее высока. «У нас всего тысяча детей играет в теннис, – сетует Богдан Обрадович, капитан сербской команды Кубка Дэвиса и владелец школы в центре Белграда. – В Китае играет 50 млн детей, в Америке – 10 млн, и даже в такой стране, как Австралия, – 1 млн, а у нас только тысяча. Наверняка в Сербии найдется тысяч сто детей, которые хотели бы играть в теннис, но это дорогой спорт, а поскольку у них нет денег, они даже не пытаются заняться им».

Дело в том, что, несмотря на наличие Джоковича, Сербия не в состоянии рассчитывать, что теннис поможет ей занять серьезное место в сознании мировой общественности. Сербия – сравнительно маленькая страна в той части земного шара, где за последние два десятилетия возникло несколько «новых» государств. Поэтому если она и сможет выделиться из общего ряда, то по другим причинам.

Не так давно Сербия заявила о своих намерениях войти в Евросоюз. Если ей удастся это сделать в последующие лет пять, ее позиция будет иметь определенный вес на переговорах ЕС по мировым вопросам, хотя кое-кто считает, что она останется всего лишь маленькой страной-участницей, и, значит, в какой-то мере утратит свою самобытность. Согласованные минимальные стандарты, которых Сербия будет обязана придерживаться в широком диапазоне промышленных и социальных сфер (от ограничения продолжительности рабочего дня

до допустимого содержания серы в дизельном топливе), существуют для того, чтобы гарантировать приблизительно равные условия для торговли между всеми странами Союза, и не предназначены для подрыва местной культуры. Но некоторые граждане ЕС считают, что подчинение правилам ЕС все-таки подрывает их национальную и региональную культуру, и такому несговорчивому народу, как сербы, возможно, будет нелегко смириться с этим.

В этом отношении примечательным барометром служит курение. Тот факт, что некоторые теннисные тренеры в Сербии не смущаясь закуривают в кафе, несмотря на то, что им следовало бы пропагандировать стремление к хорошей физической форме и здоровому образу жизни, свидетельствует о том, в какой степени курение является частью местной культуры. Посещение традиционного сербского ресторана напоминает экскурс в историю множества стран Западной Европы, Америки и Австралии, а на следующее утро оказывается, что одежда пропитана табачным дымом. ЕС не запрещает курение, но требует, чтобы страны-участницы организовывали зоны, свободные от курения, в ресторанах и некоторых других общественных местах, и кое-кто считает это требование завуалированным запретом. В ресторанах и кафе «Новак» впервые в Сербии появились такие зоны (наряду с безглютеновыми блюдами в меню), так что Джокович помогает своим соотечественникам понемногу осваивать европейские стандарты. Но сербы способны упорствовать, защищая свое право на курение, и почти гордиться этим своим отличием от Запада.

Несмотря на свои традиционные дипломатические, религиозные и лингвистические узы с Россией, стремление Сербии к Западу вряд ли беспокоит Москву так же сильно, как Украина, – в конце концов, восточные соседи Сербии, Румыния и Болгария, являются членами ЕС с 2007 г. В качестве экономического партнера России Сербия и рядом не стоит с Украиной, вдобавок у России с Украиной есть общая граница, а с Сербией – нет. Сербия имела значение для России в последние десятилетия XIX в., однако она слишком мала, чтобы играть заметную роль для Москвы в настоящий момент. Украина, напротив, представляет собой более обширную территорию, к которой относится немалая часть бывшей границы СССР по берегу Черного моря, хотя такие стратегически значимые города, как Севастополь и Ялта, вновь перешли под контроль Москвы в результате присоединения Россией Крыма в начале 2014 г.

Трудно найти сферу индустрии, в которой Сербия могла бы

прославиться на весь мир так, как Бразилия и Кения славятся своим кофе, Аргентина – танго, бесчисленные города и государства – притягательностью для туристов. Если фильм Эмира Кустурицы по роману Андрича «Мост на Дрине» будет иметь успех, то Балканы рискуют превратиться в своего рода культурный аттракцион – так Вена купалась в отблеске славы «Третьего человека» Кэрола Рида еще несколько десятилетий после выхода этого фильма в 1948 г. Но даже если Сербия в целом выиграет за счет развития туризма, Вишеград и Андричград находятся ведь не в Сербии, а по другую сторону границы – в Боснии.

По-видимому, шансы Сербии добиться международного признания наиболее велики в области спорта, благодаря очередным спортивным успехам. Наиболее плодовит в этом отношении футбол, и если в белградской «Црвене Звезде» или в сербской национальной сборной появится золотое поколение игроков, Сербия вновь займет в общемировом сознании более значительное место, чем в данный момент. С другой стороны, Хорватия получила колоссальный стимул, заняв третье место на чемпионате мира по футболу в 1998 г., – но каково положение Хорватии в общемировом сознании сегодня? На многолюдном мировом рынке, который видит, что в церемонии открытия летней Олимпиады участвует более 200 стран, трудно оставить свой след, если не принадлежишь к большой стране с давними традициями. В этом отношении спортсмен с мировым именем, несущий флаг, как Джокович на Олимпиаде 2012 г. в Лондоне, вероятно, является самым мощным магнитом, каким только может обладать страна вроде Сербии, чтобы привлечь к себе внимание всего мира.

Разумеется, Джокович останется сербом даже после того, как перестанет играть в теннис, но вопрос о месте Сербии в мире приводит и к другим мыслям: чем теннисист займется, когда наконец выпустит из рук ракетку? Он может стать, к примеру, телевизионным комментатором, шоу-звездой на турнирах ветеранов (особенно со своими пародиями), может стать капитаном сербской команды на Кубке Дэвиса в любое удобное для него время.

«Он может заняться чем пожелает, – говорит его друг Иван Любичич. – Я могу заниматься чем угодно, но я умею всего процента два от того, на что способен он. Уверяю вас, он не собирается сидеть сложа руки, это уж точно. Капитан на Кубке Дэвиса или телевизионный комментатор? Он способен на большее. Думаю, он должен взять на себя такую роль, чтобы она давала ему возможность держать ситуацию в своих руках

и менять ее в лучшую сторону».

Эти слова отражают общее мнение тех, у кого брали интервью для этой книги: Джокович захочет чего-нибудь трудоемкого и ответственного, дела, которое по-настоящему изменит что-либо. Встает вопрос: чего именно? Есть три очевидных сферы, к которым он мог бы склониться: административный пост в теннисе или в спорте в целом, деятельность посланника какого-либо рода или дипломата и, наконец, политика.

Когда умерла Елена Генчич, Джокович говорил о продолжении ее дела, ее наследия. Слово «наследие» применительно к Генчич могло означать что угодно, но явной сферой приложения сил для Джоковича остается развитие тенниса. Даже сейчас пылкая любовь Джоковича и к игре, и к своей стране означает, что он всегда готов тренировать сербских юниоров. Будучи первой ракеткой мира, он постоянно ведет переговоры с главными лицами теннисного руководства, а это означает, что он учится вести новую для себя игру и у него появляется шанс составить собственное представление о том, как овладеть ею.

Телевизионный обозреватель Небойса Вискович говорит: «Он человек настолько широких интересов, что я представить себе не могу, что именно увлечет его в будущем. Когда я смотрю на Владе Диваца, лучшего баскетболиста Югославии, а ныне президента Сербского олимпийского комитета, я думаю, что в дни его спортивной карьеры представить себе не мог, чем он займется потом. Кто знает, на что способен Новак?». Сам Джокович с восхищением говорит об ответственности, которую взвалил на себя Дивац, но это не значит, что Новак ищет чего-то подобного, однако не требуется напрягать воображение, чтобы представить его в роли президента Сербской федерации тенниса, Сербского олимпийского комитета или чего-нибудь в этом роде.

Его популярность в Сербии и уважение соотечественников означают, что он в любой момент может сделать карьеру в политике. «Если он решит пойти в политику, я помогу ему», – говорит бывший президент Борис Тадич (удобным для себя образом упуская из виду вероятность того, что Джокович может и не пожелать его помощи – Тадич не пользуется авторитетом у сербских выразителей общественного мнения). Бывший президент добавляет: «Если он будет баллотироваться на высший пост, он победит». Сейчас – да, он мог бы выиграть, но политика – это не просто умение нажиться на собственной популярности. Надо создавать альянсы, порой с неприятными союзниками,

составлять достаточно оригинальные программы, чтобы привлечь внимание общественности, и при этом апеллировать к широкому электорату; любое событие может разрушить даже самые продуманные планы, вдобавок необходимо находить общий язык с представителями СМИ. В эпоху 24-часовых новостей и фабрики слухов, которой являются социальные СМИ и Интернет в целом, управление информацией играет важную роль. Многие политики ставят перед собой цель высказываться откровенно и давать честные ответы, а потом понимают, что такой подход идет вразрез с их политическими задачами, и тогда замыкаются, становятся осторожными в высказываниях и вскоре начинают выглядеть столь же бесцветными, как их коллеги. Способен ли Джокович играть именно в эту игру? Хочет ли он этого вообще? Пока он отвечает отрицательно, но время покажет.

Душан Вемич, который в последние годы проводит много времени с Джоковичем в разъездах, убежден, что Джокович прекрасно сознает все эти ловушки. «Вряд ли он пойдет в политику, – говорит Вемич. – По-моему, она ему не интересна, но если все-таки пойдет, то с какой-нибудь грандиозной идеей, которая многое изменит».

И когда Деян Петрович утверждает, что Ноле, подобно Тито, может объединять людей, возможно, он прав, но как достичь такой цели? Джоковичу нужна своя роль, а в настоящий момент трудно понять, в чем эта роль может заключаться.

Вискович, по-видимому, настроен на одну волну с Петровичем и Вемичем. «Он делает для Сербии то, чего больше никто не может сделать, – говорит он. – Если он будет баллотироваться в президенты, то победит с 100 % голосов. Однако общественность не слишком высокого мнения о членах его семьи, поскольку они представляют Сербию совсем по-другому, не так, как сам Джокович. Думаю, ему будет полезно посоветовать своим близким держаться скромнее – на людях они вели себя постыдно. Сербский народ повидал немало разного, он хочет наконец чего-нибудь хорошего, и если к Новаку расположены все, то к его семье – нет. Так что да, он может быть президентом, но гораздо разумнее для него было бы стать посланником».

Так что же это за роль посланника или дипломата? Важно подчеркнуть, что оба термина применяются здесь в широком смысле, поскольку роль посла страны в столице другого государства, или же дипломата, представляющего правительство на международных переговорах, четко определена и ограничена. Джокович уже сейчас является представителем компаний, выпускающих спортивную одежду и ракетки, и, несомненно,

насчитываются сотни сербских и не только сербских фирм, которые с удовольствием поручили бы ему представлять их, замолвить за них слово. Но устроит ли это человека, полного кипучей энергии и наделенного активным и целеустремленным разумом? Верится с трудом.

В 1980 г. тогдашний президент США Джимми Картер назначил бывшего чемпиона мира, боксера-тяжеловеса Мохаммеда Али особым посланником США в Африке. Али побывал в ряде африканских стран и убедил их руководство присоединиться к организованному США бойкоту московской Олимпиады в 1980 г. в знак протеста против вторжения СССР в Афганистан в декабре 1979 г. Нетрудно представить себе Джоковича выполняющим подобную задачу, особенно если она как-то связана с вопросом о детях – это лежит в русле работы его фонда – или с борьбой за мир. Мы ведь помним, как он заявил на Открытом чемпионате США в 2013 г., что он «решительно против любых видов оружия, бомбардировок или ракетных атак».

Но любое подобное назначение оказалось бы кратковременным. Проще представить Джоковича занимающимся благотворительностью в международных масштабах, допустим, от имени ООН, что было бы естественным продолжением его работы в качестве посланника ЮНИСЕФ.

«Я считаю, что функции посланников способны выполнять многие люди, игравшие в теннис, – утверждает двукратный серебряный призер Большого шлема Тодд Мартин. – Это глобальная игра. Только что ты яростно сражался против другого претендента на тот же приз, но уже в следующую минуту оказываешься с ним в одной раздевалке. А потом общаешься на вечеринке с людьми, на языке которых не говоришь. Всеми этими способностями должен обладать посланник. Многие игроки могут научиться своему теннисному ремеслу, но лишь некоторые, такие как Роджер и Новак, настолько умны, что испытывают потребность учиться в самом широком смысле слова».

Отвечая на вопрос, каким он представляет себе собственное будущее после ухода из большого тенниса, Джокович не исключает ни одного из возможных вариантов: «Я попытаюсь дать своей стране все, что смогу, но не в качестве политика. Думаю, есть много способов оказать помощь, и в настоящее время я делаю это посредством благотворительности и „Фонда Новака Джоковича“».

Большинство спортсменов мирового значения в наше время имеют благотворительные фонды, побуждая кое-кого задаваться вопросом, чем вызвано основание этих фондов – налоговыми

преимуществами или подлинным беспокойством о судьбах мира. На этот вопрос трудно ответить: если правительство взимает меньше налогов потому, что некоторые граждане направляют определенную часть своего дохода в благотворительный фонд, сам жертвователь не получает личной выгоды; в сущности, он просто лично распоряжается частью своих налогов, которые все равно был бы вынужден заплатить в казну. Дает ли это нам право судить о том, насколько сильно и искренне их стремление к благотворительности?

Что касается «Фонда Новака Джоковича», тут порыв явно исходит от сердца. В послании, обосновывающем причины основания фонда, Джокович пишет: «Я родом из страны, разорванной войной, места, где многие дети не смеют иметь по-настоящему большую мечту. Мне повезло на протяжении всего детства пользоваться поддержкой всех членов моей семьи. Они верили в меня и все это время мечтали вместе со мной. Сегодня я осуществил свою детскую мечту. Для меня очень важно приступить к созданию филантропического наследия прямо сейчас, пока я еще молод и привлекаю внимание общественности. Я хочу обратить часть этого внимания на деятельность моего фонда и помочь многим детям исполнить свои мечты. Они смогут учиться на моем примере, узнать, как много делается возможным, если мы верим и упорно трудимся».

Джокович основал «Фонд Новака» в 2007 г., чтобы распоряжаться крупными денежными суммами и направлять их на всевозможные проекты – например, на чрезвычайную помощь районам, пострадавшим от военных действий или стихийных бедствий, на гранты детям, которым требуется медицинская помощь за пределами Сербии, на поездки юниоров на теннисные турниры, на поддержание и восстановление исторических храмов и монастырей. В 2012 г. он переименовал свое детище в «Фонд Новака Джоковича» (NDF), поставил во главе его свою подругу (теперь – жену) Елену Ристич и сделал основной акцент на помощи детям – преимущественно в Сербии, но также и во всем мире. В сентябре 2011 г., подобно многим другим спортсменам, Джокович был назначен посланником ЮНИСЕФ, однако его роль была особой – привлечь внимание к катастрофической ситуации в детских дошкольных учреждениях в Сербии: детей там очень мало и посещаемость относится к самым низким в мире (44 %).

В результате возникло три проекта, осуществляемых при поддержке Фонда и отражающих идеи Фридриха Фрёбеля, немецкого педагога XIX в., которому принадлежит теория, согласно которой удовлетворение потребностей ребенка

в «ранние годы» (он определял их как возраст от 3 до 7 лет) поможет ему лучше справиться с задачами, которые будут стоять перед ним в будущем. Фрёбель ввел в обращение термин «детский сад», будучи убежденным, что детям младше семи лет лучше всего играть на свежем воздухе, и приверженцы его трудов склоняются к открытию школ с небольшим количеством учащихся этого возраста, делая акцент на пребывании вне помещения; такие заведения называют «маленькими школами». Нетрудно понять, что вера Джоковича в право каждого ребенка мечтать и фрёбелевский подход к детям сочетаются весьма гармонично. Один из проектов «Фонда Новака Джоковича» называется «Школица живота», что можно перевести как «маленькая школа для жизни». Джокович говорит на сайте своего фонда:

«Этот проект был разработан как проявление нашего стремления помочь детям мечтать, а также вдохновить взрослых делать все, что в их силах, чтобы помочь детям реализовать эти мечты. Детские сады, парки, игровые площадки – естественные школы жизни, где дети играют и учатся в процессе игры, решают поставленные перед ними задачи, заводят друзей на всю жизнь. Мы хотим, чтобы эти школы жизни стали рассадниками доброй воли, правильных ценностей, чтобы в них дети учились активности, заботе о себе и других. Это самый лучший способ поддержать родителей, профессионалов, местные сообщества, и самое главное – детей, помочь им сохранять силы, уверенность в себе и веру в жизнь – веру, что они способны сделать что-то для себя сами, для своего настоящего и будущего. Только так смогут появиться новые поколения ответственных граждан, людей, которые заботятся друг о друге и о среде, в которой живут».

Проект «Школица живота» помогает пока четырем школам, однако очевидно, что работы еще непочатый край.

В то же время Джокович признал, что даже самой замечательной маленькой школы недостаточно, чтобы развить у ребенка способность мечтать и стремиться осуществить свои мечты, если жизнь в родном доме ребенка не способствует этому. Вот почему в настоящее время фонд приступает к реализации совместного с ЮНИСЕФ и правительством Сербии проекта под названием «Поддержка семей в зоне риска». Его цель – предотвратить отчуждение детей от их родных, укрепить семьи, помочь им справиться с кризисными ситуациями – короче, способствовать тому, чтобы у детей было нормальное детство. Команда «семейных социальных работников» в настоящее время ведет работу с 53 семьями и 118 детьми в них.

Елена Ристич, ныне Елена Джокович, вышедшая замуж

за Новака в июле 2014 г., говорит:

«Эта служба необходима системе социальной защиты по нескольким причинам. Прежде всего, потому, что неблагополучных, нуждающихся в поддержке семей очень много. Социальные работники просто не успевают вести планомерную работу, направленную на помощь детям. Они сталкиваются не менее чем с тремя сотнями трудных случаев в год, а для того, чтобы разобраться с ними и предпринять самые необходимые меры, нашему персоналу требуется как минимум два с половиной года – ведь чтобы был результат, нужно внимание, преданность делу, а также время. Ничто не заменит ребенку его родную семью, в большинстве случаев альтернативы не находится. Разумеется, встречаются ситуации, когда речь идет об угрозе для жизни ребенка, и тогда его следует изъять из семьи. Но гораздо чаще семьям необходимы просто руководство, совет, стимул, возможность посетить врача, получить документ, записать ребенка в детский сад, выслушать совет о том, как преодолеть трудности. Опекаемые нами семьи дают добровольное согласие на совместную работу с представителями службы. Мы убеждены, что по прошествии шести месяцев семьи становятся гораздо прочнее».

Интересно, что третьим из проектов Джоковича стала детская «игротека» в Крагуеваце, центром внимания которой являются маленькие цыгане. В этой «игротеке» выдают не только игрушки, но и учебные материалы и пособия. Поскольку цыгане в сербском обществе нередко подвергаются остракизму, речь идет не только о помощи детям, но и о возможности преодолеть барьеры, созданные предрассудками.

«Наша задача – помочь детям из проблемных сообществ, чтобы они не чувствовали себя изгоями, могли играть и развиваться в доброжелательной и безопасной обстановке и при этом учились уважать других и заботиться об окружающей среде, – говорит Джокович. – Работа моего фонда получила признание во всем мире, многие помогают нам в этой миссии».

Официально переименованный Фонд был открыт в феврале 2012 г., но в действительности это событие состоялось на благотворительном ужине в Нью-Йорке, в сентябре 2012 г., на котором было собрано 1,4 млн долларов. Неделю спустя Джокович посетил детский сад ЮНИСЕФ в городе Лесница, а через месяц вместе с производителем одежды Uniqlo выступил с инициативой проекта «Одежда для улыбок» (имеются в виду улыбки детей всего мира). Заслуги Джоковича были признаны британским благотворительным фондом в помощь бездомным Centrepoint, удостоившим его своей первой награды Premier

Award на турнире среди ветеранов в королевском Альберт-холле в Лондоне в декабре 2012 г. Джокович принял награду из рук принца Уильяма, второго наследника британского престола и страстного поклонника тенниса, не пропустившего ни одного матча в «Уимблдоне» и на Открытом чемпионате Австралии.

Когда Джокович говорит о своем фонде, чаще всего он повторяет слово «мечта». «Давайте вместе поверим в мечту!» – пишет он на сайте фонда. Получив должность посланника ЮНИСЕФ, он сказал: «Работая с ЮНИСЕФ, я хочу помочь сербским детям осуществить свои мечты. Хочу помочь им понять, что у них есть права и что эти права должны быть защищены. Я хочу, чтобы они поверили, что возможно все».

Все это очень походит на эмоции, которым он не дает выйти наружу до завершения теннисного матча; эта романтическая устремленность служит как бы противовесом его упорной работе на тренировочном корте и в тренажерном зале. Именно эта сторона натуры Джоковича наводит многих на мысль, что в конце концов он окажется причастен к какому-нибудь глобальному проекту, цель которого – изменить наш мир в лучшую сторону. Душан Вемич говорит: «Он все сильнее понимает, что он – даритель, и я считаю, что все его действия в будущем будут отражать идею изменений к лучшему – думаю, он понимает, что уже многое изменил в жизни миллионов граждан своей родины и стал примером для множества спортсменов всего мира».

Но не слишком ли много рассуждений о персоне Джоковича? Может, следовало бы отнестись к нему просто как к человеку, который увлечен игрой в теннис и играет так хорошо, что сумел стать первой ракеткой мира, а также, как подобает разумному существу, проявляет понятный интерес к судьбам остального мира, и не более? Возможно, но в этом случае мы недооценили бы его.

Масштаб личности Джоковича складывается из трех основных элементов. Первые два характерны для всех преуспевающих спортсменов, и, если уж на то пошло, для всех людей, работа которых связана с работой на публике: это врожденные способности и преданность делу. Одни щедро одарены от природы, но им недостает преданности, другие при скромных способностях и яростной решимости оставляют далеко позади более талантливых конкурентов. У Джоковича есть и феноменальный талант, и стремление проявлять его во всей полноте. Ему необходимы оба этих свойства, чтобы успешно выступать в условиях ожесточенной конкуренции, характерных для современного профессионального тенниса. То же самое

можно сказать о Роджере Федерере, Рафаэле Надале и Энди Маррее, о лучших игроках прошлых лет и даже о тех, кто значительно отстает от них в рейтингах.

Однако эта решимость – целеустремленность, необходимая, чтобы преуспеть там, где наказывается любое проявление слабости, – приводит к избытку довольно скучных личностей. И это понятно. Смотрите: если начиная с шести-семилетнего возраста почти все ваше свободное время после школы уходило на тренировки, если все выходные и каникулы вы проводили в теннисных лагерях и на турнирах, следуя строгому режиму, если вы были обязаны поддерживать физическую форму и тренироваться все 52 недели в году, – вряд ли у вас было много возможностей для всестороннего развития. Но даже в таких жестких условиях время от времени появляются люди, которым природный ум помогает преодолевать все эти трудности и познавать мир вопреки всему. Они не изменяют цельности своей натуры и при этом выглядят совершенно обычными людьми. Хотя на самом деле они необычны. Джокович – один из них, и это третий элемент незаурядного масштаба этой личности.

Но он не один такой. В наибольшей степени на него похож Роджер Федерер, также сочетающий природные способности, упорную работу и личное обаяние, которое помогает ему широко смотреть на вещи. Отношения между Федерером и Джоковичем не всегда складывались гладко, но они питают друг к другу глубокое взаимное уважение, и любые трения между ними проистекают из того факта, что оба – выдающиеся спортивные деятели, какие редко появляются на свет, но, по счастливой случайности, оказались на сцене одновременно. Похвалы в адрес Федерера и Джоковича вовсе не означают умаления достоинств других членов феноменальной «большой четверки» нынешней теннисной эпохи – Рафаэля Надаля и Энди Маррея. Известное всем добродушие Надаля и спокойная приземленность Маррея тоже дорогого стоят – как в человеческом, так и в спортивном плане; вполне возможно, что с возрастом Маррей достигнет интеллектуального уровня Федерера и Джоковича. Но в настоящий момент Федерер и Джокович все-таки выделяются – не просто замечательные спортсмены, но и кумиры международного сообщества, чье влияние распространяется далеко за пределами их видов спорта и родины.

Они выдерживают сравнение и с героями прошлых времен. Род Лейвер был самым преуспевающим игроком первого периода «открытого» тенниса, но поскольку оставался скромным и сдержанным человеком, то так и остался отличным

спортсменом, не более. То же самое относится к Бьорну Боргу, хотя он и обладал большей притягательностью, свойственной «звездам», нежели Лейвер. Джимми Коннорс и Джон Макинрой прославились не только в спорте, но импульсивность характеров помешала им выйти далеко за его рамки. Борис Беккер – наиболее харизматичный теннисист своего поколения, однако он всегда стремился быть не столько лидером, сколько личностью. В поколении 1990-х гг. наибольшего успеха добился Пит Сампрас, но он всегда чувствовал себя неловко в центре всеобщего внимания, а Андре Агасси имел слишком беспокойную душу, чтобы в полной мере воспользоваться своим громадным интеллектом, доставшимся ему от природы; из этого поколения самым красноречивым был Джим Курье, однако его красноречие по-настоящему проявилось только после завершения спортивной карьеры, вдобавок на вершине он пробыл недостаточно долго, чтобы оставить заметный след. С Федерером и Джоковичем способны соперничать разве что две представительницы «открытой эры» тенниса – Билли Джин Кинг и Мартина Навратилова. Обе были в своем роде первыми, однако после завершения спортивной карьеры обеих оценили выше, чем во времена их игры на корте. В отличие от них, добившись всеобщего признания и подлинной мировой славы, ни Федерер, ни Джокович даже не помышляют снижать активности – ни на спортивном, ни на иных поприщах. Поэтому они по праву относятся к числу тех немногих, кого можно назвать «деятель» – в самом широком смысле этого слова.

В конце концов, тем, кого вдохновляет Джокович, самим решать, в чем именно заключается это вдохновение, и каждый человек наверняка по-своему ответит на этот вопрос. Сербский теннисист и тренер Душан Вемич произнес трогательные слова: «Я по-настоящему счастлив, что он есть в моей жизни, и я могу думать о нем как о человеке, замечательном образце для подражания, великом примере. Я прекрасно сознаю, что мои усилия не дотягивают до уровня его усилий, однако он подает мне такой пример, что я по-прежнему чувствую себя обязанным стараться изо всех сил. Как человек он стремится делать все возможное, чтобы его страну и его соотечественников могли воспринимать только с позитивной стороны. Все предельно ясно. Его мотивы чисты и недвусмысленны, и это сразу видно».

Мир не остановится, когда Новак Джокович наконец решит повесить свои теннисные ракетки на стену, и Сербия не перестанет существовать. Наверное, к концу спортивной карьеры Джоковича его родина станет гораздо более богатой страной, чем прежде. Тогда мы и увидим, является ли Джокович

«всего лишь» теннисистом или он способен покорять вершины в любом деле, какое бы ни выбрал. Судьба наделила его достаточными интеллектуальными способностями и добрым сердцем, чтобы он смог осмыслить собственный опыт: борьбу семьи за выживание, бомбардировки Белграда, житейскую мудрость Елены Генчич, научившей его не сдаваться – ни перед 23 тыс. зрителей, освистывающих его на стадионе, ни перед физической болью, которую он преодолевал во время почти шестичасового финала, ни перед многим другим. И в конце концов – стать личностью, потенциал которой еще далеко не исчерпан. Тренер Деян Петрович говорит: «Чем бы Новак ни занялся, к какому бы виду спорта ни обратился, он добьется успеха. Его стремление побеждать невероятно. Ради победы он готов трудиться не покладая рук; он никогда не произносил слов: „Я устал, я не могу“. Если с тем же стремлением Джокович подойдет к строительству следующего этапа своей карьеры, может оказаться, что теннис был лишь стартовой площадкой для будущего деятеля мирового масштаба».

Библиография

Англоязычных биографий Новака Джоковича не существует. Одна его биография опубликована в 2013 г. на португальском языке: она была написана Блажем Поповичем и опубликована в Бразилии. Попович – белградский теннисный обозреватель, который редко покидает свою страну. Публикацией в Бразилии он обязан дружбе с менеджером по связям с общественностью теннисиста Густаво Куэртена, который передал рукопись одному бразильскому издателю. Реклама этой книги утверждала, что Попович беседовал с семьей Джоковича, однако сам он утверждает, что никогда не общался с ними, а все цитаты заимствовал из телеинтервью, которые семья давала в Сербии.

При написании этой книги использовались следующие издания, посвященные Сербии, спорту в Восточной Европе и Джоковичу:

Andric, Ivo. The Bridge over the Drina [Na Drini cuprija, 1945] / English translation by Lovett Edwards. – George Allen&Urwin, 1959 (Андрич, Иво. «Мост на Дрине»).

Wilson, Jonathan. Behind the Curtain. – Orion, 2006 (Уилсон, Джонатан. «За кулисами»).

Djokovic Novak. Serve to Win. – Bantam Press, 2013 (Джокович, Новак. «Победная подача»).

Little, Allan; Silber, Laura. The Death of Yugoslavia. – BBC Books, 1995; Penguin, 1996 (Литтл, Аллан; Силбер, Лора. «Смерть Югославии»).

Также использовались две статьи ученых, специализирующихся на Югославии, – из них был почерпнут дополнительный материал:

Hayden, Robert. Serbian and Croatian Nationalism and the Wars in Yugoslavia // Cultural Survival. – 1995. – Issue 19.2 (Хейден, Роберт. «Сербский и хорватский национализм и войны в Югославии»).

Judah, Tim. Yugoslavia: 1918–2003. – BBC Online, 2003 (Джуда, Тим. «Югославия в 1918–2003 гг.»).

notes

Сноски

1

Пер. Т. Вирты.